

Глава 1

В крошечной темноте удары веток об оконное стекло лишили остатков сна. Кристоф долго ворочался в постели, в голове вертелись плохие мысли. Встав с кровати, он направился в ванную.

В отражении зеркала на него смотрел мужчина около тридцати лет, загорелый и физически развитый. В глаза бросались шрамы от огнестрельных ранений, разбросанные по грудной клетке и животу. Пули должны были убить его, но вместо этого стали наградой.

Кристоф открыл кран и умылся ледяной водой. Тысячи иголок врезались в лицо, приводя в ужас нейронные связи, заставляя нервную систему впасть в состояние шока. Хотелось прогнать навязчивое беспокойство, но вышло наоборот — ему ещё сильнее захотелось увидеть её. И сделать это немедленно!

Он закрыл глаза, переносясь отсюда в дом, где жила Ив. В её спальне всегда горел свет. Накрывшись теплым одеялом, она беспечно спала, не подозревая о наблюдателе. Но даже если бы Ив открыла глаза, она бы не заметила незнакомца. Его оболочка осталась далеко, он присутствовал в комнате невидимым призраком. И пусть его тело не здесь, магия всегда шла за ним следом.

Кристоф подошел к кровати, отбросил одеяло, раскрывая Ив. Она даже не пошевелинулась. Её волосы цвета вороного крыла блестящими волнами разметались по подушке. Лежа на боку, она придавалась забвению, напоминая ему хрупкого ангела. Бежевый пеньюар задрался выше ягодиц, выставляя напоказ кружевное белье, а бретелька спала с плеча, обнажая часть груди. На её теле он видел шрамы один в один, как его собственные, только расположенные в зеркальном отображении.

Он присел на край постели рядом с девушкой. Его ладонь легла на щиколотку Ив. Медленно провел рукой, подбираясь к колену, лаская бархатную кожу... скользнул по бедру, аккуратно коснулся запретного кружева. Тепло её тела будоражило фантазию.

Необузданное желание завладеть Ив захватило Кристофа. Ведь что ему стоило взять её, а потом заставить забыть?.. Он думал об этом так давно и так часто, что уже устал от этой мысли. Нет! Этого было недостаточно. Для него это жалкий глоток воды, который не удовлетворит многолетнюю жажду, а лишь разожжет желание ещё больше. Он хочет её всю, полностью и без остатка: испить до дна, переполнить бокал до самого края, тонуть в ней, как в море.

И пока он боролся с внутренним демоном, его рука продолжала исследовать изгибы тела, поднимаясь к талии.

— Ханс, отстань, — сонно произнесла Ив.

Кристоф замер, удивляясь, что она чувствовала его прикосновения. Насколько же сильна между ними связь?

От звука её голоса на теле Ив началось движение. Из-под пеньюара на плече появилась живая татуировка. Самка питона внимательно смотрела на незнакомца, следя за каждым его движением.

— Опять ты?

Кристоф приложил палец к губам. Он не хотел никого разбудить. Змея частенько наблюдала за его визитами, охраняя хозяйку. Как все древние магические существа, она видела больше, чем обычные маги.

На галию Ив легла мужская рука, совсем рядом с рукой Кристофа. Его лицо исказила гримаса ярости, дух захватил ураган ревность, безжалостно сжигая изнутри. Внутренний монстр требовал крови.

— Не смей, — прошипела тихо змея, чувствуя эмоции незнакомца.

Всплеск чувств был тут же подавлен. Вместо них на лице незваного гостя появилась

хищная улыбка. Он встал с кровати и посмотрел свысока на Ив и её мужа. Нет! Вот так его убить было бы слишком просто. Да и зачем? Он пока необходим, в хитроумном плане Кристофа он сыграет решающую роль.

Бесплотный гость осторожно накрыл одеялом Ив, и легонько коснулся губами её щеки, боясь прервать сновидения.

Всё, что хотел Кристоф узнать — он узнал: Ив живая, здоровая и всё ещё чужая...

Пока ещё чужая.

Солнце померкло. Изнемогая от мук, небо не выдержало и разорвалось, расплескивая ледяную воду. Ливень нарастал, становясь всё сильнее и звонче, превращаясь в непроглядную водяную стену.

Вода бессовестно лилась в открытое окно, стекая по подоконнику на пол. В холодной квартире остро ощущалась осенняя сырость. Я сидела на стуле, укутавшись тёплым пледом, наблюдая за лицедейством природы. Какое-то необычное спокойствие не давало подняться и закрыть створку.

И аромат... Он приковывал к месту. Вдыхала полной грудью, наслаждаясь запахом озона вперемешку со свежесваренным чаем с мятой. Над белой фарфоровой чашкой парила дымка. Семейный сервиз — одно из немногих оставшегося от некогда обеспеченной и аристократической жизни.

Сползая с плеча к кончикам пальцем и превращаясь из нателного рисунка в живое существо, на столе появилась Мариса. Высовывая длинный раздвоенный язык, она внимательно читала раскрытую «Ольбург Таймс».

— Ханс тебя приберёт, увидев, что ты не закрыла окно.

— Не приберёт. Это же Ханс.

Я наблюдала за растущей лужей, деля небольшие глотки горячего напитка.

— Ц-ц-ц. Опять это мятежник на первой странице! Заявляет, что в ближайшие сроки разрешит конфликт между Ольбургской королевской семьей и униженным народом. Ты представляешь, какой мерзавец?! Народ, видите ли, королевская семья обидела! А то, что они хотели линчевать всю аристократию на главной площади Креортока, наверное, он не успел упомянуть. Тьфу-у, как противно... лицемер.

— Не заводись, Мариса. Тисовому магу не добраться до Ртутных островов. Эти журналисты только и делают, что раздувают из мухи слона, лишь бы распродать весь тираж.

— Как ты можешь быть такой безразличной, Ив? Это касается тебя в первую очередь! Если этот негодяй сунет сюда свой нос...

— Тихо-тихо, — перебила я змею, — Кажется, начинается...

Мой взор помутился, сквозь мрак начали появляться неразборчивые образы. С каждой секундой они становились всё четче, обрстая новыми деталями и элементами. Постепенно видение складывается в одну законченную картинку...

Незнакомец в белой рубашке сидел за дубовым столом, просматривая утреннюю прессу. Возле его правой руки стояла чашка черного кофе. Я заметила по первым строчкам, что это та же газета, которую читает Мариса.

Можно подумать, что он почувствовал моё присутствие: встал, прихватив с собой напиток, направился к открытому балкону. С улицы ударил солнечный свет — на небе ни облака.

Впервые за пять лет я смогла посмотреть на Креорток своими глазами... Почти своими. Глазами незнакомца я глядела на центральную площадь столицы, густо

усеянную оранжевыми, красными и зелеными деревьями. Откуда в октябре взяться зелени? Но внимательно всмотревшись в ярко зеленые кляксы с терракотовыми вкраплениями, я узнала в них ягодный тис. Площадь густо усеяна ими, они яркими пятнами разбавляли привычные осенние тона.

Незнакомец облокотился о перила балкона, нависая над пропастью. У меня сразу же закружилась голова. В страхе я цеплялась пальцами за край стола, словно пыталась удержаться от воображаемого падения.

Он смотрел вниз с высоты семи-восьми этажного здания. И, если я не ошиблась, то это была гостиница «Плаза».

— Ну и что там? — спросила Мариса без особого энтузиазма.

За долгие годы подобные видения стали обыденными.

— Он стоит на балконе «Плаза» и смотрит на площадь. Там вовсю светит солнце и так тепло... Ты не представляешь, как там красиво!

— Балкон «Плаза»? Я всегда говорила, что он какой-то подпольный зельевар. Откуда у приличного человека могут быть деньги на VIP-номер с видом на главную площадь королевства?

— Ма-ри-са! — я рассмеялась.

— Нет. А что-смешного-то?! Я говорю реальные вещи.

Но я не спорила, меня завораживал пейзаж. Город такой уютный, родной и далекий...

— И-и-и-в! Что здесь произошло? — в комнате появился Ханс.

Его голос прогнал видение. Ханс, взявшись рукой за голову, смотрел на моё дождевое хулиганство.

— Дождь начался так внезапно, что я не успела закрыть окно.

— Хозяйка квартиры нас выгонит на улицу, если узнает, — тревога слышится в его голосе. Он подходит к столу и берет с тарелки имбирное печенье. — Ты что, на работу не собираешься?

— Собираюсь. Заступаю на дежурство через час.

— Ясно, — он откусил лакомство и направился обратно в спальню.

Проходя мимо открытого окна, Ханс махнул рукой — створка закрылись. Лужа, словно на раскаленной сковородке, начала испаряться.

— Мой бытовой маг, — прошептала тихо.

— Я всё слышал, Ив!

Я допила чай. Мариса продолжала с интересом читать интервью Кристофа Йенсена, она, словно губка, впитывала каждое написанное слово. Теперь будет весь день разглагольствовать на политические темы.

Встав со стула, я направилась в душ.

— Кстати, вчера по центральному каналу показывали «Кенгуренка Блинки», — кидает мне вдогонку Мариса.

— Пожалуйста, скажи, что его крутили не в прайм-тайм?

— В прайм-тайм, — змея явно довольна.

— Сегодня на работу хоть не появляйся!

В узком коридоре разминулась с Хансом. Он на бегу поцеловал в щеку и пообещал на

неделе сводить меня в ресторан. Через пару минут советник королевы скрылся за дверь, оставляя нас с Марисой вдвоем.

Весть о походе в ресторан меня огорчила. Ханс консерватор, он всегда привязывает значимые события к подобным появлениям на публике. Эта уже семейная традиция: отпраздновать день рождения, сделать предложение выйти за него замуж, сообщить, что скоро произойдет переворот, и мы должны бежать из города... За более чем три года совместной жизни я уже выучила все его привычки.

Это не к добру! Ханс что-то знал, но не хотел об этом говорить сейчас. Может, что-то с королевой? Или мы сдали оборону и должны бежать дальше? Или что-то ещё...

Из-за двери доносилось бездарное пение Марисы:

«Блинки, Блинки.

Лучший в мире кенгуренок!

Блинки, Блинки

Радуетя мама и ребенок!

Блинки, Блинки»...

— Мариса, пожалуйста, только не пой!

Включила кран с горячей водой в надежде, что шум заглушит пение змеи. Крутой кипятик наполнил ванную, покрыв зеркало испариной. Провела рукой по стеклу, рассматривая своё отражение: черные волосы до поясицы, бледное лицо, синие сверкающие глаза, аккуратный нос и выразительные губы. Взгляд опустилса чуть ниже шеи. Туда, где в нескольких сантиметрах от сердца находится один из шрамов. Провожу рукой по уродливому следу.

— Ты там долго будешь? Я уже замерзла, — говорит за дверь Мариса.

Делаю глубокий вдох и открываю дверь.

— Спасибо, — Мариса обвила мою ногу, снова превращаясь в татуировку, остановилась на правом бедре. — Между прочим, я тоже люблю купаться. Ты эгоистка, Ив! Как можно лишать радостей такую прелесть, как я?!

— И не говори, Мариса. Как я могла?!

Чудом успела добраться на работу вовремя. Уже на выходе из ординаторской наткнулась на Педерсена.

— Привет! — словно я пустое место Генрих обращается к Марисе: — Мариса, ты читала сегодняшний «Ольбург Таймс»? Там новое интервью Йенсена.

— Как не читала?! Читала, конечно! Ты представляешь, вот гаденыш, не верю ни единому его слову! Обещает закончить гражданскую войну. Мерзкий лесоруб! Сначала разворотил страну, теперь берёт на себе роль мессии.

— Ну, между тем я читала мнение одного аналитика. И, как он утверждает, мир весьма вероятен. Поговаривают, что Йенсен собирается посетить Ртутные острова для начала переговоров.

— Кто? Он прилетит на Ртутные острова? Да его королевская флотилия не пустит, вместе с авиацией. Это же самоубийство — лезть в нору к врагу! Тем более, зачем ему этот мир? Он пречудненько поживает на материке, который нагло захватил. А все приличные люди должны ютиться на этих дождливых островах.

— Нет! Увольте меня, — моё терпение на исходе, — если я услышу ещё одно слово про Йенсена, сбегу от вас на край света.

— Кстати, да, Ив, — издевательски продолжает Педерсен, — что твой муж говорит об этом? Он верит в мирное урегулирование?

Беспомощный рык вырывается из моей груди, я быстро ухожу подальше от коллеги.

— Позвони мне, — кричит напоследок Мариса. А потом добавляет для меня: — Ты некультурная неприятная личность, Ив. Твоей графине бабушке было бы стыдно за тебя!

— Услышала поучение от образованной морально воспитанной змеи, — с сарказмом отвела Марисе.

— Вот тут ты абсолютно права!

Её слова вызвали улыбку, но ненадолго. Я зашла в главный зал педиатрического отделения, и мне показалось, что я попала в сафари-парк — приемная заполнена перевертышами детей кенгуру. Каких тут только вариаций неудачных обращений не было: девочка лет семи с ушами кенгуру; у пары трехлеток, бегавших между сиденьями, морды кенгуру; держа за руку взрослого, возле медсестры стоит девочка с кенгуровым хвостом.

— Доброе утро, фрау Ларсен. Герр Педерсен со вчерашнего дня воюет с этими кенгуру, — ко мне подошла старшая медсестра. — Сегодня наплыв пациентов немного поutih.

— Доброе утро, фрау Йиргенсонс. Всеми виной проклятое телешоу. Ладно, будем работать. По одному в мой кабинет.

— Как скажите, фрау Ларсен.

И понеслась рабочая смена. По очереди в кабинет заходили маленькие маги с родителями. Истории у всех одинаковые: после просмотра телешоу, где веселый кукольный персонаж под заводные песни просил детишек поиграть с ним, захватывая детское воображение, дети просили приобрести кенгуру в ближайшем супермаркете. Вот те родители, которые его купили — молодцы. Считаю, легко отделались. А те, которые отказали своим чадам, теперь расплачивались за детскую хитроумность. Дети стали колдовать, обращая в желаемого кенгуру котом, собакой, а самые одаренные — своих братьев и сестер. Но не у всех получалось это сделать на все сто процентов. Детская магия очень слабая, даже при сильном желании дети максимум могут достичь уровня бытового мага. Вот и выходит, что справляться с их проделками приходится магам-целителям педиатрического отделения центральной больницы Ртутных островов.

— Фрау Ларсен, — в двери появилась врач-статист больницы, — зайдите ко мне. Нам есть о чем поговорить.

— Хорошо. Как только отпущу этого чудного кенгуренка.

Маленький трехлетний мальчик рассмеялся. Выпроводив пациента, я первым делом пошла в кабинет коллеги.

Я взялась за ручку двери, табличка на которой гласила, что здесь принимает врач-статист, и недоумевала, какие вопросы у него могут быть ко мне.

— Заходите, фрау Ларсен, — врач вежливо предложила присесть на стул напротив нее.

Фрау Свенсен достала одну из папок.

— Я так понимаю, какие-то проблемы с моей документацией?

— Правильно понимаете. Наконец, пришли развернутые анализы вашего медосмотра. Сами понимаете, все лаборатории остались на материке. А там блокада, хоть и получается прорваться, но все же происходит это очень медленно.

— Да, да. Я все понимаю.

— Посмотрите сами.

Фрау Свенсен протянула мне бумаги. Я читала каждую букву в поисках упущения или изъяна. Анализы в норме, рентген в норме, магическое сканирование... И здесь я поняла, что ничего не поняла, хотя я первоклассный врач.

— Я смотрю, у вас та же реакция, как и у многих моих коллег. Это и не мудрено — редко встретишь такой феномен.

Яркий разноцветный снимок моей ауры был изрешечен. Разрывы находились на месте проклятых шрамов.

Фру Свенсен пристально посмотрела на меня сквозь толстые стекла очков.

— Я думаю, виной ваши рубцы от ран. Фрау Ларсен, откуда они у вас? Маги-целители, как вы, редко болеют. Вас очень тяжело убить, уровень вашей регенерации никогда не оставляет следов от ран, ссадин, и уж тем более никаких шрамов...

Разговор навеял старые воспоминания.

— Это случилось около пяти лет назад, когда я училась в столичной магиико-медицинской академии...

На улице была глубокая ночь. Я возвращалась со студенческой вечеринки одна. Моя однокурсница, которая составляла мне компанию, осталась со знойным блондином, величавшим себя магом-заклинателем. Хотя по факту он был обычным бытовым магом. Не стала я расстраивать подружку. Ей парень был симпатичен. Поэтому я тактично удалилась, чтобы им не мешать.

До квартиры, которую я снимала, было всего три квартала, и я решила пройти пешком. Как ни странно, в эту ночь на улице Бёрсен было темно, не горел ни один фонарь.

Я уже видела подъезд своего дома, как из-за угла появился мужчина. Он явно кого-то ждал. Я бы не обратила на него внимания, если бы не появление авто, которое остановилось возле него. И звуки выстрелов, прозвучавшие посреди ночи, как раскаты грома в пустой комнате.

— Что произошло? — проснулась от шума Мариса.

— Там мужчина, в него стреляли.

— Вызывай медиков!

Я набирала номер ближайшего госпиталя и подбежала к мужчине. Как назло линия занята. Мужчина лежал на земле, и в свете лунного света мне было тяжело оценить степень тяжести ран.

— Мариса, что с ним?

— Эх, плохо дело, не выкарабкается. Где-то пять-шесть ранений. Сильное внешнее и внутренне кровотечение. Он даже до приезда санбригады не дотянет.

В это время мне, наконец, удалось дозвониться до госпиталя.

— Алло. Срочно, на углу Бёрсен, 64 мужчина с пятью огнестрельными ранениями.

— Вас поняли. Сан-бригада уже выезжает, — произнес невозмутимый голос оператора.

Нас разъединили.

— Что сказали?

— Уже выехали.

— А-а-а, не успеют. У него сердечный ритм почти на нуле.

— Значит, нужно ему помочь.

Я взяла руку незнакомца, ощущая ее ледяной холод. Медлить нельзя было ни секунды.

— Не смей, Ив! Ему уже не помочь, а так он и тебя на тот свет потащит. Будет вместо одного смертника двое! Ты все равно не сможешь это сделать, ты не настолько сильна!

— Сильна. Я его вытащу, а ты ещё заберешь свои слова обратно!

И по моим венам потекла энергия, от моего сердца до рук незнакомца. Как только жар коснулся его кожи, от сильного магического всплеска мужчина очнулся и дернул рукой. Мне едва удалось удержать его и не разорвать нашу связь.

— Тише, дружок. Я не причиню вреда.

Но проблеск сознания снова погас, погружая его в битву за свою жизнь. Вот только теперь он не одинокий воин. С ним рядом я.

Сердечный ритм становился уверенней, но мой начинал ослабевать. Жгучая боль разедала моё тело. Я чувствовала, в моем теле медленно появлялись раны от выстрелов, кофта пропитывалась кровью. Первая пуля пришла в правое легкое. Дыхание сразу перехватило, казалось, что я захлёбываюсь собственной кровью. Вторая зашла чуть ниже...

— Ив, прекрати! — Мариса крутилась в агонии.

— Совсем немного... до приезда медиков...

Две парные фантомные пули врезались в живот. Я чудом держалась в вертикальном положении, балансируя на грани сознания и обморока.

— И-и-и-в!..

— Я...

Не смогла закончить фразу. Последняя фантомная пуля раздробила грудную клетку, врезаясь в плоть в сантиметре от сердца. От нестерпимой боли я вскрикнула и, потеряв самообладание, провалилась во мрак, не отпуская руку незнакомца...

Фру Свенсен внимательно слушала мой рассказ, угрюмо сводя брови и анализируя случившееся со мной. Под её взглядом я чувствовала себя школьницей, которая не выполнила домашнюю работу и ожидала порцию строгих нотаций.

— Все понятно, фрау Ларсен. Скорее всего, вам не удалось полностью восстановиться. Что стало с тем человеком, которого вы спасали?

— Я не знаю. Когда приехала бригада медиков, его не было на месте. Он просто испарился.

— А Мариса? Она что-нибудь помнит?

— Я?! — резко появился на моей шее питон. Свенсен подскочила на стуле, не ожидая, что Мариса — это змея. — Ничего не помню. Меня вырубил вместе с Ив.

— Понятно, — доктор отодвинулась от нас подальше. — Вам нужно найти этого мужчину и закончить исцеление. Скорее всего, вы застряли в состоянии, когда не можете полностью освободиться от ран. Хотя они фантомные, особого вреда здоровью не принесут. Но вот одна из ран в области живота станет огромной проблемой, если вы решите завести ребенка.

От последней фразы меня окатило холодом, как из ведра ледяной колючей крошкой.

— И что мне делать?

— Ищите вашего незнакомца. Заканчивайте исцеление. Без этого у вас практически нет шансов стать матерью.

Вне себя от горя я вышла из кабинета и облокотилась о холодную больничную стену. Внутри все сжалось от досады и жалости к себе, я закусила губу, чтобы не разрыдаться.

— И что мы с этим будем делать, Ив? — осторожно спросила Мариса.

— Нужно искать незнакомца, ты же слышала.

— Но он же в Креортоке, а ты на Ртутных островах. Между вами океан, военная блокада и враждебно настроенный к таким как ты мир.

— Не знаю Мариса, но я что-нибудь придумаю.

Глава 2

Неприятное чувство заставило открыть глаза среди ночи. Это не впервые, когда я просыпалась без видимой причины. Воображение подбрасывало дров в костер нараставшего ужаса. Ведь временами мне казалось, что вокруг происходит какая-то чертовщина. Поэтому уже давно я не могла спать в темноте, и в спальне всегда горел ночник.

Сегодня опять происходило что-то непонятное. Я поднялась с кровати и села на край. Обвела взглядом комнату, и не увидела ничего необычного: вещи на своих местах, Ханс посапывает, Мариса скрутилась в узел, дремлет на моей поясице. И во всем этом миротворении я ощущала нарастающее волнение.

На мгновение заметила, как в зеркале мелькнул чей-то образ. Неужели домовый? Или это блик от уличного фонаря? Собрав всю волю в кулак, подошла к трельяжу. С трех сторон на меня смотрела сонная дева. Собралась отойти, но услышала тихий цокот. Словно кто-то скреб ногтем с другой стороны стекла. Звук настолько слабый, что я вплотную приблизилась к своему отражению... Прислушалась...

Зеркальная поверхность колыхнулась, будто я тронула водную гладь, и словно пловец, вынырнувший из воды, безликий силуэт мужчины захватил меня в объятия, припадая губами к моим устам. От неожиданности я замерла...

...мир словно ожил. Стал сочнее, ярче, острее... Я позволила одурманить себя мистической ласке. Таинственный гость целовал меня требовательно и проникновенно. Я чувствовала его живое тепло... дыхание... удары сердца... запах тела... Мгновение нежности гипнотизировало, пробуждая во мне неведомую до сих пор чувствительность.

Я оказалась во власти неизвестной магии. Робко обхватила плечи мужчины, отвечая на его порыв. Мы целовались, будто ни делали этого сотню лет, будто созданы друг для друга, будто мир вокруг картонный, а этот поцелуй — единственный миг действительности. Миг, в котором хотелось остаться навсегда.

Мои веки сомкнулись. Казалось, вот-вот, и я потеряю притяжение к земле, и останутся только его объятия...

Зеркальный человек медленно ослабил объятия, отпуская меня. Мир быстро серел, краски меркли.

Открыв глаза, я увидела лишь своё отражение. Прикоснулась пальцами к губам, всё ещё чувствуя, как нежно полыхает след мистического поцелуя.

Я шагнула назад и, споткнувшись о ковер, упала на пол.

— Ай!

— Что? — подскочил Ханс, мгновенно стряхнув сон.

Чувство вины бьет по нервам, вопит — я только что изменила Хансу! В его же присутствии!

— Споткнулась... Ничего страшного.

— А-а-а... Понятно, — Ханс вернулся под одеяло и отвернулся, зевнув и снова засыпая.

— Ага, ага. Споткнулась она, — змеиный шепот зашелестел где-то у поясицы.

— Циц, холонокровное, — с опаской посмотрела на Ханса, но он уже размеренно засопел. — Ты не путаешь, кто твой настоящий хозяин?

— Слышь, хозяин. Пойдем спать, а то ночь длинная, мало ли где ты еще споткнёшься.

Но до утра я так и не заснула. Нервно поглядывала на зеркало, не зная, чего от него ожидать. Но меня пугало другое — этот поцелуй мне понравился. И как после этого я буду смотреть в глаза Хансу?

Всю смену я бродила по отделению как под чарами сон-травы. Прошедшая ночь сказалась на работе. Благо, выдался спокойный день — всего несколько случаев магической сыпи и одна гномья простуда. Для Ртутных островов на удивление очень низкий показатель.

Противная кофе-машина цедила в стакан чёрную жижу. Я не любила кофе, но зелёный чай уже не бодрил. Приходится давиться, чтобы хоть как-то взбодриться и не засыпать.

— Так что произошло прошлой ночью?

— Ты о чем? — я дразнила змею.

— Я, конечно, всего не видела, Ив. Но то, как тебя эмоционально перетрясло, даже сквозь мой крепкий сон трудно было не почувствовать.

Немного пораздумав, я рассказала о случившемся Марисе. Нет смысла скрывать, мы с ней делим одно тело. Она знает меня лучше, чем я себя. Историю она восприняла неоднозначно:

— Ты, вообще, в своем уме, Ив?! А если бы этот монстр затащил тебя по ту сторону зеркала? Ты бы оказалась неизвестно где, неизвестно с кем рядом! Да ладно если с монстром. А вдруг это враг короны решил подшутить над женой советника? Ты хоть понимаешь, чем рисковала?

— Мариса, я тебя умоляю! Не смейся. Враг короны! — я залилась хохотом, едва не пролив обжигающий напиток.

— Ну и что смешного? Ты хоть когда-нибудь начнешь о себе заботиться, или мне постоянно тебя шпынять надо!

— Мариса, это самые обычные шалости домовых. Всего одно заклятье — и больше ни один дух не заглянет в моё зеркало...

Я действительно не понимала, что произошло возле зеркала? Кто был тот мужчина? Но больше всего волновало, как я отреагировала на его поцелуй, как сладко он отозвался в моём теле.

Мариса не поверила мне, она готова разбить мои доводы в пух и прах, но в это время меня настигло видение.

— Тихо, Мариса, начинается видение...

— Всё, всё, молчу. Запоминай каждую деталь. Может, удастся понять кто он, и как его разыскать.

Я медленно погружалась в другой мир, туда, где живет таинственный ночной гость...

Круглые окна. Корпус, отделанный белой кожей и натуральным деревом, вокруг — пассажирские сиденья самолёта. Взор незнакомца устремлён на деревянный столик, на котором раскрыт ежедневник, рядом лежат телефон и ручка. Я попыталась пробежаться глазами по записям, но разглядеть нечего не успела. Незнакомец отвернулся к иллюминатору.

Облака взбитыми сливками растеклись по голубой глади.

— Что там? Что там? — в нетерпении отвлекала Мариса.

— Он летит в самолете над океаном, — я смотрела в иллюминатор глазами незнакомца, — нам его никогда не разыскать. Он может направляться в любую точку мира.

Словно услышав мои слова, незнакомец снова сфокусировался на столике с ежедневником.

Настроение моё опустилось на самое дно — человек, от которого зависело моё семейное

счастье, летел в неизвестном направлении.

Он взял ручку и начал выводить на листе бумаги буквы.

— Может, видишь его загранпаспорт или какие-то детали? Что-то, за что можно зацепиться, — подсказывает Мариса.

— Он что-то пишет в своем блокноте. Подожди, сейчас прочту...

Всматриваясь в каждую выведенную каракулю, складываю каждую букву в слова, слова — в предложения. Чем больше пишет незнакомец, тем сильнее ужас от прочитанного.

— Что там, Ив? Ты вся бледная. Что он пишет?

Незнакомец дописал предложение и поставил восклицательный знак.

От прочитанного моя рука дрогнула. Стаканчик с кофе выскользнул из руки, облив мою униформу.

— «Я иду за тобой, Ив!»...

— Твою ж моль!..

После работы мы с Хансом пошли в ресторан. Небольшое уютное заведение уже давно стало нашим любимым. Я долго всматривалась в знакомое меню, боясь поднять глаза на мужа. Казалось, у меня на лбу написано, что я погрязла во лжи. Сначала не рассказала про видения, посчитав их незначительной деталью. Теперь этот зеркальный поцелуй. А ещё беспокоила догадка, что это связано друг с другом.

Официант наполнил наши бокалы выдержанным итальянским вином. Я дождалась, пока мы останемся одни, и заинтересовалась:

— По какому случаю ресторан?

Лицо Ханса засияло улыбкой.

— Есть хорошая новость. Дождемся заказ, и я расскажу.

— Не томи, Ханс. Говори уже! — меня захватило любопытство.

— Только учти — это большой секрет.

— Ты же знаешь, я не проговорюсь.

— Королева, не без помощи твоего мужа, вела тайные переговоры с материковой оппозицией. Мы пытались урегулировать правовые аспекты и прекратить военные действия.

— То есть ты хочешь сказать, что война закончится?

— Ты правильно поняла. Если всё пойдет гладко, то блокаду снимут, и мы сможем вернуться домой.

— Ханс, это отличная новость! — получилось громче, чем следовало.

От гостей из-за соседних столиков в меня полетели любопытные взгляды.

— Это замечательная новость, — говорю уже шепотом, — но как тебе это удалось?

— Дипломатия, — супруг довольно откинулся на спинку стула.

— Но почему Йенсен пошёл на компромисс?

— Всё просто — он боится. Почти вся аристократия сидит на островах несколько лет. Денежные запасы короны на исходе. А добрые союзники уже не настолько добры, чтобы финансировать проигравшую сторону. Королева скоро сбежала бы за границу. И что бы

осталось Йенсену? Разбитое королевство, обозленный народ и еще более злющие аристократы. Это бы ещё на долгие годы погрузило страну в раздор. Что было бы с лидером, который довёл до такого? Да его бы скинул первый же конкурент, просто заявив, что Йенсен разрушил страну. И это был бы конец его политической карьеры.

— И он, что решил сдаться?

— Нет, — улыбнулся Ханс, — он решил проявить «милосердие». По сути это благородная капитуляция короны. Мы все ещё останемся Ольбургским королевством, но бразды правления будут уже у парламента. Королева будет иметь только номинальную власть. Эта система правления близка к Великобританской.

— Всё равно странно. Столько сил потратить, и, стоя на пороге победы, пойти с врагами на мировую... Наверное, я никогда не пойму ваших политических игр.

— Тебе и не надо понимать. У тебя есть я, — Ханс потянулся ко мне и легко поцеловал в губы. От его поцелуя чувство вины отозвалось в сердце виноватым уколом. — Марисе ни слова. Она хуже общественного радио, разнесет информацию по всем островам. А этого пока делать нельзя.

— Хорошо. И когда же приблизительно свершится акт примирения?

— Скоро... Йенсен обещал приехать на Острова и пообщаться с королевой лично.

— Мариса меня убьет, если узнает, что я не рассказала ей о приезде Йенсена заранее.

— Да-а-а. Для неё это будет удар, с её крайним радикализмом. Ты только представить: мы сможем вернуться в Креорток, и всё будет как прежде.

— Кристоф, ты сейчас со мной? — писклявый голос Клары отвлек его от размышлений. — Ты слушаешь, что я тебе говорю?

— Да. О том, что нас обманут, никому нельзя доверять и это самая большая глупость в моей жизни. Не утруждайся, Клара, это бессмысленно.

От негодования немка поджала губы и сжала кулак. Внутри неё смесь ярости и негодования боролись с желанием высказать всё ему прямо в лицо. Она до последнего была уверена, что Кристоф шутит и не согласится на переговоры с королевой. Даже когда садила на борт самолета, наивно полагала, что это глупый розыгрыш! Какое же для неё это было разочарование!

— Как ты мог, Кристоф?! Ты предал все наши идеалы?

— Не говори МНЕ про идеалы! — его голос прозвучал резко.

Воспользовавшись эмоциональной вспышкой, Морок не упустил возможности себя показать. Клара замолкла, широко распахнув глаза. Она знала, что терпением лидер оппозиции не отличался. Наглость прийти к нему в номер могла позволить себе только она.

— Мне ничего с тобой обсуждать, — подчинив демона, спокойно ответил Кристоф.

Новая обида ударила по самолюбию немки. Он взяла сумку, направилась к входной двери и уже взялась за ручку, когда её окликнул Кристоф:

— Клара...

Она обернулась в надежде, что Кристоф одумается и извинится за свою грубость.

— Ты подготовила документы, которые я просил?

— Да, я всё сделала. Они нотариально заверены, с пустыми строчками для вписывания имени.

— Хорошо.

— Но зачем тебе эти бумаги, Кристоф? — непонимание так и читалось на её лице. В голове Клары родилась мысль, что Йенсен болен, ведь он ведет себя крайне нелогично.

— Это тебя не касается, — слова, как пощечина. Она снова взялась за ручку, не услышав извинений. А ведь они ей так были нужны, и он был нужен... Но вместо это она для него лишь личный секретарь и хороший друг. — Ты же помнишь, что я просил никому не рассказывать о бумагах?

— Помню... Что ты задумал? Тебе мало, что ты нас притащил в логово врага и...

— До свиданья, Клара. Дверь закрывается с другой стороны.

Кристоф отвернулся к окну и громкий хлопок двери оставил без внимания. Он собирался сделать историческое событие, которое либо превознесёт его до уровня бога, либо смешает с грязью. Но вместо того, чтобы переживать о карьере, он думал о том, как не сдержался и снова пришел ночью к Ив.

Не устоял перед соблазном и поцеловал её через зеркальное отражение. На его губах до сих пор чувствовался её вкус. Он прокручивал в голове момент близости снова и снова, словно понравившуюся песню. Нет. Нет. Нет. Ему нельзя так поступать! Иначе он всё испортит. Морок все испортит... Все, что выстраивал многие годы. Но в который раз он нарушал тысячные обещания не видеть её и не приходить в её спальню... А вот сегодня ночью ещё и поцелуй... Закрыл глаза, воскрешая в памяти приятные моменты.

В кончиках пальцев начало покалывать, в глазах темнеть, смещая привычную картину мира. Кристоф несколько раз моргнул, приспособившись к зрению Ив.

Как странною. В такое время она обычно спит...

Ив сидела на краю кровати, рассматривая своё отражение в трельяже. Её длинные волосы заплетены в растрепанную косу, а вместо повседневной одежды — черное вечернее платье. Она смотрела в отражение, о чем-то задумавшись.

Фокус зрения переместился с зеркала в сторону. В полумраке Ханс медленно приближался к Ив. Он растёгивал пуговицы на рукавах, затем на самой рубашке. Ив закрыла глаза, когда Ханс поцеловал её, прижимая своим телом к кровати.

Кристофа ударило током. Ярость нарастала с каждой секундой наблюдения глазами Ив. Тем временем она продолжала целовать Ханса, а его рубашка уже давно валялась на полу.

Ив повернула голову к трельяжу, и картина перед глазами Кристофа появилась во всех деталях.

Полуобнаженная, в одном черном белье, она лежала на кровати, обнимая голые плечи своего мужа. Ханс целовал её шею, спускаясь ниже. Она закусывала нижнюю губу, млея от ощущения его языка на своем теле.

Кристоф внутренне взорвался. Морок кричал: «Убей его! Сейчас же! Чтобы никогда не прикасался к ней!». Эмоциональный всплеск прогнал видение. Но что для него какое-то видение?

Кристоф закрыл свои глаза и снова очутился в спальне Ив. Супруги продолжали свою сексуальную игру, не замечая невидимого посетителя.

Он подошёл ближе, нависая над ними. Он знал, как его убить. Он так давно об этом мечтал, прорисовывая каждый миг этого преступления. Кристоф собственной рукой вырвет у соперника сердце.

Морок требовал крови. Кристоф сконцентрировал в руках всю магию, что у него была, и замахнулся... Но в последний момент Ив открыла глаза и пристально посмотрела на то место, где стоял Кристоф.

Кристоф замер. Ему показалось, что Ив видит его, настолько был пронзителен её взгляд.

Но ему лишь показалось. Однако этого секундного смятения было достаточно, чтобы Кристоф усмирил вырвавшегося на свободу демона.

Ив протяжно застонала, а руки Ханса уже снимали с неё нижнее бельё.

Не-е-е-т. Кристоф не мог оставить это просто так...

Он подошел к трельяжу и со всей силой толкнул его. Зеркало с оглушающим грохотом упало, разбилось на миллион стеклянных осколков. От резкого шума Ив и Ханс вскочили, не понимая, что произошло.

Кристоф торжествовал. Довольный своей проделкой, вернулся в свое тело. Сегодня у них точно не будет желания довести начатое до конца. А завтрашний день уже многое изменит.

Глава 3

Спина дико болела, сказывалась бессонная ночь на жёстком диване. Инстинкт самосохранения не давал мне переступить порог спальни, где ещё несколько часов назад странным образом с грохотом разлетелось вдребезги огромное зеркало.

Теперь я была уверена, что поцелуй и разбитый трельяж — не проделки домовых. Домовые никогда не наносят ущерб своему дому. Я даже на несколько секунд позволила паранойи захлестнуть себя, поверив, что произошедшее — акт запугивания Ханса, советника королевы. Враги подобралась к нам слишком близко.

Ханс не имел сильной волшебной силы, да и я могла только исцелять, но королевский маг укрыл «ветвями белладонны» всех приближенных к Его Величеству — нас невозможно найти и магически на нас повлиять. Но два инцидента подряд говорили об обратном, и оппозиция до нас всё-таки добралась.

В комнату вошел Ханс, у него был такой же взъерошенный вид, как у меня.

— Я сегодня поговорю с королевским магом. Возможно, удастся позвать его домой, чтобы он взглянул на зеркало.

— Ты тоже думаешь, что это мог сделать кто-то с материка?

— Я ничего не думаю. Просто будь осторожней. А с остальным я попробую разобраться.

— Постараюсь, — я легонько поцеловала мужа в губы.

Было тревожно на душе, но я всё же собиралась на дежурство. Помимо головной боли, настроение портило то, что сегодня я должна дежурить за Педерсена в амбулатории для взрослых. На удивление, Мариса сегодня притаилась, и кроме речи о том, что враги нас нашли и нужно бежать, я больше от неё ничего не слышала.

Как и предполагала, рабочий день меня затянул, череда взрослых раздраженных пациентов не только отвлекала, но и выводила и без того шаткого равновесия. Как назло, Ханс не отвечал на мои звонки, словно намеренно испытывал моё терпение.

Под конец дежурства я была морально раздавлена, и чтобы не сорваться на окружающих, забилась в дальний угол ординаторской, заполняя больничные карты. На мгновение я оторвала взгляд от документации и посмотрела в окно. Хлынул дождь. Погода вторила настроению!

— А ты зонт оставила дома, — наконец отозвалась Мариса, — Чем твоя голова сегодня забита?

— Я не боюсь намокнуть. Такие, как я, не болеют, — ответила резче, чем нужно.

Я снова позвонила Хансу. Нарастало беспокойство, что с ним что-то произошло, что оппозиция перешла от запугиваний к решительным действиям.

В коридоре клиники послышались необычная суета и взволнованные разговоры персонала. Я попыталась снова погрузиться в работу с документами, чтобы быстрее пролетело время, мечтая переступить порог нашей квартиры и убедиться, что с Хансом всё в порядке. Ощущая моё состояние, Мариса притихла и замерла.

Я выводила каллиграфическим почерком запись в очередную историю болезни, как моё уединение нарушил наглый мужской голос:

— Доктор, мне нехорошо, вы должны мне помочь.

Не поднимая взгляд на наглеца, зашедшего в комнату для персонала, ответила:

— Обратитесь в приемной к медсестре, она вас оформит.

— У меня сердце болит, — словно не слыша моего ответа, продолжал мужчина.

— Тогда вам этажам выше, в кардиологию.

— ...сердце болит от любви.

Посетитель озадачил, но его присутствие раздражало. Я не поднимала на него глаз, давая понять, что он мне мешает:

— Значит вам на седьмой этаж, в психиатрическое отделение.

Пациент сдавленно рассмеялся. И я оторвалась от истории болезни.

Высокий, темные волосы, слегка заросшее щетиной лицо, глаза почти черные, взгляд пронзительный, будто видит меня насквозь. Поверх костюма больничный халат. Передо мной вылитый Кристоф Йенсен. Один в один!

Я откинулась на спинку стула и сложила руки на груди, вбросила взгляд на настенные часы и поняла, что моё дежурство уже десять минут как закончилось. Молча встала из-за стола, игнорируя недоумённый взгляд мужчины, сняла больничный халат и переобулась.

Посетителя поразила моя реакция на него, но я второй раз на подобный розыгрыш поучаствовать не собиралась — этот гадкий Педерсен уже разыгрывал меня в прошлом году, приняв облик королевы. Но больше ему не удастся обвести меня вокруг пальца.

Я взяла свою сумку и остановилась, глядя на оппозиционного лидера в упор. Ладонью легонько похлопала по щетинистому лицу, приведя его в изумление.

— А как похож, Педерсен. Вылитый оригинал! Растешь!

Отвернувшись от мужчины, я подошла к двери и обернулась:

— На вот, — бросила ему ключи от кабинета, он ловко поймал их, — закроешь за собой.

Я вышла из кабинета, слегка озадаченная ещё большим изумлением, появившимся на его лице Педерсена-Йенсена. И уже подошла к лифту, когда на меня налетел запыхавшийся Педерсен.

— Мариса! Ты его видела?

— Педерсен, твои шутки жутко раздражают.

— О чем ты, Ив? — непонимающе уставился на меня коллега.

— Кого видела? — оживилась самка питона.

— Йенсена, он ходит по больнице с делегацией! Ты представляешь!

И словно чумной, он побежал дальше по коридору. Беспокойство шевельнулось с новой силой. Ханс говорил, что Йенсен должен приехать. И если в кабинете был именно он, а не его двойник...

Я быстро вернулась в ординаторскую. Кабинет был заперт.

Ханс удосужился прислать мне сухое сообщение, что будет поздно. Да и я к тому времени уже не так сердилась на него, понимая, что ему сейчас не до меня.

По всем телеканалам показывали исторический момент — Герр Йенсен прилетел на Ртутные острова. Ведущие, аналитики и простые зеваки, кричали из каждого угла, что произойдёт что-то невообразимое. Вся мировая общественность прильнула к экранам телевизоров, компьютеров и планшетов, наблюдая, чем же закончится многолетний конфликт материковой оппозиции и островной королевской семьи.

Но точного прогноза никто не давал. После вчерашней ночи на ужасном диване сегодня вечером он мне уже казался даже удобным. Ещё пару дней, и, чувствую, меня вилами с него не сгонишь.

— Ив, пошли спать. Уже двенадцать давно пробило, а ты до сих пор тут сидишь.

— Спи, Мариса. Кто тебе не даёт. Я буду ждать Ханса.

— Я не могу. Диван очень неудобный. Я люблю наши шёлковые простыни и мягкие подушки в спальне. А это... б-р-р. Нет, я так не могу.

— Я не переступлю порог спальни. Там до сих пор валяются куски разбитого зеркала. Кто знает, что может ещё произойти, если я туда зайду...

Входная дверь поддалась, впуская мужа.

— Ханс! — радостно воскликнула Мариса, словно и не было разговора о том, чтобы идти спать. — Что там? Как там?

Уставший после бессонной ночи и изматывающего дня, Ханс прошёл в гостиную. Расстегнул верхние пуговицы у горловины рубашки и почти упал рядом со мной на диван.

— Ну и денёк. Кажется, что с меня пять шкур сошло, пока я пережил его, — Ханс обхватил меня за плечи и поцеловал в висок. — Я видел, что ты звонила, но не мог ответить. Ты же сама понимаешь.

— Знаю и понимаю, но злюсь и беспокоюсь!

— Не стоило. Теперь всё будет по-другому. Йенсен прилетел на острова на неделю. Мы ждали его намного позже. Всё это время будут проходить переговоры. Если все пойдёт гладко — то, наконец, удастся прекратить этот конфликт.

— Конфликт... — повторила за Хансом новое слово. Раньше мы говорили «гражданская война», теперь смерть сотен тысяч прикрывают таким незначительным словом «конфликт».

— Да, — продолжал Ханс, не замечая моего смятения, — кстати, нас пригласили на октябрьский бал. Это будет последний день визита Йенсена, так что придётся тебе идти на этот праздник.

Меня передёрнуло. Октябрьский бал я не любила, как и все другие балы, организованные королевой. Посещала их очень редко и под страшными угрозами Анны II, что она придёт за мной лично. Как герцогиня рода Лоллан я была обязана присутствовать на всех светских мероприятиях.

Но у меня со двором не заладилось давно. Не было во не этой надменности, хотя моя бабушка и воспитывала меня в традициях нашей семьи. Я отшельник, предпочитающий огонь домашнего очага ярким вспышкам софитов и назойливым папарацци.

Но даже эту отчуждённость мне бы простили, если бы не Ханс Ларсен. Брак с обычным бытовым магом без титулов и званий, хоть и умным и сильным политиком, вытер меня из списка гостей многих элитных семей. А начало войны стёрло с моих документов последние следы голубой крови, когда, прорываясь сквозь блокаду, я изменила свою фамилию Лоллан на Ларсен.

Для двора я умерла, и ни капельки об этом не жалела. Вот только не все хотели меня отпускать. И королева, тесно дружившая с моей бабушкой, до сих пор настаивает, чтобы я посещала все светские рауты, положенные герцогине.

— Ха-а-а-нс. Нет!

— Отказ не принимается. Ты пойдёшь, живая или мёртвая. Кстати, возможно там будет Йенсен.

— Йенсен! Это еретик! Я хочу пойти! Можно, если Ив не захочет, я пойду вместо неё. Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, — выпрашивала Мариса.

— Мариса, если хочешь попасть, то ты должна уговорить Ив. Без неё никто никуда не пойдёт.

— Нет! Ханс, ты бьёшь по больному месту!

Я встала с дивана и ушла на кухню. Против напора Марисы даже горы не устоят. Она из меня душу выжмет, пока я не соглашусь.

Отто сидел за столом, внимательно всматриваясь в бумаги. К тридцати годам он обзавёлся блестящей лысиной и близорукостью. Поэтому всегда ходил в очках.

Кристоф стоял у окна и смотрел на небольшой город Инуит — столицу Ртутных островов. Он так долго хотел сюда попасть, и вот он — момент его триумфа!

— Герр Йенсен, отойдите от окна. Это может быть опасно, — слышался голос Эрика, боевого мага и по совместительству начальника охраны Йенсена.

— Думаешь, они рискнут на меня напасть, Эрик? Они землю готовы есть под моими ногами.

— Но все же зачем лишний раз рисковать?

Кристоф остался стоять у окна, смотреть на яркие огоньки.

— Все шито белыми нитками, — отозвался Отто. — Королева — хитрая змея. Этот договор нужно переписывать.

— Это не королева. Это Ларсен — безродный лис на службе заевшихся синекровых, — отозвался Эрик.

— Почему же безродный? — продолжил беседу Отто. — Говорят, его жена очень даже древних голубых кровей. Видимо, умные аристократы выродились, приходится обычных людей вербовать, подкладывая под них голубые подстилки.

Злой смех разразился в гостиничном номере.

— Достаточно!

Голос Кристофа прозвучал так яростно и гневно, что Эрик присел, а Отто втянул шею, словно черепаха.

От вспышки гнева взорвались лампочки во всей гостинице. В номере наступила кромешная тьма. Кристоф укорил себя в несдержанности. Но есть вещи, которые сиюминутно выводили его из равновесия. Ив — одна из них.

— Кристоф, ты чего? — робко спросил Отто.

— Пошли все вон! — еле сдерживаясь, процедил Кристоф.

Им не нужно было второго приглашения. Двое тут же покинули номер своего лидера.

Кристоф стоял в темноте, только огоньки из окон домов напротив подсвечивали его номер. Он засунул руку в карман и достал связку ключей. Те, что Ив бросила ему, выходя из ординаторской. На его лице заиграла полуулыбка, он вспомнил их первую встречу. Пусть для него эта встреча и не была на самом деле первой. Но Ив видела его впервые.

Видение тут же настигло Кристофа, заставляя напрячься. С него хватило вчерашнего, когда он чуть не убил её мужа.

Ив сидела на своей кухне, виднелся включенный в спальне свет. Кристоф напряжённо свёл брови. На его счастье, Ханса не было поблизости. Она безразлично размешивала ложкой чай и думала. Возможно, о нем, или о разбитом зеркале, или о встрече в больнице...

Видение пропало. В сжатом кулаке звякнули ключи. Кристоф внимательно на них посмотрел. У него родилась шальная мысль — их нужно вернуть хозяйке.

Меня не отпускало предчувствие, что произойдёт что-то ужасное. Но я не могла понять, что именно. Моя бабушка, Анастасия Лоллан, была выдающейся предсказательницей. Иногда я жалела, что во мне проснулся дар целительства, а не предвидения, как у всех в моем роду. Сейчас бы сидела в красивом будуарном кабинете, крутила в руках магический шар или раскидывала карты таро, и наслаждалась бы жизнью. Для меня не стало бы проблемой заработать себе на пропитание после разорения, которое принесла революция. Вместо этого я в полночь томила в реанимационном отделении.

— Пойдём домой, я хочу спать, — устало произнесла Мариса.

— Я тоже хочу. Но нужно сдать смену.

— Я всё выскажу Педерсону! Он что, не мог поменяться утренней сменой? Ты пропадаешь на работе, считай, вторые сутки!

— Ты же знаешь, что других вариантов не было. Если бы не ваш с Хансом октябрьский бал, то я бы давно спала в своей кровати.

Наш разговор прервал вошедший в кабинет доктор.

— Привет, Ив, Мариса! Как дела? — отозвался Педерсен, снимая верхнюю одежду.

— Привет. Вроде всё спокойно. Без обострений.

— Мариса, что говорит Ханс по поводу переговоров?

— Говорит, мятежники рвут и мечут, что договор короны разбили в пух и прах, цепляясь к каждой запятой. А вообще я Ханса давно не видела. Он всё во дворце пропадает, весь в делах.

— Это понятно. Если что узнаешь, звони мне.

— Договорились. Держу своё аристократическое ухо остро!

Генрих накинул халат и пошёл в отделение. Я переоделась и отправилась по коридору к выходу.

— Фрау Ларсен, — голос старшей медсестры, словно сухой мелок, скрипевший по доске, — я посмотрела по документам, вы последняя брали ключи от ординаторской. Будьте так добры, верните их на место. Уже третий день приходится закрывать её запасными, а если и они потеряются, то придётся менять замки.

— Обязательно их найду и верну в ближайшее время.

Теперь я не сомневалась, что бросила ключи именно Йенсену. Но зачем он пришёл в ординаторскую, когда вся его свита с экскурсией ходила по больнице? Я уже попрощалась со злосчастными ключами и собиралась сделать дубликат, чтобы старшая медсестра отцепилась от меня.

— Вот же ведьма. В средневековье таких на кострах жгли, — отозвалась Мариса на слова медсестры.

Я вышла на улицу. Дождь усиливался. До дома идти всего пару кварталов, но по такой погоде я промокну до нитки за минуту.

Ускорив шаг, добежала до остановки и спряталась под навес. В такое время работал только дежурный трамвай, и по моим расчётам он должен подойти через несколько минут. Только один фонарь освещал остановку, на которой я была одна.

Дождь полил ещё сильнее. Укутавшись в чёрное пальто, к остановке спешил мужчина. Его голова опущена, и лица было не разглядеть. Я всматривалась вдаль, где должен появиться транспорт.

— Вот это ливень, фрау Ларсен. Я до костей продрог.

Я повернулась на голос и увидела, что мужчина — это Кристоф Йенсен.

— Да не говорите, — медленно пробормотала, отходя от шока.

— Удивлены, что я к вам подошёл?

— Нет, что вы герр Йенсен, ко мне часто подходят на остановке политические деятели, — не удержалась от сарказма.

На лице Йенсена появилась приятная улыбка. Он засунул руку в карман и достал ключи. Те самые.

— Я так и не понял, куда их нужно вернуть.

Протянул мне связку. Я подошла к оппозиционному лидеру и протянула руку, но в последний момент Йенсен отдернул свою.

— Поужинайте со мной? — он по-доброму смотрел в мои глаза и, кажется, наслаждался моим удивлением. — А я вам за это верну ключи. Всё честно: услуга за услугу.

Его наглость лишает меня дара речи, в душе нарастало негодование. Да что он вообще себе возомнил?! Сквозь стену дождя я разглядела огни трамвая.

— Герр Йенсен, спасибо, что закрыли кабинет. Мне правда неловко за ту встречу. Я на самом деле вас перепутала. Но ужинать с вами не буду. Вряд ли мой муж это одобрит.

— Я не принимаю отказов, — ухмыляясь, произнёс Йенсен.

— Всё бывает когда-то впервые. Всего вам хорошего.

Трамвай распахнул двери прямо передо мной. Я ступила на подножку и услышала:

— Ив! — я обернулась. — Ловите.

Он бросил ключи прямо мне в руки. И тут же мир раскололся, а всё, что меня окружало, изменилось. Я, ошеломлённо сжимая ключи, не понимала, куда делся трамвай, дождь и Инуит? Под кожу просочился арктический холод. Кончики пальцев мгновенно защипало от сильного мороза.

Напротив меня стоял Кристоф Йенсен. Я еле смогла вымолвить:

— Что вы натворили?!

— Я же говорил, что не принимаю отказов.

Глава 4

Сильный поток арктического воздуха превратил мои волосы в льдинки. Снег выбелил всё вокруг: маленькие деревенские дома, приземистые деревья, берег, спрятанный под огромными ледяными глыбами... В воде плавали искрившиеся холодными бликами обломки величественных айсбергов. Небо завораживало не меньше — северное сияние отплясывало в вышине завораживающий танец.

— Куда вы меня перенесли? — сказать получись гораздо восторженнее, чем я хотела.

Слова вылетали изо рта паром и, мгновенно застыв, рассыпались серебристой пылью.

— Остров Гренландия. Здесь есть очень уютный ресторан. Пойдемте, я вас проведу.

Он по-хозяйски взял меня под локоть и...

— Никуда я с вами не пойду! — я выдернула руку и смотрела на него возмущенно.

— Фрау Ларсен, корабль на остров прибывает раз в месяц. Общее количество населения около двухсот человек, и им очень далеко до того уровня магии, которым владею я, — его слова пропитаны самодовольством. — Вас, кроме меня, отсюда никто не выгасит. Поужинайте со мной, и я вас верну.

В его словах была железная логика, но сам факт, что меня принуждают играть по чужим правилам, приводил в бешенство.

— Всего хорошего, герр Йенсен. Ужинайте в одиночестве, — я демонстративно развернулась и пошла в сторону ближайших домов.

В осенних туфлях я ступала по утоптанной дорожке, втыкаясь в плотный снег высокими каблуками, как якорями. От холода лихорадочно трясло. По сравнению с дождливым Инуитом Гренландия напоминала ад, где вместо костров, грешников пытаются морозом.

Не сделав и десяти шагов, я поскользнулась и чуть не упала в сугроб. В последний момент герр Йенсен подхватил меня сзади.

— Фрау Ларсен, будьте благоразумны. Политическая карьера вашего мужа будет уничтожена, если узнают, что его жена, герцогиня, путалась ночью с оппозиционером. Это в лучшем случае выставит Ханса в роли рогоносца. В вот конкуренты по-политически арене не постесняются предъявить обвинение в измене короне... Поужинаем, и я обещаю, что об этом никто не узнает.

Бессильная ярость и гнев клокочат внутри, но его аргументы сильнее, чем моя гордость:

— Хорошо, но через двадцать минут вы вернёте меня в Инуит.

— Час, фру Ларсен. И это не обсуждается.

— Хорошо, — от холода я согласилась быстрее, чем хотелось. А от злости и лязгнувших от мороза зубов согласие прозвучало, как удар хлыста.

Я отряхнула снег и гордо пошла по скользкому тротуару, балансирую, но отказавшись от руки мужчины.

До ресторана «Китовый ус» мы дошли быстро. Само заведение, непримечательное снаружи, внутри оказалось весьма уютным. Стены, отделанные под натуральный камень, простая деревянная мебель. На столах — алые скатерти, поверх которых постелены белые прямоугольные ромперы. За деревянной барной стойкой скучал полусонный бармен. При виде нас он оживился:

— Кристоф, дружище! — воскликнул полноватый мужчина, напоминавший пирата.

— Хельмут, привет! — ответил Йенсен. — Угостишь своим фирменным блюдом?

— Конечно. Тебе и твоей фрау?

— Я похвастался, что у тебя самая вкусная рыба во всей Дании.

— Ты прав! Вкусней моей нет нигде! — довольно ответил датчанин и поспешил в кухню.

Мы сели за столик рядом с камином. Огонь очага согревал, крупная дрожь постепенно успокаивалась, по телу растекалось желанное тепло. Я смотрела на танцующие языки пламени, пытаюсь понять, что же происходит с моей жизнью?

— Зачем я здесь? — задала вопрос, не отрывая взгляд от огня.

— Услуга за услугу. Забыли? — с иронией ответил Кристоф.

— Нет, я о другом... Что вам от меня нужно? Зачем пришли в больницу, на остановку, теперь притащили сюда. Вы рискуете так же, как и я. Мы ведь люди из разных лагерей. Нам нельзя встречаться.

— Ив... можно называть вас по имени?.. Или вам больше нравится обращение «герцогиня»?

— Мне нравится обращение «фрау Ларсен». По имени я разрешаю обращаться только близким людям и друзьям. А вы ни к той, ни к другой категории не относитесь... герр Йенсен.

— Но я всё равно буду обращаться к тебе по имени... Ив... Возвращаюсь к вопросу: «Что мне нужно?». Отвечу, положив руку на сердца — ничего. Все, что хотел, я уже получил. Ваш фамильный остров Лоллан входит в состав материковой части оппозиции. Ваши счета на Ольбургском государственном банке заморожены и принадлежат тоже мне, и даже политическая карьера Ханса зависит от моего решения. Мне ничего от тебя не нужно, Ив. У меня уже есть всё, и даже больше.

«И даже больше», — фраза прозвучала, как пощёчина. Не нужно было соглашаться на этот ужин, потакая его капризам.

— Ваш заказ, голубки, — Хельмут поставил перед нами две тарелки.

— Мы не «голубки». С этим человеком у меня нет ничего общего.

— О-у-у-у, — удивился Хельмут, — Кристоф, твоя фрау с острыми зубками.

Хельмут дружески хлопнул оппозиционера по плечу, двусмысленно подмигнул. В этот момент мне захотелось взвыть и унести отсюда на сотни тысяч километров. К сожалению, мне никто не даст этого сделать.

Я лениво ковырялась в тарелке вилкой. Аппетита не было. И уверенности, что мой похититель расскажет, что задумал на самом деле — тоже не было.

— Что-то ты совсем притихла, Ив?

— Шестнадцать.

— В смысле шестнадцать?

— Осталось шестнадцать минут: время на дорогу, на ожидание заказа, плюую сюда монолог о вашем превосходстве над аристократическим классом и всем миром в целом. Так что... уже пятнадцать.

— Как ты пунктуальна... — от его слов повеяло угрозой.

— Точность — вежливость королей.

Впервые я ему улыбнулась и положила в рот кусочек умопомрачительно вкусного осетра, довольная, что смогла дать хоть какой-то отпор. Наши взгляды встретились, в глубине его почти чёрных глаз бушевало пламя — такой взгляд не забыть: он выдаёт страсть на грани исступления. Мужчина не смотрел на меня, он пожирал меня взглядом.

Радостное ощущение триумфа смазилось тревожным предчувствием. Кристоф лгал — у него было не всё, чего он желал. У него мой муж, мои счета, мой замок и даже моя

страна. Но я — вишенка на этом торте... Как же я раньше этого не поняла?..

Хельмут налил Кристофу виски. Он натирал до блеска бокалы, проверяя на свету, не остались ли следы от пальцев.

— Твоя фрау быстро ушла.

— Она очень занятая фрау. Очень... — задумчиво произнес Кристоф и сделал глоток.

— Но хороша! Сразу видна порода, — на лице Кристофа появилась ироничная полуулыбка, не замечая этого, Хельмут продолжал: — Знаю я таких женщин. Им палец в рот не клади, по предплечье откусят.

— Спасибо, Хельмут, — Кристоф положил на деревянную поверхность внушительную стопку крон. — За твое беспокойство и конфиденциальность.

— Кристоф, дружище, ты же знаешь, я — могила, — рука бармена потянулась к деньгам.

Кристоф осушил бокал до дна.

Закрыв глаза, он перенесся в свой номер люкс отеля «Инуит». На часах начало третьего. Его не оставляла мысль о том, что он что-то сделал не так. Вспоминая её встревоженный взгляд, Кристоф думал, где и чем он мог её напугать.

Он отправил Ив обратно, как раз под самые двери её квартиры. Но почему же тогда его не отпускало навязчивое чувство тревоги?

Видение было очень кстати. Оно захватило его так резко и внезапно, что Кристоф сразу и не сообразил, где его мир, а где мир Ив.

Ханс негодовал, он расхаживал по маленькому залу съёмной квартиры, активно жестикулируя руками. Его лицо исказил гнев. Ив украдкой смотрела на него, и опускала взгляд, как провинившийся ребёнок.

Кристоф распирала эмоции. Инстинкт требовал защитить свою женщину, поставить на место Ханса. Видение глазами Ив тут же пропало. Немедля закрыл глаза и, оставив свою оболочку в номере, он перенесся в квартиру Ив.

Она все также сидела на диване. Видя, что с Ив всё в порядке, Кристофу стало немного спокойней. Но ненадолго. По словам Ханса он понял, что его план может полететь ко всем чертям.

— Ив, ты должна уехать. Тебя надо изолировать от этого человека. Это может очень сильно ударить по нам и по переговорам в целом, — говорил Ханс уже более спокойно.

— Я понимаю, Ханс. Но тебе не кажется, что это уже слишком. Ну что он может нам сделать?

— Да что угодно! Йенсен никогда не играет по правилам. Он хитрый политик. До конца не знаешь, что кипит в его голове, поэтому завтра ты уедешь...

— Ц-ц-ц. Не стоит называть вслух секретное слово, если не хочешь, чтобы о нём узнали, — Мариса ползла по изголовью дивана и смотрела в сторону Кристофа, — особенно, когда сомнительные элементы выпрыгивают из зеркал и бьют старинные трельяжи.

В комнате повисло молчание. Ив подскочила с дивана и подошла вплотную к Хансу.

— Он что, здесь? — спросила Ив у фамильяра.

— Мне откуда знать, — солгало чешуйчатое. — Я просто страхуюсь. Мало ли на что он способен.

Кристоф понял, что Ив рассказала обо всем Хансу. Укол ревности заставил его внутренне напрячься. Он понял, что самка питона играет по своим правилам. Она уже

давно знала о Кристофе и его ночных посещениях. И вот сейчас она снова его не выдала.

— Мариса, ты параноик! И так тошно, ещё твои догадки.

— Это неважно. Собирай вещи, Ив. Ты уезжаешь, как только рассветёт.

На лице Кристофа появился злой прищур. Ему не нужно было знать, куда едет Ив. Он знал, как сделать так, чтобы она сама к нему пришла.

Арн остался ждать меня в машине. Захлопнув дверцу, я вышла к главному входу огромного торгового павильона «Кауфланд» — рая для любителей шопинга. Многоэтажное здание было одним из крупнейших на Инуите. Меня привела сюда необходимость. В стремительных сборах я забыла дома зарядное устройство для телефона. Можно было бы вернуться, но я решила не нервировать лишний раз Ханса.

Хватит с него той информации, что я рассказа вчера... Таким взбешённым я его никогда не видела. Хотя его можно понять — не каждый день к нему приходит жена и говорит, что ужинала с врагом где-то на острове Гренландия.

Мне очень тяжело далось это решение, но я не могла врать Хансу. Я рассказала о встрече в больнице, об ужине и о поцелуе с зеркалом. Последнее было трудней всего, но он понял, что в этом нет моей вины.

Я переступила порог гипермаркета, удивляясь странному оживлению. Обычно такие покупательские набеги случались перед днем матери и Рождеством. Я проходила вдоль бутиков с дизайнерской одеждой, не понимая причины ажиотажа. Пока мой взгляд не остановился на витрине.

Безликий белый манекен, грациозно раскинув руки, взирал прямо в моё сердце. Платье, которое он демонстрировал, вызвало безудержное желание купить его. Оно было совершенно! Красное переплетение крепдешина, атласа и шифона переливалось тысячами камней Саровский. Фасон с открытой спиной и ниспадающими фактурными складками был великолепен. Но платье было, к сожалению, еще и неприлично дорогое. Очень, очень дорогое. На зарплату врача и даже с учётом жалования Ханса нам бы пришлось копить на него пару лет.

— Подбираете платье на октябрьский бал? — из магазина вышел консультант. — Это единственное. И ваш размер. Заходите примерить.

— Нет, нет. Я просто засмотрелась. Действительно красивое. Но мне оно ни к чему, на бал я не собираюсь.

Я поспешила в нужный мне отдел, купила универсальное зарядное и поспешила покинуть «Кауфленд».

Остров Мурс входил в цепь Ртутных островов. На первый взгляд, маленький обрывок суши ничем не был примечателен. Поселение на десять-пятнадцать семей, небольшой сосновый лес, стремившийся в высокие горы... Ничего значимого. Но только на первый взгляд.

Скалы были богаты редким минералом — серпентином. В простонародье его называли змеевиком. Камень способен блокировать любую магию, и тем самым надёжно защищал остров, образовав магический щит. И никто не мог магически воздействовать на обитателей острова. Но от обычного механического оружия камень не защищал.

Я и Арн остановились в местной гостинице. Молодой маг-заклинатель был не доволен поручением Ханса. Когда его собратья защищали королеву, его вынуждали возиться с женой советника.

К сожалению, мне нечем утешить Арна. По задумке Ханса, змеевики острова Мурс должны скрывать меня от любых влияний Кристофа до конца переговоров. Арн занес мою сумку с вещами в номер и удалился к себе. Вряд ли мне нужна круглосуточная

охрана, я же не преступница и за мной не гонятся фанатики с факелами в руках. Арн здесь больше для душевного спокойствия Ханса.

Оставшись одна, я завалилась на кровать. Меня сильно удивил телефонный звонок.

На сенсорном экране высветился неизвестный номер, и это заинтриговало еще больше. Пропустив несколько нот мелодии, я подняла трубку:

— Алло. Кто это?

— Добрый день, Ив...

Его голос невозможно перепутать. Я нервно вскочила с кровати и подошла к окну проверить, нет ли его поблизости. Мне казалось, что он совсем рядом.

Кристоф продолжал:

— Я переживал, как ты вчера добралась.

— Спасибо, хорошо.

— Я тебя чем-то напугал, Ив? — фраза прозвучала слишком проникновенно.

Резкая смена темы разговора и его тон приводили в замешательство.

— Нет... Меня сложно напугать.

В душе нарастала тревога, я пыталась убедить себя, что этого не может быть — остров надёжно защищён, а все подходы к нему под контролем короны.

— Тогда почему ты сбежала с Инуита и прячешься в этой маленькой комнатухе?

Я резко обернулась на звук его голоса, раздавшийся из дальней части моей комнаты. Растерянность и страх скрутили внутренности в тугой узел. Его появление здесь не поддавалось никакой логике. Но, приглядевшись, я поняла, что он все-таки был не здесь — моя комната будто была разрезана пополам и совмещена с его гостиничным номером, очень дорого обставленным. От шока я потеряла дар речи.

— Так что ты делаешь здесь, Ив? — Кристоф медленно приближался к эфемерной границе наших комнат и с любопытством рассматривал интерьер. Я не могла поверить в происходящее.

— ...Ив?

— Да.

Кристоф остановился у самого края. Он словно примерялся, сможет ли переступить на мою сторону.

— Так почему ты убежала?

Он пристально смотрел, ожидая ответа... и сделал шаг на мою половину. Чувство самосохранения заставляло бежать, но дверь исчезла на половине Кристофа.

— Я не убегала, — он шагнул навстречу, а я отступила. — Мой муж, — я произнесла последнее слово с нажимом, на что-то надеясь, — сейчас очень занят. А дома завелся злой домовый, и его некому прогнать. Вот я и решила отдохнуть подальше от проблем.

Я снова отступила и уперлась в кирпичную стену.

— Я с радостью помогу решить проблемы с домовым. Ведь это по моей вине Ханса нет дома.

Кристоф стоял в метре от меня.

— Не стоит. Слишком много чести для обычного домашнего проказника.

Я чувствовала себя дичью, которую загнала в ловушку охотничья собака.

— Ты хочешь, чтобы я просил разрешения помочь тебе? — чувственность его тона пугала и обескураживала.

Кристоф сделал ещё шаг. Мне больше отступать некуда, между нами не осталось свободного расстояния. Он смотрел в мои глаза, продолжая телефонный разговор, и медленно потянулся рукой к моему лицу. Сердце пропустило несколько ударов, но пальцы Кристофа замерли в сантиметре от моего лица.

— Я могу решить все твои проблемы. Меня даже не надо об этом просить... просто не убегай больше.

Моё внимание сконцентрировалось на его губах. Ещё немного — и наши губы соприкоснутся. Он поддался мне на встречу...

Я нервно дёрнулась и случайно нажала на отбой звонка. И все вмиг исчезло, будто дурное наваждение.

Скорее всего, телефон был проводником, через который Кристоф добрался до меня. Но, черт возьми, откуда у него такая сила?

Глава 5

Кристоф безразлично смотрел в окно. Сквозь стекло ничего не было видно, все сковала тьма. Отто и Клара перебирали документы, тихонько обсуждая мелкие детали. На другом конце стола сидел Ханс и ещё несколько советников. Дело шло к концу.

Совсем некстати внутри него проснулся Морок:

— Убей Ханса! Что тебе стоит? Просто щёлкни пальцами и его не станет. Ив погорюет с недельку и сама припадет к твоим ногам... Убей его. Этого беспомощного псевдо аристократишку.

Кристоф перевел взгляд на Ханса. Соблазн был очень велик. Морок знал, на что давить.

— Морок, — ответил Кристоф внутренним голосом, — ты забываешь своё место! В нравах подобных тебе я не нуждаюсь.

Морок разразился громким смехом, но никто не обратил на это внимание. Морока слышал только Кристоф.

— Правильно говорить «подобных нам».

Он исчез так же внезапно, как и появился.

— Ну что ж, коллеги, — довольным голосом произнёс Ханс, обращая на себя внимание, — я так понимаю, переговоры подошли к концу. Я ознакомлю её Величество с результатами. Надеюсь, завтра, мы сможем подписать этот исторический документ.

Речь советника встретили с оживлением. Ханс пожал руку Отто, затем Кларе. Наконец, он протянул свою руку Кристофу. Взглядом наглого заевшегося кота Кристоф посмотрел на руку Ханса. Нет. Он не станет её пожимать. С какой стати? Ханс, сконфузившись, убрал свою ладонь.

— Как дела у Ив? — словно ничего не произошло, спросил Кристоф.

— Всё в порядке.

Ещё больше ставя Ханса в неловкое положение, Кристоф продолжил:

— Надеюсь, она собирается на осенний бал? Не хотелось бы принимать её отсутствие за личное оскорбление. А то мало ли, чем всё может обернуться, — последние слова прозвучали угрожающе.

В горле у Ханса пересохло — Кристоф уложил его на лопатки. Теперь, как бы он не прятал Ив, ей придется явиться на этот вечер. Иначе всё, над чем он так старался, может пойти крахом.

Небольшой гардероб Ив был разложен по всем поверхностям спальни. Она скептически оценивала свои туалеты. В основном это были повседневные вещи недорогих марок. Мариса лежала на кровати между двумя платьями.

— Д-а-а, где же былое величие герцогини Лоллан? Спряталось за бюджетными нарядами из сетевых супермаркетов. Печально, — грустно произнесла самка питона.

— Я не собиралась вообще идти на этот бал. Этот Йенсен обложил со всех сторон, Мариса, — Ив нервно отбросила в сторону ещё один неказистый жакет. — Зачем вообще заморачиваться? Надену рабочую одежду, мне всё равно. Не собираюсь ни перед кем там перья распушать.

— Да, да. Так и сделай! Пусть скажут, что жена советника королевы безвкусная нищенка!

— Мариса. И ты туда же! Мне проще не пойти.

— Надень черное платье. То, которое ты привезла с Креортока. Ну и что, что его уже сотню раз одевала, главное — оно стильное и соответствует случаю. А как только подпишут договор, мы сможем свободно убраться восвояси.

— Думаешь?

Звонок в дверь не дал Марисе продолжить. Открыв, я увидела на пороге курьера.

— Герцогиня Иветта Лоллан?

— Да, — удивилась, увидев его.

— Вам доставка. Вот здесь распишитесь.

Подписала документы, радуясь, что, наконец, пришла мои затерявшаяся на почте посылка с сертуитскими камнями. Вместо маленького конверта мне вручили достаточно внушительную, но легкую коробку.

— Это не моё! — но курьер уже растворился в воздухе, словно его и не было.

— Так-с. Что ты без меня заказала? — спросила Мариса, когда я занесла коробку в спальню.

— Странно... я ничего не заказывала.

Открыв посылку, под огромным количеством тонкого упаковочного материала увидела нечто невероятное: дорогая красная ткань переливалась дорогими камнями, сверкала в свете люстры. Сердце замерло — это то самое платье, которое я видела в «Кауфленд».

Восхищенно провела рукой по стразам сваровски.

— Ив! Это же то платье!

— Да, — я приложила платье к себе и повернулась к зеркалу.

— Примерь! — говорит Мариса.

До начала бала осталось около часа. Но почему бы не помечтать и не покружиться в платье, которое мне не по карману? Что будет с одной примерки? А завтра оформлю доставку обратно.

С благоговейным трепетом надела, ощущая мягкость роскошной ткани. Платье село так, словно шилось по индивидуальному заказу. Идеально!

Мой силуэт напоминал в нём русалку, а приспущенные на плечах бретельки создавали иллюзию, будто оно вот-вот спадет с меня. Смелый вырез на спинке подчеркивал осанку, а волны объёмных складок создавали обворожительный шлейф.

— Невероятно красиво! — Мариса восхищена не меньше меня.

У меня перехватило дыхание. На своё отражение хотелось смотреть бесконечно. Жаль, что на бал надеть его нельзя.

Мариса с глухим стуком юркнула в коробку и начала рыться в упаковочной ткани.

— Нашла!

С карточкой в пасти чешуйчатое выползло наружу. На красиво оформленном прямоугольнике светилась надпись: «Извинения за причинённые неудобства. Кристоф».

В мгновение приподнятое настроение сменилось вспышкой ярости. Я со злостью скомкала картонку и отшвырнула на пол.

— Ты, чего, Ив? Он же извиняется, значит, платье можешь оставить себе. Оно же такое красивое...

— Это не извинение, это — взятка! Притом в весьма больших размерах. Указывающая на

нашу с Хансом несостоятельность. И ещё много на что! В этом адском платье мне нельзя появляться в свет.

— Но кто узнает, что это он подарил?

— Я об этом знаю. И он тоже! Этого уже достаточно.

Я рыскала рукой там, где была потайная молния, но никак не могла её нащупать... какая-то слишком потайная. Я уже рычала от злости и досады, но молнии не находила. Она просто исчезла! Я крутилась, кусая губы, уже появились злые слезы, я смахивала их руками и пыталась стянуть платье и с плеч и снять через голову. Но это были тщетные попытки, платье было заколдовано. Устав, я посмотрела с надеждой на Марису.

— Нет-нет-нет! Даже и не думай! Я в этом не учувствую! — заартачилась змея.

— Как знаешь.

Я решительным шагом направилась на кухню. Там, в шкафчике, лежали большие острые ножницы.

— Это варварство, Ив! — Мариса быстро ползла за мной.

Я, ни секунды не сомневаясь, резала платье посередине от горловины до самого пола, разделив его надвое и, наконец, освободилась из мягкого пленительного, но уже ненавистного платья.

— Просто сердце кровью обливается... — запечалилась змея.

— Подумай о Хансе. Что будет с его сердцем, когда он узнает, что я надела это платье?

Мариса только грустно вздохнула.

А я, собрав платье в коробку, вышвырнула его в мусорку.

Резеунборг — резиденция королевы Анны в Инуите. Он меньше её дворца в Креортоке, но выполнен в том же стиле. Вычурный, напыщенный, роскошный. В нём не было той практичности, к которой привык Кристоф. Ему казалось, что это место издевается над ним, посмеиваясь над его тягой к простоте. Его всё раздражало: колоннада вдоль стен с античными статуями богов, обладатели высоких титулов, одетые в роскошные наряды, но не имеющие ни гроша за душой — лживый эффект иллюзии безопасности и благополучия. Ему казалось, воздух состоит из блесков и концентрированного запаха духов, и лёгкие отказывались им дышать.

Эрик и ещё двое телохранителей ходили за ним следом. Кристоф не хотел брать охрану, ведь Морок сделал его настолько сильным, что вряд ли найдётся смертный, способный ему противостоять. Телохранители нужны не для защиты, а для секретности.

Слишком много вопросов может возникнуть, если общественность узнает о силе Кристофа. Такими выдающимися магами могут быть только потомственные аристократы, следящие за чистотой магического рода, а Кристоф к ним не относился.

Официальные приветствия и светские беседы его не привлекали. Он ждал Ив.

Последний раз он видел её на острове Мурс, когда разговаривал по телефону, и последнее видение Кристофа было в тот же день, когда они виделись. Он помнил, как она долго любовалась красным платьем. Для него это было не просто видение, а призыв к действию!

Заиграл праздничный оркестр и по главной лестнице, застланной красной дорожкой, спустилась Его Величество королева Ольбургского королевства Анна II.

Несмотря на семидесятилетний возраст, её осанка была идеальной. Царственная особа прошла в центр зала. Повисла тишина.

— Подданные, сегодняшний бал особенный. Он приурочен не только ко дню рождения моего покойного мужа, вашего короля Родерика 4. Сегодняшний вечер станет мостом между двумя мирами, которые на несколько лет раскололи наше многострадальное

королевство. Теперь мы сможем воссоединиться, забыв былые обиды.

Присутствующие зарукоплексаки. Церемониймейстер поднёс королеве на синей бархатной подушечке золотой колокольчик. Его Величество дала сигнал к открытию бала. Оркестр снова заиграл. А Ив так и не пришла.

Кристоф отвернулся к панорамному окну и заметил знакомую фигуру. Ив торопливо поднималась по ступенькам, облачённая в скромное чёрное платье. Кристоф недовольно поджал губы. Где-то в глубине смеялся Морок. Платье было заколдовано, его невозможно было снять.

«Ну, что ж, герцогиня. Вы сделали свой выбор. А я сделаю свой». Самодовольная улыбка появилась на лице Кристофа. Он сделал незаметный щелчок пальцами.

— Мариса, мы чертовски опаздываем. Уже играет музыка. Надеюсь, никто не заметил, что нас не было с самого начала.

— Хорошо, что Ханс там уже с обеда. Он бы тебя заколол вилкой насмерть, если бы вы опоздали по твоей вине.

— По моей? Это ты сказала, примерь платье, ничего не будет!

Как только моя нога коснулась самой верхней ступеньки, началась какая-то дребедень. Воздушный поток из мерцающих частиц поднялся с самого пола, окутывая моё тело. В головокружительной чередой блестящих огоньков моё чёрное платье превратилось в подарок Кристофа — платье, которое я разрешила ножницами меньше часа назад.

Опешив от неожиданности, я стояла у входа, не понимая, как такое может быть.

— Твою ж моль! — только и произнесла Мариса.

В голове метались мысли: в платье идти нельзя, но и не появиться совсем — оскорбление.

— Ив! Ну где тебя носит? — навстречу вышел Ханс. — Пойдем, надеюсь, никто не заметил, что ты опоздала.

— Да? — я всё ещё была не в себе.

— Пойдем. У тебя такое красивое платье! Не знал, что у тебя такое есть.

— Я тоже не знала, — я покраснела.

Ступая по бальному залу, мне хотелось стать невидимой. Как жаль, что мой дар — целительство. Будь я магом-заклинателем, уже давно бы стала незаметной. Как назло, платье ещё больше привлекало внимание.

Мне показалось, что взгляды стали осязаемыми. Я шла сквозь толпу, и окружающие словно касались меня руками-взглядами, скользя по фигуре, лицу и волосам. Они прямо тянулись ко мне, как мотыльки ночью тянутся к свету фонаря.

Зато Хансу внимание не претило. Он гордо ступал с победоносной улыбкой, как единственный обладать редкой красоты.

Я вглядывалась в лица, боясь увидеть Кристофа. Очень-очень боялась. Это платье — бомба, и неизвестно что творится в голове у человека с пультом от детонатора.

— Добрый вечер, герцогиня Лоллан. Великолепно выглядите, — произнесла королева.

Я мысленно поблагодарила всех святых, что в современном мире уже нет необходимости делать приветственный реверанс.

— Добрый вечер, Ваше Величество. Мне Вас никогда не затмить.

— Право, Иветта. Вы мне льстите, — королева сдержанно рассмеялась.

Напряжение немного начало спадать. Кристофа, по-видимому, не было на балу, он либо вообще не пришел, либо уехал до того, как началось мероприятие.

— Вечер добрый, уважаемые фрау, — послышался голос из-за спины, от которого по телу побежали мурашки. Сердце забилося, а каждый новый вдох давался с огромным трудом.

Я невнятно поздоровалась и искала глазами повод сбежать в другой конец зала. Но этикет заставлял стоять на месте.

— Добрый, герр Йенсен. Почему вы не танцуете? — королева поддерживала светскую беседу.

— Почему же не танцую? Вот, хотел пригласить на танец Вас, Ваше Величество.

— Меня?! — королева удивленно рассмеялась. — Я свои балы отплясала. Вам нужна партнёрша помоложе. Например, герцогиня Лоллан.

Наверное, такой шокированной и обескураженной я не выглядела никогда в жизни. Как беспомощный ребенок я посмотрела на Ханса. Глаза мужа покрыла пелена злости, но внешне он выражал только спокойствие.

С хитрой ухмылкой Кристоф протянул мне руку, приглашая танцевать.

— Надеюсь, вы знаете Ольбургской полонез?

— Обижаете, фрау Ларсен.

Кристоф вывел меня в центр зала, где уже выстраивались пары. Оркестр заиграл классическую музыку. Встав в одну линию, мы начали праздничный танец-шествие.

— Невероятно красивое платье, Ив! Зачем вы над ним так надругалась?

— Это вы надо мной надругались, — я начинала закипать, — какое вы имели право заставлять меня его надевать... причём дважды?!

— Я делал это из глубочайшего к вам уважения, герцогиня, — иронизировал Кристоф. — А вообще, это мои извинения за причинные неудобства.

— Знаете, когда человек приносит извинения, всегда есть возможность от них отказать. Ваши же носят насильственный характер. Вы заставляете ими давиться.

В этот момент все пары шествия разделились. Мужчины, заправив руки за спину, очерчивали круг отдельно от женщин. Но не прошло и тридцати секунд, как, перестроившись в танце, партнёры снова воссоединились.

— Ваш муж на меня недовольно поглядывает, герцогиня. Я даже побаиваюсь, что он может вызвать меня на дуэль.

— Ханс — отличный дипломат. У него хватит ума не ввязываться в переделки с такими, как вы.

— Трусость теперь называю дипломатией? Интересно, а если я вас поцелую на глазах у всех, он тоже проявит дипломатичность и будет этого не замечать. Или запрет вас на каком-то богом забытом острове, чтобы общество забыло, что у него есть жена?

— Да как вы смеете! — я пыталась вырвать руку и бросить Кристофа среди танца.

— Но что же вы, Ив, — Кристоф сильнее сжал мою ладонь, не давая вырваться, — Зачем вам публичные скандалы?

— Если вы меня сейчас же не отпустите, я закричу, — я цедила слова через зубы, чтобы нас не слышали соседние пары.

— Где же ваши манеры, герцогиня? Я бы понял такие выходки от вашего псевдо аристократа мужа, ну вы же чистойшей голубых кровей.

Я снова попыталась вырвать руку, но безуспешно.

— Одно резкое движение — и я приведу свою угрозу в действие, — ледяным тоном предупредил Кристоф, — и это будет огромное пятно на политической карьере Ханса... Улыбайтесь, Ив. И продолжайте танцевать.

От скандала нас спасла разводка. Полонез подходил к концу. Мужчины, выстроившись в шеренгу, делали незамысловатые движения. Женщины в шахматном порядке танцевали плавные движения в центре.

Но вот пары снова объединились. Глядя в лицо партнеру, скрестив руки над головой, мы ходили по кругу.

— Поэтому аристократия и проиграла в этой войне. Вы слишком много думаете о том, что о вас подумают другие. Я же предпочитаю брать, что мне нравится, не оглядываясь на окружающих, — в его черных глазах играли дьявольские огоньки. Моя интуиция подсказывала, что он говорил не о политике.

Музыка подошла к концу. Мы поклонились друг другу.

Сразу же за спиной Кристофа появилась группа охранников и какая-то девушка. Она что-то сказала оппозиционеру и тот тут же ушёл.

— Вот гадёныш! Жаль у нас смертную казнь отменили. Его бы при живом короле за такие слова на главной площади Креортока повесили, — отозвалась Мариса.

— Мятежник... С этим ничего уже не поделаешь.

В Конференц-зал Резеунборга за круглым столом на двадцать человек полным ходом шёл процесс подписания мирного договора, за которым следили международные наблюдатели. И хотя уже были утрясены все договорённости, Ханс Ларсен продолжал проверять детали соглашения, и это очень раздражало.

— Кристоф, не смотри так, — прошептала Клара, — ты словно проклинаешь его на смерть.

Кристоф фыркнул.

— Неважно. Ты документы подготовила, которые я просил?

— Конечно, — Клара открыла папку и показала бумаги.

— Хорошо. Они скоро потребуются.

На лице Клары появилось недоумение, хотя кое-какие догадки у неё всё же были уже давно. Высокая, худощавая и весьма симпатичная немка давно терзалась безответными чувствами к Кристофу. И он знал об этом, но предпочитал не замечать — Клара его не привлекала. Пожалуй, если бы не это привязанность, то Клара никогда бы не решилась внести правки в документ, который она подготовила по просьбе Кристофа.

Наконец, ко всем обратился представитель международных наблюдателей:

— Многодневные переговоры подошли к концу. Каждый высказал своё мнение, и всё были выслушаны. Приглашаю стороны подписать документы.

Мужчина-наблюдатель подошел к королеве Анне и предложил ей документ для подписи. Недолго думая, она поставила свой автограф. Затем настала очередь Кристофа.

Бумага, украшенная орнаментами и печатями, лежала перед ним. Он рассматривал её несколько секунд, затем взял ручку. Он медлил. Напряжение повисло в комнате, шарик ручки почти коснулся листка... но Кристоф отложил её в сторону.

— Перед тем, как это подписать, мне надо переговорить с королевой.

— Это переходит все границы, — возмутился Ханс Ларсен, — Вы понимаете, что сейчас происходит...

— Пусть посторонние уйдут. Думаю, герр Йенсен заслуживает пару слов наедине, — сказала королева.

Недовольно перешёптываясь, из комнаты вышли почти все. Осталось всего несколько человек: королева Анна II, её личный телохранитель и Ханс; оппозицию представляли Кристоф и Клара.

— Я слушаю вас.

— Я подпишу мирный договор только после подписания вот этих документов.

Клара отдала папку Кристофу, и тот, вынув документы, вписал имена туда, где для этого стояли пропуски. Анна II взяла лист, взглянула на мужчину и стала внимательно вчитываться. На её лице появилась хитрая улыбка.

— Ах, вот оно что... Герр Ларсен, ознакомьтесь с документом, — она передала бумагу Хансу.

Быстро пробежав по ней взглядом, Ханс побледнел.

— Ах, вы мерзкий...

— Ханс! — одернула его королева, — Возьмите себя в руки! Я не допущу здесь разбирательств.

Резкий тон осадил герр Ларсена.

— Простите, Ваше Величество. Я не должен был давать волю эмоциям.

Хансу показалось, что в комнате не хватает воздуха, он начал расстёгивать верхние пуговицы рубашки.

— Фрау Ларсен, — окликнул меня один из советников королевы, — пройдёте в конференц-зал.

— Кому-то плохо? Нужен маг-целитель?

— Не знаю. Мне не доложили. Пройдемте.

Мы стремительно вышли из бального зала. Я очень переживала за королеву — зная силу Кристофа, он мог сотворить всё, что угодно.

Когда я вошла, меня встретили гробовой тишиной. В зале сидело всего несколько человек. На Хансе не было лица. Таким я его никогда не видела. Промелькнула мысль, что переговоры провалились.

— Ваше Величество?..

— Проходите, Иветта, — она указала на место рядом с Хансом.

Склонив голову на руки, он потупился в какой-то документ. Я легонько коснулась его плеча. С ним что-то не так. В ответ на это он молча протянул мне бумагу.

От увиденного меня обдало холодным потом: «Документ для расторжения брака». Далее шли наши с Хансом фамилии.

— Что это? Я не понимаю.

— Мы разводимся, — безразлично ответил Ханс.

— Но почему?!

Он, наконец, посмотрел на меня.

— Так необходимо, Ив. Прости... Тебе нужно поставить свою роспись. Свою я уже поставил.

От его печального голоса сердце захлебнулось кровью. Я смотрела на бумаги и не верила, что Ханс расторгает наш брак.

— Ставьте подпись, герцогиня, — поторопила королева.

Совсем растерявшись, я взяла ручку и расписалась.

— Благодарю, герр Ларсен. Больше вы нам не нужны, — донесся голос Кристофа.

Он стоял в дальнем углу комнаты, я его не и заметила. Ханс мешкал.

— Уходите, Ханс, — приказала королева.

Теперь уже бывший супруг направился к выходу, перед дверью задержал на мне полный отчаяния взгляд. Звук захлопнувшейся двери заставил вздрогнуть — будто выстрел поставил точку на моем замужестве.

Мне пододвинули второй документ, прочитав его, я сначала растерялась, но в душе смятение быстро сменилось яростью:

— Это абсурд! Я это подписывать не буду!

Лист с золотыми орнаментами гласил, что герр Кристоф Йенсен берет в супруги фрекен Иветту Лоллан.

— Иветта, дорогая, подпишите брачный договор. От этого зависит мир между нашими королевствами, — мягко, но с твёрдым взглядом произнесла королева Анна II.

Я с вызовом посмотрела в глаза Кристофа.

— Нет. Я это подписывать... не буду.

От моих слов Кристоф заиграл желваками. Он испепелял меня взглядом, но я смотрела на него смело и не собиралась менять своё решение.

— Если герцогиня не подпишет брачный договор, никакого мира между нами не будет, — тихо произнёс Кристоф.

— Будьте благоразумны, Иветта. От вас зависят миллионы жизней!

— Я не буду подписывать.

Я встала, громко отодвинув стол и демонстрируя нежелание быть разменной монетой в политических играх Кристофа, направилась к двери. Но меня остановил спокойный, но опасный голос королевы:

— Очень жаль, Иветта. Я думала, вы более благоразумны. Вы высказали своё решение — это ваше право. У меня тоже есть право. Право единовластной подписи. И я им воспользуюсь. Как ваша королева, я поставлю подпись за вас, — её Величество расписалась вместо меня и протянула брачный договор Кристофу. — Поздравляю, герр Йенсен, с заключением законного брака!

— Спасибо, Ваше Величество.

Я задержала взгляд на королеве, перевела его на мужчину и процедила сквозь зубы, подойдя к Йенсену вплотную:

— Я вас ненавижу! Первый же суд расторгнет этот брак!

— Никто не даст это сделать.

Я замахнулась, что стереть ударом с его лица нахальную улыбку, но внезапное неестественное желание уснуть странно быстро овладело мной.

Ив уснула почти мгновенно, упав в объятия Кристофа. Он засмотрелся на её дрожащие

ресницы — она видела сны.

— Герр Йенсен, теперь ваша часть договора, — произнесла королева.

Анна II уже поставила свою подпись под мирным договором и ждала ответного жеста со стороны оппозиционера.

— Клара, подай мне документ.

Немка вздрогнула и подала бумагу Кристофу, державшему в объятиях Ив, будто она самая дорогая и хрупкая драгоценность. Немка прислонила документ к папке, пока Йенсен ставил подпись, оглушённая произошедшим.

Кивнув королеве, мужчина направился к двери.

— Герр Йенсен, вы... не останетесь на торжественную церемонию?.. — немного удивлённо, но не без доли сарказма спросила королева. Казалось, она хотела добавить что-то едкое, но сдержалась в последний момент.

— Был бы рад, но нет. Сегодня я получил от вас ценный дар, и мне бы хотелось посвятить время ему, — взгляд Кристофа ощупал Ив с головы до ног и встретился с насмешливым, но торжествующим взглядом королевы.

Королева Ольбурга улыбнулась.

Глава 6

Холодный ветер обдувал тело. На мерзлой земле, расчищенной от грязного снега, лежала каменная глыба с высеченными на ней незнакомыми орнаментами и письменами. Пять человек, одетых в старинные одежды, толпились возле неё с разных сторон. Около каждого из них полыхало пламя костра, а взволнованные взгляды были устремлены в ледяную чашу леса.

Люди перешёптывались, но я не могла разобрать слов. Хотела подойти к одному из них...

Меня остановил дикий вой. Он охлаждал кровь, заставляя душу застыть от страха. Огромный черный волк несся из леса прямо на пятерку смельчаков. При виде зверя, незнакомцы засуетились. Мужчины, образовав полукруг, держали длинную цепь, грудой спадавшую между ними в костры.

Волк приближался. На его спине, облаченная в шкуру животного и с рогатой маской на лице, сидела девушка. Она направляла зверя прямо в полукольцо. И чем ближе волк был, тем выше взметалось алое с фиолетовым ореолом пламя костров. Цепь раскалялась, подбираясь к рукам державших ее людей белеющими дымившимися змейками раскалённого металла. Но мужчины не выпускали её из рук, хотя их лица уже искажали гримасы невероятной боли.

Вдруг яркая вспышка озарила центр неполного круга...

Потолки, украшенные венецианскими фресками, были явно не потолками нашей с Хансом квартиры. Сколько же я выпила, что не помнила, где оказалась? А ещё приснился кошмар, что Кристоф Йенсен на мне женился... И королева...

Голова чертовски болела.

— Мариса, какой приснился кошмарный сон...

Самка питона тоже только очнулась и, сползая с моего тела, растянулась на лиловых шелковых простынях.

— Это реальность.

Цепкий взгляд прошелся по комнате: на идеальных белоснежных стенах яркими пятнами висели черные гравюры. Колонны из красного мрамора оттеняли витражи той же цветовой гаммы. Золотые ручки дверей, художественный паркет, мебель с изумительным сочетанием новейшей моды и античного стиля — всё кричало о роскоши и богатстве хозяина дома. В углу комнаты трещал огонь в кирпичном камине, который резьбой и лепниной напоминал ранние работы Микеланджело. Интерьер спальни, в которой я очнулась, словно дворец принцессы, но выполненный в современном антураже.

— Где мы?

— Это надо спросить у хозяина дома, — парировала змея.

Дверь комнаты оказалась не заперта. За ней был длинный коридор с несколькими дверьми. Все закрыты на ключ. Из глубины дома доносились звуки строительных работ. Взглянув в окно, я обомлела: коричневый массив замка возвышался над скалистым утесом. С обеих сторон находились смотровые башни, отделанные геометрическими орнаментами.

— Это же Ясный Утес! — воскликнула Мариса. — Замок разрушили несколько столетий назад.

— Видимо, начали восстанавливать.

Шурша подолом красного платья, я шла вперед. Конец коридора заканчивался огромной гостиной. Отделанная в том же стиле, она казалась очень уютной. Я даже замерла от восхищения, наслаждаясь работой профессионального дизайнера.

Из дальней комнаты послышался какой-то звук. Я поспешила на него. За дверью меня ждала просторная кухня, совмещенная со столовой, а еще виновник всех моих несчастий.

Кристоф стоял у плиты и что-то готовил. Я даже не узнала его сперва. Вместо делового костюма на нем была обычная повседневная одежда: серая футболка и джинсы.

— Доброе утро, дорогая.

«Дорогая» резануло, как ножом по телу.

— Я вам ни «дорогая», ни жена и ни подруга. Вы абсолютно для меня посторонний человек.

Кристоф самодовольно улыбался. Видимо, его забавляла моя реакция.

— Почему же посторонний? Мы с тобой женаты уже больше суток. Значит, не «дорогая», а «жена».

— Смотрю, вам смешно. Я пойду в первый же Ольбургский суд, и нас разведут.

Кристоф поставил на стол тарелку с яичницей и беконом.

— Подкрепись, Ив. А то не хватит сил до суда дойти, — улыбнулся иронично Кристоф.

Это была последняя капля.

— До встречи в суде!

Я вышла из комнаты в одну из дверей в надежде найти выход. Кристоф смотрел мне в след, не произнеся ни слова. Внутри меня клочкотала ярость, но я не собиралась плясать под его дудку.

Бродила по замку долго. Крыло, в котором я очнулось, было отремонтировано и пригодно к жизни, но чем дальше я от него отходила, тем больше разваленным и брошенным становился замок.

Наткнувшись на одного из рабочих, я узнала, где выход. Не веря своему везению и в то, как легко отпустил меня Кристоф, я вышла на улицу.

Яркий свет подарил чувство свободы, тело сковал холод. В такую погоду нужно носить теплую куртку или плащ, а не платье с открытым верхом. Ну и пусть! Можно потерпеть эти неудобства, лишь бы избавиться от «мужа». Попав в главный двор, я пошла к воротам замка. Они были раскрыты настежь. Я уже ощущала вкус свободы, пока... не наткнулась на что-то твердое. Я ощупывала невидимую преграду руками, уже понимая, почему Кристоф был так спокоен — видимо, замок окружало магическое ограждение, но действовало оно толком для меня — строители его вообще не ощущали.

Я в испуге колотила по барьеру, но ничего, кроме боли, не получила.

— Не бережешь себя, Ив, — послышался за спиной голос Кристофа.

— Какое вы имеете право держать меня против воли?

Он стоял возле меня с чашкой кофе в руке. От его невозмутимого вида мне захотелось засунуть ему эту чашку в глотку.

— Я тебя не держу — я тебя оберегаю. Мало ли что случится по дороге в Ольбургской суд? За Ясным Утесом — дремучий лес, а вдруг тебя волки съедят?

В какой-то момент я стала сомневаться, шутит он или у него действительно не все в порядке с головой?

— На вот, — он одним глотком допил кофе и отдал мне чашку, — отнесешь на кухню.

Кристоф прошёл сквозь барьер, и его домашняя одежда мгновенно превратилась в строгий официальный костюм.

— Выпусти меня, мерзавец! — я швырнула чашку ему в спину. Она легко пролетела сквозь преграду и разбилась на камнях, не долетев до Кристофа, будто её кто отбил.

— Ужин в семь. Присутствовать обязательно — это нерушимое правило, — он поправил галстук, — Как раз и обсудим наш развод.

В этот момент, энергичной махая крыльями, перед его лицом пролетела орни. Я отпрыгнула, увидев впервые в живых сказочную фею. Их никто не видел уже несколько тысяч лет.

— Орни летают низко, — наблюдательно проговорил Кристоф, — ты бы вернулась обратно, а то дождь скоро пойдет.

И как специально в это момент с неба хлынул поток ледяной воды. Нет! Именно специально! Ибо капли падали только на территорию замка, а за невидимым забором сияло солнце.

Я обхватила себя руками, пытаюсь защититься от сырости. Смотрела, как Кристоф вместе с охраной сел в машину и уехал за территорию Ясного Утеса.

— Ив, пойдем внутрь? — тихо попросила Мариса.

— Он ведь этого и хотел. Да? Чтобы я сидела на кухне и ждала его на ужин. Как порядочная жена?

Мариса молчала.

— Не дождётся!

— На этой неделе состоится торжественное возвращение королевы к Креорток. Это будут транслировать по всем телеканалам. Ты должен передать ей ключи от города, — говорил Отто.

— Ключи? Мы забирали у неё ключи? — говорит Кристоф. — Это смешно, Отто! Все будут плевать на неестественной натянутости отношений.

— Пусть так. Но королева должна вернуться королевой. Она не должна пробираться в город, как гуляющая дека. Ты же хотел мирного договора? Вот теперь и выкручивайся.

— Да она за твои заслуги пожалуйет тебе аристократический титул, — пошутила Клара.

— У него уже есть. Его жена — герцогиня, — парировал Отто.

— Ничего смешного в этом не вижу, — ощерился Кристоф, — моя личная жизнь — это МОЯ личная жизнь.

— Никто ничего не говорит против, — пошел на попятную Отто, — просто ты выбрал не самое подходящая время и не самую подходящую женщину. Пойми, Кристоф, эта фрау выскочит из-под твоего крыла и первым делом побежит к журналистам. Будет рассказывать, какой ты деспот и тиран, как вынудил её выйти за тебя замуж. Это не пойдет на пользу твоему рейтингу. Учти, на носу выборы, и ты ходишь по очень тонкому льду.

— Со своими проблема разберусь без вас, — начиная закипать, огрызнулся Кристоф.

«А ведь Отто прав, — шептал Морок, — ты должен заставить Ив молчать. Она слишком своенравная. Ты должен быть жёстче!».

Кристоф проигнорировал внутреннюю реплику. Его мысли были не здесь, не в штабе оппозиции вообще. Он думал об Ив, которая ждет его в Ясном Утесе. Он перевел взгляд на часы, стрелки показывали начало седьмого. Каких-то десять-пятнадцать минут, и он поедет домой.

Легкое покалывание в пальцах и затуманенный взгляд предвещали скорое видение. Кристоф даже обрадовался тому, что увидит Ив. Но после первых образов радость как

рукой сняло. Ив всё ещё была на улице, сильный ливень не прекращался. Она сидела на лавке под деревом. По тому, как её трусило, было видно, что она уже здорово замерзла. Ив вытирала бегущие струйки воды с лица бледно-синими ладонями. Потупившись в одну точку, она часто моргала, будто боролась со сном. Её платье промокло насквозь. Понемногу моргания стали замедляться... Ив засыпала.

Как ошпаренный кипятком, Кристоф подскочил с места, приведя в недоумение окружающих. Первым порывом было перенестись к ней, но он одумался. Нельзя было это делать в присутствии посторонних. Это слишком большой риск быть раскрытым.

— Кристоф, ты куда? — раздался за спиной голос Клары, но ответа не последовало.

Он выбежал на стоянку, где стояла его машина.

— Ключи! — охранник бросил их Кристофу.

На сумасшедшей скорости Кристоф мчался к Ясному Утесу, нервно поглядывая на часы. Его глодало чувство вины за то, что он сотворил этот ливень. А Морок внутри, почувствовав слабость хозяина, подстегивал его, говоря, что девушка сама виновата, что нужно было запереть её в комнате.

Машину Кристоф бросил у ворот Утеса. За гранью барьера был приятный осенний вечер, переступив рубеж, он оказался по колено в грязи. Кристоф искал глазами Ив.

Мерзкий дождь тут же прекратился. Никого из строителей не было, они ушли несколько часов назад. Ив, скрутившись в комок, лежала на лавке и никак не реагировала на попытки Кристофа разбудить её. Он взял её за руку в поисках пульса. К счастью, её сердце ещё билось.

— Она говорила, что целители не болеют, — чуть не плача произнесла Мариса, — но, видимо, на переохлаждение это не распространяется... Где же тебя носило так долго, Кристоф?

Вместо ответа он взял Ив на руки и быстро понес в замок. Во всех комнатах, которые он миновал, загорался свет, огонь в каминах вспыхивал ярким пламенем. В холодном замке потихоньку нагревался воздух, стены... Даже зажжённые свечи создавали тепло.

Кристоф принес Ив в спальню и аккуратно положил на кровать. Он стал искать молнию на красном платье, чтобы снять мокрые ледяные вещи.

— Эй, ты что себе позволяешь, дружок? — вступилась за хозяйку змея.

— Она не согреется в мокрой одежде. Если у тебя есть руки, можешь это сделать сама.

На морде чешуйчатой появился хитрый прищур.

— Ладно... Но я за тобой внима-а-ательно слежу.

Найдя молнию, Кристоф стащил платье, оголяя изрешечённое фантомными пулями тело. Ив, словно безжизненная кукла, ни на что не реагировала. Его руки потянулись к мокрому белью.

Мариса хвостом ударила Кристофа по рукам.

— Ты не забывайся, муженек, — предостерегало его чешуйчатое.

— Я исключительно в гуманистических побуждениях.

— Ага, ага. Я так и подумала... Гуманист.

После заминки, Кристоф быстро стащил последнюю мокрую одежду и накрыл Ив несколькими одеялами. Морок, как ни странно, молчал.

Понемногу Ив начала согреваться, её лицо розовело. Кристоф стоял рядом, злясь за свою недалёковидность. За то, что не оставил никого, кто бы мог защитить её. А ещё за то, что она так чертовски упряма!

— Ну что, проснулась, сосулька? Ты проспала почти сутки, — радостно произнесла Мариса.

— Я не сосулька. Что произошло?

— Ты сильно переохладилась и крепко заснула. Пришел Кристоф и отогрел тебя.

— В каком смысле «отогрел»?

— В прямом. Оказал первую помощь при переохлаждении. Раздел, укутал в тёплое и согрел помещение...

— Как «раздел»? — я приподняла одеяло и поняла, что абсолютно голая.

— Нет, нет. Ты ничего не подумай, я за ним следила. Он тебя и пальцем не тронул. Да и толку тебя трогать было. Ты, как сардина дохлая, валялась, ни у одного нормального мужика на такое не вс....

— Мариса! Прекрати!

— А вот и не прекращу. Ты, вообще, чем думала, Ив? Кому ты хуже сделала — ему или себе? Ты в следующий раз больше глупостей делай. Может, он поймет, что ты невменяемая и найдет себе нормальную бабу.

— Всё! Я это слушать не намерена! Я сама буду решать, как мне распоряжаться своей жизнью. А не спрашивать совета у говорящей змеи.

Мне жутко захотелось встать и уйти, но под рукой не оказалось одежды. Поняв мои метания, Мариса обиженно добавила:

— В комод посмотри. Там есть какие-то вещи.

И действительно, в прикроватном комоде лежала одежда. Хотя раньше он был пуст. Чувство гордости требовала выкинуть всё в окно. Практическая сторона говорила: какой смысл в гордости, если ты засветишь голым задом перед незнакомым мужчиной?

Надев длинное ангорковое платье шоколадного цвета, я решила выйти поздороваться со спасителем. На часах как раз около семи, значит, Кристоф должен быть где-то в этом крыле замка. Я шла в кухню, Мариса ползла следом.

Кристоф сервировал стол. Это было так необычно, что я даже растерялась.

Он взглянул на меня исподлобья.

— Ты меня напугала, — вместо «Здравствуй» упрекнул Кристоф.

— Разве? Чем это, интересно?

— Своим безрассудством.

— Будете читать мне мораль?

— Нет, — на его лице появилась полуулыбка, — приму меры.

— Закуёте в кандалы?

Кристоф отодвинул стул и пригласил меня сесть за стол. Сегодня у меня нет ни сил, ни желаний сопротивляться. Я села, и он пододвинул стул вместе со мной.

— Кандалы? Ты обо мне такого плохого мнения, Ив? Я вроде бы не муж-тиран, чтобы мучать несчастную жену.

— Вы — муж-захватчик. Заставили силой за вас выйти замуж.

— В любви и на войне все средства хороши.

Можно было зацепиться за фразу и устроить скандал, но слабость после случившегося сделала меня безразличной. Еда манила, последний раз я ела в Инуите. Это было негласное перемирие на время ужина.

Утолив голод, я потребовала:

— Я хочу развод. Ваша выходка с браком — полный фарс... Зачем вы это сделали?

Кристоф отложил вилку, готовый снова вступить в словесный поединок. Наши взгляды схлестнулись.

— Я не дам согласия на развод. А если вы помните, то по закону без моего согласия вы не сможете подать на расторжение брака. Это особенность королевских брачных контрактов. Их расторгают только по согласованию двух сторон. Как это было в вашем случае с Хансом.

Воспоминание о Хансе было ударом по больному месту. Я вспоминала уроки юриспруденции в институте, действительно, было такое положение. Но у него были свои нюансы.

— Договор можно расторгнуть в одностороннем порядке. Если один из супругов нарушит описанные в нем положения. Я могу взглянуть на этот проклятый контракт?

— Конечно. Он у меня в кабинете.

Я встала и взяла тарелку, чтобы унести ее в мойку, но Кристоф перехватил мою руку.

— Я сам уберу, — его голос пронизывал.

Слишком тревожил, слишком волновал, слишком смущал. Так не должно быть! Он для меня слишком чересчур...

Ушла, оставляя его наедине с посудой, ладошкой обветривая свои запыхавшие щеки. Через пару минут Кристоф догнал меня и проводил в свой кабинет.

Сидя в кресле, я читала тот самый брачный контракт. Первую страницу я уже видела. На ней стоит красивая подпись Кристофа Йенсена и Королевы Анны II. В общих чертах описан стандартный семейный кодекс. Указательным и большим пальцем легонько сминая бумагу, я боролась с соблазном разорвать документ.

— Даже если его бросить в огонь — он не сгорит. Он защищен королевской подписью, — прочитал мои мысли Кристоф.

— Я в курсе. А где дополнения?

— Какие дополнения?

— Ну вот же, внизу написано мелким шрифтом про пункт 5.1.

Кристоф заинтересовано взял у меня бумагу и прочел про пункт 5.1. Он был явно удивлен.

— Очень интересно, — он достал телефон и набрал номер.

— Клара, а что за пункт 5.1 в моем брачном договоре?.. Как это ты забыла мне сказать?!. Ладно... Присылай на почту дополнения...

Тут же принтер подал звуковой сигнал. Кристоф сделал несколько кликов мышкой, и на свет появилась пара документов. Одну копию он дал мне.

Я пробежалась глазами по перечню дополнения 5.1 и испытала неопишуемый восторг. В этом пункте были все пункты, которые позволяли расторгнуть брачный договор в одностороннем порядке. За последние несколько дней это была самая приятная новость.

Я оторвала ликующий взгляд от спасительной бумаги, и увидела, как побледнел от злости Кристоф.

— Ну, Клара, ты мне за это заплатишь...

— Дорогой, — издевательски улыбаясь, ласково привлекла внимание Кристофа, — мы еще вернемся к разговору о расторжении брака, как пройдет оговоренное время или произойдет одно из указанных событий...

Глава 7

Кристоф медленно обходил ту часть главного бального зала, где проводилась его реставрация. Работа кипела, шумела строительная техника, деловито суетились рабочие. Бригадир докладывал хозяину о проделанной работе. Сутулый старик в потертом костюме неотступно следовал за беседующими мужчинами, то и дело натываясь на инструменты, и прижимая к себе свёртки каких-то бумаг.

— Герр Йенсен, всё идёт по плану и согласно утверждённому графику. К концу месяца работы успеваем закончить.

— Это радует, — сдержанно кивнул Кристоф.

— А я крайне возмущён! — неожиданно вклинился в разговор старик. — Эти варвары совершенно не дорожат нашим историческим наследием! Вот, посмотрите, что они сотворили с остатками мозаичного паркета семнадцатого века! — старик опустился на пол и подобрал несколько деревяшек. — Варвары! Вас сажать надо за вандализм!

— Профессор, это сделали не строители. Это было до нас. После сильного землетрясения многое было разрушено. Я вам уже несколько раз объяснял, — беззлобно оправдывался бригадир.

— Не делайте из меня дурака! Пусть мне уже под семьдесят, но я не страдаю маразмом! Землетрясение может разрушить стены, но так расколоть пол можно только рукой человека.

Кристоф отвёл в сторону старика, чтобы дать ему успокоиться. Бригадир тут же скрылся из их поля зрения. Старик уже достаточно надоел всем рабочим своим "не старчески маразмом". Его терпели лишь из-за его профессионализма. Он — лучший историк и археолог в Ольбургском королевстве, и он позарез был необходим Кристофу. Ради этого он готов терпеть выходки старого параноика.

— Вы слышали этого негодяя, герр Йенсен? Он думает — я старый дурак.

— Профессор, вам нельзя так сильно переживать. Лучше скажите, как обстоят дела с поисками?

После слов Кристофа профессор оживился, глаза загорелись, казалось, у него даже дыхание перехватило от вмиг переполнивших чувств:

— Герр Йенсен, очень... очень хорошо! Вот, смотрите, что я обнаружил в восточном крыле замка! — старик достал из кармана горстку камней. — Этим окаменелостям не одно тысячелетие! Я очень близок к разгадке. Ещё немного — и я найду её, — его глаза горели в предвкушении, — а эти варвары только и могут болтаться под ногами, разрушая археологические ценности.

Кристоф хотел что-то ответить, но почувствовал приближение видения. Морок скребся внутри, предостерегая, что скоро Ив будет видеть его глазами. Это ее первое видение в Ясном Утесе.

Взяв эмоции под контроль, маг поспешил на улицу, направляясь в сторону небольшой рощи. Уходя как можно дальше от строителей, Кристоф закрыл глаза и открыл их уже на главной площади Креортока.

В своей бестелесной оболочке Кристоф чувствовал, что Ив пристально наблюдает. И он знал, что ей показать.

Улица была переполнена туристами, после подписания мирного договора Креорток понемногу начал отстраивать туристическую инфраструктуру.

Кристоф посмотрел на главную площадь, давая Ив понять, что незнакомец снова в столице. Он повернул голову в сторону сувенирной лавки и решил, что стоит туда заглянуть. К его везению, она была забита туристами. Очень трудно будет

запомнить кого-то в этой толпе. Особенно, если этого кого-то там вообще не было.

Через каких-то пару минут видение Ив прекратилось. Кристоф смог спокойно вздохнуть и вернуться в свое тело.

Но, помимо тела, его ждал еще и Морок:

— Она узнает твой секрет. Скоро поймёт, кто ты, и уйдет. Она тебе не по зубам! Позволь, я помогу. Ив будет принадлежать лишь тебе. Бежать к тебе от одного взгляда, нет... От одного твоего желания.

Кристоф хорошо помнил цену этой помощи и ответил:

— Без тебя разберусь, демон.

Он помнил, как, потеряв контроль во время прошлого видения в самолете, демон почти раскрыл Кристофа, написав записку для Ив. Теперь ему нужно приложить усилия, чтобы выкрутиться из этой ситуации.

— Что там было?

— Мариса! Он снова вернулся в Креорток. И, кажется, я узнала сувенирную лавку рядом с площадью. Нам срочно нужно туда попасть, возможно, его кто-то запомнил.

— Странно он какой-то. Знает, что ты за ним наблюдаешь, но ни разу не отозвался. Хотя ты спасла ему жизнь. Обещал прийти за тобой, а сам катается черти где. Я же говорила, он зельеман!

— В этом я согласна. Есть в нём что-то неправильное.

— Может, он маньяк? Может, это он тебя в зеркале поцеловал, а ты зря на Кристофа думала?

— Я уже ничего не понимаю. Мне кажется, что у незнакомца, что у Кристофа логика за гранью моего понимания. Один наблюдал за мной годами, другой женился на третий день знакомства.

— Так, может, это один и тот же человек?

— Нет. Незнакомец в Креортоке, а Кристоф стоит во дворе Утеса.

Я взглянула в окно. Кристоф о чем-то разговаривал со строителем. Перекинулись несколькими фразами, он отправился на работу. Ясный Утес находится в сорока минутах от пригорода Креортока. Для меня это была большая удача, ведь никогда раньше я не была так близко к незнакомцу. По шторе Мариса заползла на подоконник и взглядом проводила Кристофа на работу.

— Ушел твой муж

— Отлично. Можем приступить.

Мариса заползла по руке и обернулась татуировкой.

— Только без глупостей, Ив. Я не хочу опять до смерти замёрзнуть.

— Нет. В этот раз всё будет по-другому.

Я надела твидовое полупальто и направилась на улицу. Рабочие-строители практически не обращали на меня внимания. Единственная преграда — невидимый барьер, который меня не пропускал. Вот его я и решила обойти. Помню, как смотрела на него сквозь струи ледяного дождя, когда за ним светило солнце. Сегодня такая же теплая погода. Я подошла к границе, за которую мне нельзя заходить и... переступила на другую сторону.

— Твою ж моль! Это свобода, Ив!

Осторожно сделала ещё шаг, ожидая наткнуться на преграду. Но снова не чувствую сопротивления. Я ликовала, не веря в происходящее.

— Может, он решил, что ты теперь не сбежишь от него?

— Вряд-ли, но это очень подозрительно.

Мы с Марисой полночи вспоминали заклятье, которое даёт возможность проходить сквозь стены. И хоть мой дар — целительство, кое-какие базовые знания с института я помнила. Другой вопрос, что они мне никогда не удавались, но попытаться мне никто не запрещал.

Я оборачивалась по сторонам в поисках ловушки, но ничего не видела. Шла медленно, вот-вот минуя ворота. Вдохнула воздух свободы полной грудью.

Ры-ы-ы... Послышалось рычание. Чёрная огромная пантера смотрела на меня со смотровой башни и скалила зубы.

— Ив. Замри, — посоветовала змея.

— Обязательно, — я со всех сил бросилась за территорию Утёса.

Пантера спрыгнула со стены и помчалась за мной. Я не сделала и пяти шагов как меня повалила на землю огромная кошка. Она нависала надо мной, открывая острозубую пасть. Рычала и скалилась.

— Возвращайся в замок, синекррровая, — прорычал хищник.

«Синекровая» полоснуло по моему достоинству. Так повелось называть заносчивых аристократов, бездарных магически, надменных и спекулирующих своим происхождением. Синекровые провели ряд государственных реформ, благодаря которым обычные маги стали жить ещё хуже. Их обложили непомерными налогами, в то же время сами аристократы, обошли эти запреты.

«Синекровые законы» стали толчком к гражданской революции. На волне негодования и поднялся Йенсен с идеями свергнуть королеву и монархическую власть.

Ханс — один из немногих, кто голосовал против этих законов. Мы не были синекровыми. Но это прозвище настолько вошло в обиход, что стало синонимом аристократической тирании. Быть синекровыми сродни предательству.

— Иначе что? — злость победила чувство самосохранения.

— Иначе я сам тебя туда отволоку.

Сделав несколько шагов назад, пантера превратилась в высокого широкоплечего мужчину. Я видела его раньше, он всегда сопровождал Кристофа.

— Тебе нельзя покидать Ясный Утес без разрешения герр Йенсена.

— Кто дал тебе право держать меня взаперти?

— Герр Йенсен и дал. Хотя я б на его месте таких, как ты, держал на цепи.

Взгляд мага-перевёртыша переполнял признание. Я поднялась с земли и пошла обратно к замку. Радикал шел за мной следом, пока я не очутилась в главном дворе.

— Фанатик, — произнесла Мариса, — надо быть осторожней. У таких неизвестно что в голове творится.

Но я думала совсем о другом.

— "Меры" он примет... Запер меня в замке, посадил под охрану. Думает, что решил все проблемы? Думает, я сложу лапки и буду терпеливо сносить его прихоти? Я ему не игрушка какая-то!

— Ив, что ты задумала?

— Ничего хорошего.

Моё чувство собственного достоинства снова болезненно уязвили. Я почти бегом неслась в свою комнату, схватила зачитанную до дыр распечатку дополнений брачного контракта, вломилась с грохотом ударившейся о стену двери в комнату Кристофа и швырнула на его постель замусоленные листы. Туда же быстро сползла Мариса.

Я решительно распахнула шкаф Йенсена. Его костюмы и рубашки аккуратно висели на плечиках, развешанные по цветам.

— Читай, Мариса.

— Зачем? Я уже читала много раз.

— Все равно читай. Чтобы я помнила, какие ошибки мне совершать можно, а как вести себя нельзя.

Видя моё взвинченное состояние, змея уткнулась в бумаги:

— Причины для бессрочного расторжения брачного соглашения. Первое: Смерть одного из супругов...

Я снимала с плечиков костюмы Кристофа и бросала на пол.

Мариса делала вид, что не замечает моего хулиганства.

— ...Второе: серьезное психическое заболевание супруга, мешающее полноценной семейной жизни.

— Видишь, каков! А как же «долго и счастливо и пока смерть не разлучит нас»?

Куча из одежды Кристофа росла.

— Возможно, это стандартный договор. И он не знал всех положений.

— Не оправдывай этого негодяя! Читай дальше.

— Третье: юридически доказанный факт физического, психологического и сексуального насилия одним супругом над другим.

Я взялась за рубашки.

— Сложно это доказать. А пока я под надзором, это сделать невозможно.

Стильные галстуки разноцветной россыпью дополнили гору, выросшую из выброшенной из шкафа одежды.

— Последнее: измена одного из супругов.

Огонь в большом камине еще не погас, я подбросила в него пару поленьев и, когда пламя уверенно разгорелось, принялась сжигать вещи своего мужа.

— Ты что творишь, Ив?

— Делаю все, как в «инструкции». Убить я его не могу. Начну, пожалуй, с психологического насилия. Может, доведу его до белого каления, и он даст мне развод. Если нет, то у меня есть ещё идеи.

Я даже немного успокоилась, и планомерно скармливала жадному огню галстук за галстуком, рубашку за рубашкой, мечтательно глядя сквозь огонь.

Кристоф хотел меня в жёны? Пусть получит.

Но не кроткую и благородную аристократку. А исчадь ада, которого он заслуживает.

Кристоф шел домой во всеоружии. Эрик доложил о попытке бегства Ив, и он готовился к семейному скандалу.

Восточное крыло встретило его гробовой тишиной. Ив сидела на диване в гостиной и читала газету. Она на мгновение оторвала взгляд и посмотрела на Кристофа.

— Как прошел твой день, дорогой?..

Кристоф замер. Затем у него проскочила мысль, что Ив смирилась и решила играть по его правилам.

— ...Я приготовила ужин. А то все ты меня кормишь, мне неудобно.

— Отлично. Накрывай на стол. Через пару минут присоединюсь, дорогая.

Кристоф ещё не понял, какую игру затеяла супруга, но его это уже интриговало.

Зайдя в свою комнату, он снял костюм и рубашку, по привычке оставив их на спинке стула. Затем душ, чтобы смыть остатки тяжёлого дня. А день был действительно таким. Приходилось отбиваться не только от журналистов и конкурентов. Теперь, после подписания мирного договора, в столицу вернулась значительная часть беглой аристократии. Начались судебные разбирательства по разделению имущества, отнятого в процессе восстания. И всё это подогревалось вниманием прессы. Каждый журналист мечтал раскрыть секрет Кристофа Йенсена, из всех щелей на него лился поток лжи из жёлтой прессы.

Душ отрезвлял усталый мозг.

Завязав на бедрах полотенце, он вышел обратно в комнату. Открыл шкаф с вещами и... Ничего в нём не нашел. Шкаф был пуст. Сначала он не поверил своим глазам. Потом он соотнес это с покладистым настроением Ив. «Значит, по-хорошему у нас не получится». Его даже позабавила безобидная выходка. Пока он не взглянул на свой костюм, который снял перед душем.

Пиджак был изрезан в клочья, словно попал под лопасти самолёта. Штанам досталось не меньше: они укоротились до длины шорт. Такую длину Кристоф носил, когда был пятилетним ребенком. Пуговичка на брюках была оторвала. Видно, в порыве Ив не смогла сдержать эмоции, и рвала и металла. Рубашка была почти цела. «Почти» — потому что на ней было всего две крупные дырки в районе груди.

Скорей всего, жена пробралась в его комнату, пока он принимал душ, и устроила нападение на остатки одежды.

Смешной, безрассудный поступок, который он не мог ей простить.

Повернувшись к зеркалу, Кристоф снял полотенце и надел обрезки рабочего костюма. Короткие шорты-брюки были чуть ниже линии белья. А рубашка заканчивала его харизматичный образ: две дырки выставляли напоказ его соски.

— Я уже накрыла. Ты идёшь?

— Одну минуту.

Приблизительно столько ему нужно чтобы сотворить ответное колдовство. Щелчок пальцами — и его маленькая месть приведена в действие.

Кристоф улыбнулся отражению. Ужин обещал быть незабываемым.

— Твою ж моль, что произошло?!

Я заперлась в своей комнате после расправы над костюмом Кристофа. Я знала, что это просто мне не сойдет с рук. И его ответ не заставил себя ждать.

Я стояла посреди своей комнаты в недоумении. Мое платье, в котором была секунду назад, испарилось. На мне остались только трусики и бюстгальтер.

— Это — месть.

Я подошла к комоду с вещами, он оказался пуст. Вещей, как будто и не было никогда.

— Дорогая, где ты? Я уже заждался!

Послышался голос Кристофа. Я смотрела на себя в зеркало: черные волосы собраны в косу, руки в неуверенности сложены на груди, отсутствие блеска в глазах. И мне стало так обидно. Неприятно от того, что оставшись в комнате, я буду в роли проигравшей. Если не считать моей пакости с его гардеробом, я этому человеку ничего не сделала. Он разрушил мой брак, мою страну, но веру в себя я ему не дам уничтожить!

Я распустила волосы, немного вздохматив их. Облизнув губы и, сделав осанку, как учила бабушка герцогиня, в одном белье пошла ужинать. Какая разница, что на тебе одето? Порода ничем не испортишь.

С высоко поднятой головой я зашла в столовую. Кристоф явно опешил от моей дерзости. В тоже время мне стоило большого труда не засмеяться, при виде оппозиционных сосков.

— Я уже подумал, что ты передумала ужинать?

— Задержалась. Не могла подобрать наряд, в котором пройти на ужин, — безразлично отвечаю.

— К счастью, у меня с нарядом проблем сегодня не было.

Закончив с одеждой, мы приступили к трапезе. Я сидела с прямой спиной, стараясь не выдать своего смущения. Представляя, что на мне самое роскошное платье в мире.

Кристоф концентрировался на тарелке, стараясь лишней раз на меня не смотреть. Тишину разбавлял лишь звон приборов о тарелку.

Жаркое в гранатовом соусе с орехами вышло очень вкусным. Это единственное блюдо, которое я научилась хорошо готовить за годы проживания в Инуите. Только в этот раз ему не хватало соли.

Солонка стояла возле Кристофа. Мне очень не хотелось его отвлекать от размышлений над едой. Я не немного привстала и протянулась за солью. Но что-то пошло не так. Она перевернулась, с грохотом упав на пол.

Кристоф отвлекся и непроизвольно устался на мою грудь, которая находилась на уровне его глаз. Я залилась краской.

— Я бы подал солонку. Мне не тяжело... Хотя так даже лучше, — произнес с ехидной улыбкой.

Я рефлексивно сложила руки на груди.

— Не вижу ничего смешного. Верни мне одежду!

— А куда подевался «дорогой»? Верну только после того, как ты вернешь мою. Так уж и быть — этот костюм я прощаю.

— Как великодушно. Но я одежду не брала. Она у тебя в комнате. Просто лежит в камине и догорает.

На его лице не осталось и следа надменной улыбки. Теперь улыбалась я!

— Ты переходишь все границы!

— Ты приставил ко мне надзирателя, закрыл в доме и заставил силой выйти замуж. Не тебе говорить мне о границах!

Кристоф поперхнулся. Его лицо изменила непонятная гримаса. Я ликовала, наконец, поставив его на место.

— В еде были орехи? — хриплым голосом спросил муж.

— Да, совсем немного.

Кристоф судорожно хватал ртом воздух.

— У меня... аллергия...

Медленно сползая, он свалился на пол, его дыхание стало хриплым и давалось ему с трудом. Я никогда не видела такой острой реакции.

— Ив, ты его убила! — закричала Мариса. — Ты же говорила, что не будешь его убивать!

— Я? Нет! Это случайность. Я же не знала. Ему нужен антигистаминный укол.

Я кинулась к шкафам в поисках аптечки.

— Стой! Пусть умирает! Так ему и надо, революционеру, проклятому, — подстрекала Мариса.

На долю секунды идея мне показалась очень привлекательной. Совсем на немного.

— Нет. Даже собаки не заслуживают такой смерти, — я не смогла найти аптечку. Кристоф потихоньку затихал. — Черт! Сама справлюсь.

Я крепко обхватила ладонями его лицо и начала настраивать поток энергии. Кристоф как-то обмяк...

И в следующую секунду схватил меня за талию, перевернул, подмяв под себя, и жадно впился в мой рот, раздвигая языком мои губы. Жарко и требовательно, он не оставляя в покое, пока я не начинаю отвечать ему. Тело прошивает странная дрожь. Кажется, что каждый атом наполняется светом и взрывается. Почувствовав мой отклик, он с ещё с большим напором впивается в мои губы. Его рука скользнула от талии к бедру, он коснулся белья, и меня будто отрезвило.

Я со всей силы уперлась руками в его грудь, стараясь оттолкнуть, но Кристоф всего лишь чуть отстранился, выпуская мои губы.

— Ах, ты! Мерзкий, хитрый негодяй.

Во мне бушевала ярость — он меня разыграл! Он хитро улыбался. Я не могла шевельнуться под тяжестью его тела, а он, искренне улыбаясь, снова поцеловал меня:

— За вкусный ужин...

...и снова...

— За новый фасон костюма...

Я упиралась ладонями в его грудь, но это не мешало ему повторить поцелуй:

— За то, что не дала умереть...

И только потом он сел на пол, выпустив меня из крепких объятий. Я вскочила, сверкнув глазами и едва сдерживая злость и досаду, вытерла губы, соорудив презрительную гримасу и, держа осанку и гордо задрвав подбородок, вышла из кухни.

Глава 8

— Кристоф, ты какой-то несобранный, — говорил Отто.

— Всё нормально.

— Ты соберись. На вот, посмотри, — перед Кристофом появилась «Ольбург Таймс». — Этот псевдоаристократишка на первой странице. Он отлично продвигается, по результатам экзитпола он тебя почти догнал. Думаю, мы знаем, на кого будет ставить корона.

«Надо было его убить раньше. Он заберёт твоё место... твою жизнь... твою Ив. Убей его пока не поздно», — нашептывал Морок.

— Кристоф? Ты куда пропал? — снова отвлекает Кристофа Отто.

— Я с вами. Да, я всё понял.

— Нет, ты не понял. Если в ближайшие дни случится скандал, порочащий твоё честное имя, ты потеряешь голоса, и тогда Ханс тебя с удовольствием утопит.

Но Кристоф Отто почти не слышал. Его унесло обратно вглубь себя, где демон играл с его сознанием.

— Нет Ханса — нет проблем. Утопи его в ванне. Да... Давай его утопим! — подталкивал Морок.

— Закрой свою пасть! — прохрипел мысленно Кристоф.

— Я-то закрою. А потом посмеюсь, когда Ханс у тебя все отнимет. Всё! Вытрет о тебя ноги, как о тряпку. И тогда ты будешь умолять меня о помощи.

— Не дожدهшься.

— Вот увидишь. Так и будет. А твоя синекровая забьет последний гвоздь в крышку гроба. Ты ей не нужен. Ей нужен Ханс. Нужно было его давно убить и не допускать этой свадьбы изначально. Ты вспомни, как она вела себя вчера. Ты для неё такой же монстр, как и я.

— Замолчи! — адреналин ударил в мозг, и мятежник, не совладав с собой, выкрикнул слова вслух. Отто и Клара, сидевшие напротив, встрепенулись. Они озадачено смотрели на Кристофа, но побоялись хоть что-то сказать. Кристоф закрыл глаза и обхватил двумя пальцами переносицу. — Достаточно на сегодня. Можете идти, — произнес оппозиционер. Не произнося ни слова, они встали и направились к выходу. — Клара, задержись, у меня есть к тебе разговор. Отто сочувственно посмотрел на немку и вышел. Клара, шаркая ногами, и прижимая к груди бумаги, вернулась за стол переговоров. — Зачем ты добавила пункты в брачный контракт? Ты же не знала, для кого он.

Секунду она молчала, а потом её голос начал дрожать:

— Я... Я подготовила два варианта документов: обычный и с дополнениями. На случай, если тебе захочется совершить глупость... Прости... Я хотела обезопасить тебя.

— Клара, ты не имела права так поступить, — Кристоф говорил сдержано, помня о недавней вспышке, — ты меня подставила. Я теперь не знаю, как тебе доверять... Я уже сделал выводы. Уходи.

Кристоф безразлично складывал бумаги в чемодан. Клара, раздавленная его словами, тупила взгляд в пустую поверхность стола. Он давно знал о чувствах немки, ему не претила её привязанность. Она была одной из немногих, кому он мог доверять. Но теперь всё изменилось, и Клара это тоже понимала. Собрав вещи, он направился к выходу. Проходя мимо, Клара схватила руку Кристофа и прижала к своему лицу:

— Пожалуйста, не гони меня, — по её щекам бежали слезы, — не любишь ты меня — пусть. Только не прогоняй. Я без тебя не смогу...

Чёрные разводы туши пачкали аккуратное лицо.

— Клара, успокойся.

Она ещё крепче сжимала его руку, словно спасительную нить. Казалось — если он вырвется и уйдет, его больше не будет в её жизни. А без него ей не нужна была эта жизнь.

— Я больше никогда так не поступлю. Прости меня... только не прогоняй...

Судорожные всхлипы болью сдавливали грудь, словно металлические опилки ранили незащитное сердце.

— Хорошо, — отстраненно произнес Кристоф.

Он вырвал свою руку, смахивая с неё девичьи слезы. Под звуки рыдания вышел из кабинета, оставляя Клару наедине со своим несчастьем.

Строительная грязь была повсюду: она резала глаза, цеплялась за кожу, сдавливала лёгкие. Сидеть в своем крыле и ждать «мужа» на ужин не было моей мечтой, и мы с Марисой решили пройтись по поместью и разведать обстановку.

Большая часть рабочих занималась восстановлением и реконструкцией центрального холла, пострадавшего от землетрясения. Я с любопытством рассматривала, как проходят роботы, пока меня не прогнал один из строителей, заявив, что без каски здесь находиться нельзя. Мне указали на дверь, которая вела в маленький уютный задний дворик.

Солнечные лучи пронизывали голые деверья, придавая настроению спокойствие и умиротворение. Можно было бы пойти у него на поводу: погреться в сиянии теплого потока или мечтательно попинать желтые листья. Если бы не взгляд. Я всеми фибрами души чувствовала, что за мной следят. Не стоило и сомневаться, мой новый надзиратель не отходит от меня ни на минуту.

— Следит, морда рецидивистская, — подтвердила мои догадки Мариса. — Чтоб ему хвост трамваем переехало.

— Знаю, видела его ещё на стройке. Под таким надзором отсюда не сбежишь.

— Значит, нужно придумать что-нибудь другое.

Откашливаясь, из той же двери вышел пожилой мужчина в потрепанном костюме. Он опирался на трость, а его одежда была покрыта строительной пылью. Он недовольно бурчал себе под нос, кого-то ругая. Увидев меня, подошел ближе:

— Фрау, дорогая. Подскажите, как выйти к центральным воротам?.. Оу! Какая прекрасная каменная лавка!

Он протер очки и оценивающим взглядом принялся рассматривать лавочку, словно она бриллиант в три сотни карат. Мужчина изучал сидение так увлеченно и дотошно, что стало неловко, и я встала.

— Великолепный экземпляр!

— Лавочка?

— Да! Разве вы не видите? Она же очень старая! Каминные ноги и верхняя вертикальная поверхность очень хорошо сохранились. Наверное, её защитило закрытое пространство двора и густая растительность... — старик обратил своё внимание на дерево, которое росло рядом. — Великолепно, — восхищённо повторил. — Меня зовут Альберт Гуттенберг.

— Ив... — я замолчала, не зная, какую фамилию назвать. Йенсен — фамилию Кристофа, что привлечет лишнее внимание. Ларсен — фамилию Ханса, которую уже не имею права носить. Или Лоллан, фамилию моего знатного рода. А вдруг герр Гуттенберг ярый

сторонник оппозиции? — ...Просто Ив.

— Прекрасно. Я сейчас сфотографирую это прекрасный исторический объект. А завтра приведу сюда студентов, на экскурсию.

— Студентов?

— Альберт Гуттенберг — геолог, историк, профессор, заведующий кафедры Ольбургского исторического университета. Нахожусь в качестве консультанта на реставрации Ясного Утеса.

— Как у вас интересная работа, — Мариса медленно выползла из рукава, оплетая руку и взбираясь на моё плечо, — и удалось вам найти что-то особенное, профессор?

Альберт внимательно наблюдал за появлением самки питона. Затем приблизился вплотную к нам обеим.

— Я нашел нечто необычное, — с горящими глазами прошептал профессор, — это станет открытием века, если эти варвары своим шарлатанским оборудованием всё не развалят.

— И что же это?

Он немного помешкал, сомневаясь, стоит ли нам рассказывать, а потом схватил за мою руку. Альберт был преисполнен энтузиазма, как пятилетний мальчишка, которому подарили желаемую игрушку. И ему срочно нужно поделиться своей радостью.

— Пойдемте, это стоит увидеть своими глазами.

Опираясь одной рукой на трость, а другой держась за меня, старик повел назад на стройку. Рабочие как раз поднимали пол, и воздух был настолько пыльный, что практически ничего не было видно, но старик — непонятно как — дорогу видел. Мы переступали обломки строительных материалов, мешки с цементом и куски арматуры пока не покинули центр стройки и не оказались в западном коридоре разрушенной части замка. Здесь уже можно было рассмотреть, что происходит вокруг.

В нескольких местах отвалилась лепнина, от времени выцвели краски и коридор казался мрачным и заброшенным. Он не шел не в какое сравнение с нашим жилым крылом.

— Мы уже почти пришли.

— Альберт, вы хотите показать нам ещё одну лавочку?

— Сейчас всё увидите.

На стенах были прикреплены держатели для свечей. Профессор схватился за один из них и с усилием протянул на себя. Как по волшебству стена раздвинулась, открывая лестницу, ведущую вниз.

— У меня есть фонарик! — очень радостно оповестил профессор и ступил в темноту, освещаемую лишь светом из коридора. Мариса скептически посмотрела на меня, но я всё же последовала за стариком. — Это сенсация! Мы идём туда, где уже много веков не ступала нога человека. Моё открытие занесут в учебники истории!..

По ступенькам пробегали мыши, от чего хотелось идти ногами по потолку. А после того как Альберт наступил на одну из них, мне захотелось унести обратно.

— ...Идёмте, идёмте, — торопил он нас с Марисой, — мы уже совсем близко...

Каменный пол сменился земляным, а стены стали кривыми и ломаными. Воздух затхлый и при вдохе болью отдал в виски. Свет из коридора уже не достигал этой глубины. Приходилось пользоваться карманным фонариком.

— ...Работая над планом реставрации, я нашёл несоответствие в планировке. Побродив по коридорам несколько дней, я смог найти этот тайный ход.

— Но куда он ведёт?

— Это катакомбы. И они намного старше самого замка. Вот посмотрите...

Свет фонаря коснулся ухабистой стены, оживляя древние наскальные рисунки. Нанесённые умелой рукой клинописи рассказывали о жизни людей до появления благ цивилизации. Вооружённые кольями воины сражались с хищниками. Женщины ткали полотна и стерегли огонь.

— ...Вот здесь самое интересное, — профессор перевёл луч на противоположную стену.

Наскальный рисунок пугал и завораживал: художник изобразил акт жертвоприношения. Люди стояли в круге, а на огромном камне лежала жертва. Жрец занес над ней кинжал. За кругом мифические существа с рогами и зубами отдавались ритуальной пляске. Но ужасно было другое — два огромных демона, скаля зубы друг на друга, наблюдали за всем этим.

— Профессор, что это за рисунки?

— Этот рассказ об представлениях древних людей об устройстве магического мира. Здесь мы видим две противоборствующие стихии, они ведут бесконечный бой, — он указал на двух главных монстров, — это олицетворение добра и зла, ангела и демона, жизни и смерти. Они встречаются во многих культурах. Люди вокруг поклоняются двум этим силам. Вы знаете давнюю скандинавскую легенду о двух естествах?

— Да. Помню ещё со времен обучения в лицее. Две сущности всегда в борьбе. Из искр от их ударов создалась вселенная, планеты, люди и всё вокруг. Ненадолго им удастся договориться, но одна из сторон всегда нарушает договор. Они не хорошее и плохое. Это две неопределённости, принимающие любое обличье, чтобы вступить в вечный бой.

Падавшие со ступенек мелкие камушки предупредили о приближении незваного гостя. Шальная мысль проскользнула в моей голове, перерождаясь в безумный импульс.

— Профессор, куда выходят катакомбы?

— Я не знаю, они очень разрозненны. Возможно, в лес или даже к пригороду самого Креортока.

— Альберт, помогите мне. Меня держат против моей воли. Сюда идёт мой надзиратель.

— Но что я могу?! — опешил старик.

— Пожалуйста. От этого зависит моя жизнь! — умоляла я.

— Я, конечно, попытаюсь... — вяло согласился профессор.

Я сняла свою куртку и надела её поверх одежды историка.

— Он маг-перевертыш, у него хорошее обоняние. Но моя одежда поможет его обмануть.

Профессор все еще сомневался, но за мной пошёл. Мы поспешили в глубину катакомб. За спиной вдалеке, отражаясь от стен эхом, прокатился кошачий рык. За очередным поворотом перед нами появилась развилка.

— Альберт, вы налево, я направо. Постарайтесь привлечь его внимание. Не бойтесь, вас он не тронет, ему нужна я. А мне необходимо выиграть время.

— Я постараюсь.

Мы разошлись по разным сторонам. Перед тем Альберт отдал мне свой фонарик, но я побоялась его включать, пробираясь с помощью тихих подсказок хорошо видящей в кромешной тьме Марисы. Я неслась, как пушинка, подхваченная ураганным ветром. Не замечала ни мышей, ни стен в паутине, ни собственной усталости. Вскоре звуки преследования утихли. Лишь мрачный шорох платья и стук каблучков нарушили тишину подземелья.

— Это была самая... самая идиотская идея. Большой глупости ты не совершала никогда!

— Всё будет хорошо, Мариса. Скоро должен быть выход.

— Мы умрем здесь! И никто нас никогда не найдёт!

Каким-то чудом, но нам удалось выбраться из подземных туннелей. Путь был долгий, и когда мы вышли наружу, солнце давно село. По местности, в которой мы оказались, я поняла, что мы зашли глубоко в чащу леса.

Свобода нас встретила осенним холодом.

— И что теперь? Вот что ты натворило, глупое четырехконечное создание?

— Но ведь ты говорила, что мы умрем ещё в катакомбах. Видишь, мы целы и невредимы. Значит, и отсюда выберемся.

— Мне бы твой оптимизм, Ив. Куда пойдём?

— Подальше от выхода из катакомб. Не хочу, чтобы нас нашли.

Холод сковывал. Я обхватила себя руками, чтобы хоть как-то сохранить тепло, в тысячный раз пожалев, что отдала куртку профессору.

Я брела по лесу, спотыкаясь о корни деревьев и цепляясь за кусты. Силы были на исходе. Я облокотилась о ствол дерева, не в силах идти дальше, и услышала хруст веток под массивными лапами. В полумраке глаза зверя отблескивали серебром.

— Не шевелись, Ив. Может, медведь не голодный и нас не заметит.

Хищник морщился свой нос, пытаясь понять, что за зверь пропался ему на ужин. Он протяжно зарычал.

Кровь пульсировала в висках. Он смотреть мне в глаза, лениво приближаясь из-за ветвистого дерева. Я знала, что если сейчас пробегу, зверь быстро достигнет меня. Я замерла, и медленно задрала голову посмотреть, смогу ли забраться на дерево, у которого стояла.

— Даже не думай, — шипела змея, — он тебя и там достанет.

Медведь предупреждающе зарычал, демонстрируя огромные клыки, и пошел на меня уже увереннее.

— Бежим! — кричала Мариса, но ужас парализовал меня.

Зверь был огромен. Матёрый, косматый и злой. Уже чувствовалось его зловонное дыхание. Медведь поднялся на задние лапы. Я зажмурилась от страха, понимая, что это конец.

Звук, словно что-то взорвалось, сопровождался яркой вспышкой, ощутимой даже сквозь опущенные веки. Вздвигнув, я поняла, что животного нет рядом.

— Я же предупреждал тебя не гулять в лесу, — произнес знакомый голос.

Как же я ему рада! Никогда в жизни не испытывала такого счастья. Я бросилась обнимать Кристофа.

— Спасибо, — прошептала.

Мне показалось, что он даже немного смутился. Его руки легли на мою талию, а лукавый вопрос мгновенно привел в чувство:

— Может, спаситель заслужил поцелуй благодарности?

Я оттолкнула его:

— Лучше поцеловать медведя!

— Ах, так вот вы чем здесь занимались? А я подумал...

Кристоф резко толкнул меня в сторону, и я упала на землю, а на него набросился расшвырявший зверь, повалив тяжестью своего тела и вонзив когти и зубы в жертву. Кристоф взвыл от боли. Я с ужасом смотрела на них, не зная, что делать. Медведь нацелился схватить Кристофа за горло, но мужчина вцепился руками в пасть животного, не давая ей сомкнуться. Его ладони засветились, медвежий утробный рык перешёл в оглушительный протяжный рёв. Скоро свет стал настолько ярким, что я зажмурилась и прикрыла глаза руками. Снова звук взрыва, но уже будто приглушённый, вспышка погасла, и зверя не стало.

— Кристоф! — я вскочила и подбежала к спасителю, он схватился за прокушенное предплечье. — Дай, я посмотрю.

Я упала возле него на колени.

— Все в порядке, — хриплым голосом отказался и попытался подняться.

Но даже в темноте было видно, что рана сильно кровоточит. Я попыталась стянуть с него полупальто, чтобы оказать помощь, но он перехватил мою руку:

— Не надо! — его тон ошарашил неожиданной резкостью. — Само заживет. Не такая страшная рана, — добавил уже мягче, увидев, что я вздрогнула и отдернула руки.

— Я просто хотела помочь...

В том, что Кристоф пострадал — моя вина. Он с трудом сел и вдруг улыбнулся:

— Все-таки я был не прав.

— Не поняла?..

— Думал, тебя съедят волки, а ты медведя нашла.

Он хрипло рассмеялся и тут же застонал. Я смущенно улыбнулась и помогла ему подняться. Кристоф вытянул вверх здоровую руку и на неизвестном мне языке что-то заговорил. Я поняла, что это какое-то магическое заклинание. Луч света белоснежным столбом поднялся от земли, пронзая черное небо. От его сияния резало в глазах, и осветилось все вокруг нас.

Кристоф пошатнулся, и я поддержала его. Видимо, этот луч забрал у него много сил.

— Жаль, не смогу перенестись в замок. Но нас скоро найдут.

Мы немного отошли от маяка.

Протяжный вой нарушил шум ночного леса совсем рядом. Я инстинктивно прижалась к Кристофу. Это не было похоже на вой обычного волка. Так выл монстр из моего кошмара.

— Не бойся, — успокаивающе произнес Кристоф, убирая выбившуюся прядь с моего лица. — Пока я рядом, тебя никто не тронет.

Глава 9

За окном тарабанил дождь, отдавая дробью в подоконник. Настроение было испорчено очередной неудачной попыткой побега. А ещё чувством вины: ведь из-за меня пострадал Кристоф.

— Нужно хитростью брать. Ты же ломишься напором. Из-за чего и не выходит никакого толку.

— Что ты предлагаешь?

— Есть у меня одна мыслишка...

Мариса замолчала, ощущая, что нас в комнате стало больше. Кристоф стоял в дверном проёме.

Змея скрутилась в узел и приняла оборонительную позицию.

— Как плечо?

— Заживёт... Пойдем, я хочу с тобой поговорить.

После осмотра врача оказалось, что Кристоф на самом деле серьезно пострадал. От укуса медведя осталась глубокая рана, но он все равно отказался от моей помощи, хотя я бы его быстро вылечила. Было что-то странное в том, что он не принимал мою помощь.

Мы вышли из жилого крыла и отправились в разрушенную часть замка. Здесь не было электричества, лишь, как много веков назад, пространство освещали зажжённые свечи. Я шла молча, предчувствуя серьезный разговор.

Проходя мимо главного зала, где проводились основные строительные работы, Кристоф завернул в один из коридоров.

— Куда мы идём?

— Сейчас увидишь.

Он открыл одну из дверей. Ярко вспыхнули сотни зажженных свечей, а подвески огромной хрустальной люстры, поймав отсветы огня, расплескали их множеством световых бриллиантов по полу и стенам, но больше всего досталось одинокому роялю, стоящему в центре малого бального зала. Я подошла к инструменту и провела ладонью по закрытой крышке.

— Рояль? — я изумилась и подняла на мужчину взгляд.

— Ты умеешь играть?

— Давно не играла, но могу попробовать.

Я подняла крышку и тронула клавиши, пробуя наиграть одну из сонат Бетховена. Инструмент идеально настроен, завораживающие звуки лились легко и гармонично сплетались с золотым светом чуть трепетавших от движения воздуха огня. Кристоф подошёл ближе, внимательно наблюдая за движением моих пальцев. Стало неловко, я немного засмушалась и хотела прервать игру, но Кристоф тихо и настойчиво попросил продолжать.

Вдруг я услышала звонкий и в то же время будто призрачный смех, вздрогнула и остановилась.

— Играй, — снова потребовал Кристоф, и я вновь коснулась клавиш, озираясь по сторонам.

Музыка лилась, осязаемо наполняя воздух чем-то необыкновенным, вокруг нас задвигались, словно в призрачном мареве, чуть искажаясь, женщины в старинных нарядах. Галантные мужчины им под стать кружили своих дам в такт мелодии, а пламя свечей будто завихрилось, вторя парам, зал наполнился смехом, шёпотом влюблённых,

шорохами юбок и звуками тихих поцелуев, ожил и наполнился силуэтами. На наших с Кристофом глазах оживали картины прошлого, мы сами стали участниками этого волшебства. И мы были счастливы и смеялись, отзываясь на шутки молодого графа, и смущались, став невольными свидетелями признания в любви, и...

Лишь брошенная перчатка и нечаянно подслушанный вызов на дуэль заставили меня вздрогнуть и прекратить играть.

И волшебство растворилось, погасив смех, шорох и пылкий шёпот...

Не сразу я смогла нарушить тишину.

— Что это было?

— Ясный Утес — магическое место. Он всегда привлекал своей силой. Есть в нём какая-то тайна. Может, когда-нибудь я узнаю его секрет.

Я опустила крышку рояля и подошла к огромным картинам, что украшали стены малого зала. Первая же вызвала улыбку — на ней изображён бал, и пары танцуют так же, как это происходило только что.

— Удивительно...

Кристоф остановился рядом.

— Это магия.

Он ненавязчиво обнял меня за талию, но я вывернулась и подошла к следующей картине.

Я шла вдоль галереи, не давая шанса Кристофу приблизиться, он следовал за мной, как хищный зверь — бесшумно и не отставая.

— Вижу, тебе нравится живопись? — иронизировал Кристоф.

— Да.

Картин в зале было много. Большинство эпохи Ренессанса. Я остановилась у одной из них. Она зацепила мое внимание: дорогие наряды выдавали в персонажах вельмож. Женщина сидела на диване рядом с супругом. Ее ладонь лежала поверх руки серьезного мужчины. Голова направлена в сторону, где двое мальчиков играли с борзой, а самый маленький тянул подол ее платья, выпрашивая, чтобы его взяли на руки. Из всех картин она показалась мне самой живой и искренней. Красивой... и слишком сильно трогающей душу.

— Семейный портрет. К сожалению, ни автор, ни участники не известны.

— Хорошая работа. Теплая...

Мы ещё несколько мгновений молча стояли возле полотна.

— Кристоф, мне нужно в Креорток, мне жизненно необходимо найти одного человека.

Моя просьба смутила его, но я должна была попросить его о помощи.

— Я не могу пока этого разрешить. Это слишком опасно, и нет никакой гарантии, что ты не сбежишь.

— Я обещаю, что никуда не убегу. Пожалуйста! Это очень-очень важно.

— Почему?

Я внимательно смотрела в его глаза. Рассказать ему правду о незнакомце или нет? Нет... Он мне не поверит. Это не имеет смысла.

Он ждал ответ.

— Это неважно... Я пойду к себе, — я развернулась и собралась уйти к себе, но вдруг вспомнила: — Ты хотел мне что-то сказать?

— Это тоже уже не важно.

— Что там? Опять приставал?

Я забежала в свою комнату эмоционально раздавленная. Казалось, что я муха, глядевшая на улицу через окно, но после каждой попытки выбраться я лишь ещё сильнее ударялась о стекло.

— Нет. Я так и не поняла, что он хотел... Мне никогда отсюда не выбраться, не найти незнакомца, никогда не быть счастливой, — мой голос дрожал.

Я залезла под одеяло, как в спасительный кокон. Мариса подползла к подушке.

— Не бывает безвыходных ситуаций. Вот я, пока вы там гуляли, придумала, как избавиться от твоего мужа.

— Как? От него невозможно избавиться.

— При помощи пятого пункта Дополнения, первой его части.

— Я понимаю, о чем ты, но вряд ли моя измена чем-то помешает нашему браку. Я вообще не уверена, что его это волнует. Я даже не могу понять, что ему от меня нужно? Чем больше я пытаюсь его понять, тем сильнее убеждаюсь, что это сделать невозможно!

— М-д-а-а. Кристоф — сложный человек, его трудно раскусить. Но я придумала другой выход. Сделаем так, чтобы он изменил тебе. Подбросим ему в еду приворотное зелье, и пусть он влюбится в первую попавшуюся девушку. И всё! Развод, он счастлив. Ты свободна. Идиллия!

— Думаешь, он без приворотного зелья мне не изменит? Может, подождать, он наиграется со мной, ничего не добьется и переключится на другую.

— Не знаю, Ив. Но я никогда не видела, чтобы ради человека, который тебе не дорог, кто-то рисковал жизнью.

Ее слова заставили меня покрыться мурашки. Почему-то я никогда не допускала мысли, что могу быть дорога Кристофу. Но как это возможно, если мы знакомы меньше недели?

— Ив?

— Что, Мариса?

— А что потом? Когда ты освободишься от Кристофа. Ты явишься к Хансу?

— Я... я... я не знаю. Это сложно. Мы с Хансом в разводе, и пока я не поговорю с ним, я не готова принимать решений.

Вопрос с Хансом терзал меня. Умом я понимала, что Ханс меня предал — и совершенно все равно, какие у него на то были мотивы, — но сердцем я была все ещё ему верна.

За окном появился странный треск, и вспышка света достигла окна моей спальни.

Мариса шмыгнула к окну:

— Ты должна это видеть, Ив. Только свет погаси!

Я подошла к окну, выходящему на главный двор, посреди которого стоял Кристоф. Он наклонился, его ярко светившаяся ладонь почти касаясь земли, под ней трескалась и приподнималась брусчатка — это и был загадочный звук. Из-под неё сначала появился небольшой стебель. Он потянулся ввысь, на глазах превращаясь в сильное дерево, оно стремительно разрасталось, с каждой секундой становясь крепче и выше.

Кристоф сотворил чудо за пару минут, а природе для этого потребовалось бы не одно десятилетие. Он отошёл на несколько шагов назад и оценил свою работу — высокий заматеревший тис торжественно возвышался посреди двора. Немного полюбовавшись, Кристоф дотронулся до дерева, и оно стало стареть — иголки желтели и осыпались, ствол быстро становился серым и тусклым. Очень быстро дерево превратилось в сухой скелет только что бывшего красивого тиса. Но и он простоял недолго, осыпавшись трухой на вздыбленную гору брусчатки.

Я с восхищением следила за волшебством. Кристоф Йенсен — действительно очень могучий маг, и он что-то скрывает.

— Это не культурно — вваливается к незнакомому человеку в семь утра, — бурчала Ив, натягивая по шею одеяло.

— К незнакомому — не культурно, а к законной жене в самый раз.

— Вот как раз о законности я бы поспорила.

— Одевайся. У тебя есть полчаса на сборы.

— Я никуда не пойду. У меня планы на день: предаваться печали и строить коварный план, как бы по скорее стать вдовой.

— Важная, конечно, работа. А я думал, ты хотела побывать в Креортоке.

Ив подскочила с кровати, преисполненная энтузиазмом, забывая, что находится в одной ночной рубашке:

— Ты меня отпустишь? Я обещаю, что никуда не сбегу.

— Конечно, не сбежишь, я же пойду с тобой. Мне как раз нужно на осмотр к врачу, — она нахмурилась, и между бровей появилась морщинка. — Конечно, если ты не хочешь в город, можешь остаться и предаваться мечтам.

Немного призадумавшись, Ив ответила:

— Хорошо. Я буду готова через пару минут. Выйди, мне надо переодеться.

Кристоф улыбнулся и направился к двери.

— Как скажите, фрау... Хотя, чего я там не видел?

Лицо Ив стало пунцовым.

Меньше чем через час Ив и Кристоф ехали в столицу через тисовый лес, растянувшийся на сотни километров и обнимавший город бархатными хвойными объятиями. Ив смотрела в окно. Кристоф сидел напротив, рассматривая пассажирку: прозрачные колготки обтягивали стройные ножки, строгая юбка, кашемировое элегантное пальто. Отброшенные назад волосы оголяли шею, вызывая желание впитаться в неё губами.

Тонкими пальцами она держалась за ручку двери, рассматривая пейзаж и не замечая взгляд спутника. Мысленно Ив была очень далеко.

Кристоф наслаждался её присутствием, любовался её красотой, как редчайшим произведением искусства. На его лице проскочила мимолётная улыбка, которую он тут же скрыл. Ив рядом, она принадлежит только ему, и больше между ними никто не стоит. Разве что тайна, которую он не мог ей открыть. И трудно обуздываемое влечение, мешающее спать по ночам.

Ив отвлекалась, их взгляды встретились. Взор Кристофа был преисполнен тепла, он словно ласкал её, обезоруживает нежностью. Смутьившись, она снова отвернулась к окну.

— Стой! Останови машину, — неожиданно воскликнула Ив.

Водитель взглянул на Кристофа, и оппозиционер одобрительно кивнул. Ив выскочила

наружу и побежала вдоль обочины, вглядываясь в густые заросли. Она кого-то искала.

— Что случилось? — её догнал Кристоф.

— Я её видела! — крикнула Ив. Её глаза лихорадочно блестели, она металась по обочине.

— Кого ты видела? Ив, остановись!

— Девушку из моего сна! С маской из черепа рогатого животного. Я должна найти её.

— Какая девушка, о чем ты говоришь?

— Ты разве её не видел? Она стояла у обочины и звала меня.

— Ив, здесь никого нет. Тебе показалось.

Телохранители, стоявшие у машины, вдруг напряглись и потянулись к оружию:

— Герр Йенсен, здесь небезопасно. Пожалуйста, вернитесь с девушкой в машину.

Ив умоляюще посмотрела на Кристофа.

Леденящий кровь вой прокатился из леса, пробуждая внутри первобытный страх, заставляя уже и Кристофа внутренне напрячься.

— Я её точно видела, и не надо на меня смотреть, как на сумасшедшую!

— Охрана никого не нашла. Значит, там никого не было.

— Нет, была! — я злилась, что он не верил мне, но, увидев, где остановилась машина, удивилась: — Музей?.. Зачем мы сюда приехали?

— А зачем люди ходят в музей?

— Ты поднял меня в такую рань ради культурной программы? Я даже завидую Марисе, она хотя бы выспится.

— Пойдем, — Кристоф легонько приобнял меня за талию, подталкивая вперед. Затем обратился к Эрику: — Пока можешь быть свободен, мы пойдем без охраны.

Маг-перевертыш понимающе кивнул. Телохранители остались ждать нас возле машины. Я сделала несколько стремительных шагов вперед, чтобы избавиться от ладони Кристофа на своей пояснице. Но тут же остановилась возле входной двери.

— Здесь написано, что музей сегодня закрыт.

— Конечно, закрыт, раз так написано, — Кристоф толкнул входную дверь и вошел внутрь.

Я последовала за ним. На месте охраны никого не было.

— Мы пришли грабить музей?

Кристоф посмотрел на меня с иронией.

— Нет, — он улыбнулся, — а в тебе явно есть... предпринимательская жилка.

Он прошёл вперед, минуя зал с античными скульптурами и лепниной. Художественный паркет блестел от обилия мастики, как бы намекая, что здесь ждали гостей. Галерея с картинками художников эпохи Возрождения тоже моего спутника не заинтересовала, а я немного отстала, задержавшись взглядом на нескольких картинах и чувствуя восторг.

— Ив, давай быстрее, — позвал Кристоф.

Я поторопилась. Мне стало интересно, что затеял этот плут. В следующем зале оказалась выставка с доисторическими экспонатами. Пока я рассматривала объекты,

Кристоф включил дополнительное освещение.

— Я спонсирую археологические исследования на территории Ольбургского королевства.

Я прошла мимо стоек с глиняной посудой, украшенной страной росписью.

— Никогда не видела такого.

— Это посуда с раскопок на Ртутных островах, — Кристоф прошел дальше и остановился возле другого экспоната: — Здесь обломки жертвенного алтаря, на котором приносили дань первым богам.

— Первым богам?

— Да, для первобытных людей демоны, обладающие магией, казались богами. Они поклонялись и боготворили своих идолов.

От упоминания о демонах стало не по себе. Всегда считала, что легенды о них не имеют под собой реального основания.

— И что случилось потом?

Кристоф прошел к следующему столу. Он был накрыт брезентовой тканью.

— Затем... появились они, — он сдернул ткань, демонстрируя элемент наскального рисунка, — те, кто смог обуздать магию... — картина изображала несколько человек, охотившихся на монстра. — Эти люди изгнали демонов.

— Куда?

— Это место не имеет название. Мы называем его «мир демонов», — незнакомый голос прозвучал за спиной неожиданно. Я вздрогнула и обернулась.

— Профессор, буду рад, если вы продолжите. У вас получится лучше, — попросил Кристоф

— Герр Йенсен, у вас тоже вышло неплохо. Если с политикой не сложится, я вас приму в штат гидом, — мы рассмеялись. Профессор продолжил: — Люди, у которых проснулась первая магия, стали во главе общества. В истории этот период называют феодальным строем. Маги захватили власть. Ещё через несколько столетий для таких, как они, даже придумали название. Ив, как думаете, какое?

— Аристократия.

— Правильно! Магическая сила стала тем катализатором, которая помогла выделиться отдельной прослойке людей.

— Но, если сила были только у аристократов, откуда магия появилась у обычных людей?

— Голубая кровь была гарантией сильного магического потомства. Но ведь не все бывают верны своим женам. Понемногу магические гены стали проявляться и у простых людей, но в очень слабо выраженной степени — смешанная кровь ослабляет магию.

— Герр Гуттенберг описал это в своей диссертации несколько лет назад. Сейчас мы ведём активные раскопки и находим подтверждение его слов, — добавил Кристоф.

— Это прорыв! Ведь раньше мы считали, что магия — это данность, абсолют, который был изначально. Новые знания помогут нам изучить природу магии и, возможно, понять её происхождение...

Профессор продолжил, углубляясь в историю магии и волшебства. Как только он отошел к очередному экспонату, я шепотом спросила у Кристофа:

— Как ты объяснил ему мой побег?

Кристоф улыбнулся.

— Сначала я думал сказать, что ты немного сумасшедшая и забыла принять свои таблетки...

Я гневно взглянула на него.

— ...а потом просто решил стереть ему память.

Последняя фраза повергла меня в ужас. Не только своей недопустимостью, но и степенью магической силы.

— Как ты смел? Кто тебе дал право? — начала я заступаться за пожилого человека, прерывая профессора.

Игнорируя мою речь, Кристоф обратился к профессору:

— Альберт, спасибо. Очень интересная экскурсия. Но нам уже нужно уходить.

Затем Кристоф как-то двусмысленно посмотрел на меня, и профессор немного смутился от этого жеста.

— Ох, да, конечно. Я всё понимаю. Наверное, я вас утомял своей лекцией.

Я не понимала смену в поведении Альберта.

— Спасибо. Было интересно.

Альберт подошел ко мне и, легонько похлопывая по плечу, добавил:

— Рад, что с вами всё в порядке, Ив... Выздоровливайте поскорей.

И тут я поняла, что никакой памяти Кристоф профессору не стирал. Он всё-таки сказал, что у меня психическое заболевание. Кристоф едва сдерживал смех, а меня охватила ярость.

— Кристоф! Ты мерзкий, лживый...

Придерживая одной рукой, он развернул меня к выходу.

— Пойдем, дорогая, в машине остались твои таблетки.

Я бормотала всё проклятья, которые знала, а он вел меня к выходу из зала. От возмущения я вырвалась из его рук и быстро пошла к выходу. С меня достаточно! В молчании я шла к машине впереди него. Мне не хотелось видеть его довольное лицо. Сев на пассажирское место, я решила игнорировать этого человека до конца своих дней.

— В ресторан, — приказал водителю Кристоф.

Автомобиль тронулся, а я вынашивала план мести. Но это продлилось недолго. Мы выехали на центральную улицу Креортока, и я жадно впитывала каждый штрих города: мощеные плиткой тротуары, маленькие семейные магазины, соседствующие с именитыми брендовыми бутиками; старики, пьющие кофе в уличных ресторанчиках и читающие утреннюю газету; дети в теплых куртках и вязаных шапках с портфелями. Город жил, дышал и радовался.

— Приехали, выходи, — скомандовал Кристоф.

— Нет, — я положила руки на колени и с вызовом посмотрела в его глаза, — никуда я не пойду.

— И что ты предлагаешь делать? — иронизировал Кристоф.

— Не выйду из машины, пока ты не извинишься. А если попробуешь меня достать силой, я подниму такой крик, что сюда соберутся все журналисты города? Пусть они тоже посмотрят, какая у тебя невменяемая супруга.

Кристоф бросил взгляд на водителя, из машины они вышли одновременно, как по команде. Я внутренне напряглась — что-то было не так. Мой супруг наклонился к окну и

спросил:

— Точно не выйдешь по-хорошему?

— А ты извиниться не хочешь?

— Ну, я тебя предупреждал.

Кристоф положил руку на крышу машины, я почувствовала, как вокруг меня завибрировал воздух. Меня охватило беспокойство...

...и я упала на дорогу. От удивления даже не поняла, что произошло — машины больше не было, а я сидела на парковке. Кристоф быстро поднял меня с земли.

— Что ты сделал с машиной?!

— Пойдем внутрь, мы привлекаем много внимания.

И действительно — такая демонстрация силы не смогла пройти незаметно. К стоянке начали подходить прохожие, видевшие волшебное исчезновение авто.

— Никуда я с тобой не пойду, пока ты мне все не объяснишь.

— Ив, ответы я дам только в ресторане. В принципе... дело твое, можешь ждать меня на улице, охрана за тобой присмотрит.

Кристоф безразлично отвернулся и пошел к входу. И хотя я не собиралась с ним ужинать, оставаться в компании Эрика, который меня изрядно раздражал после моего побега, мне не хотелось. К тому же меня подстегивало любопытство. Помешкав ещё немного, я последовала за Кристофом.

Я оставила пальто в гардеробе. В ресторане была романтическая атмосфера. Бело-серый интерьер разбавляла мебель орехового цвета. Огромные окна доходили до потолка и были занавешены объёмными белоснежными шторами. На каждом столе стояли белые розы. Немного смутило отсутствие посетителей, но я списала это на раннее утро.

Кристоф сидел за центральным столиком и о чем-то разговаривал с официантом. Я подошла ближе и села напротив него.

— Я требую объяснений! У меня накопилось огромное количество вопросов.

— Огласи весь список. Я как раз сделал для нас заказ.

— Начиная от того, зачем ты разрушил мой брак, что тебе от меня, вообще, надо, откуда у простого человека без рода такая сильная магия, что происходит в Ясном Утесе...

— Действительно, много вопросов. Что я получу за то, что отвечу на них?

— В смысле? Тебе нужна награда, для того чтобы рассказать правду?! Какой же ты мерзавец, Кристоф.

— Я не мерзавец, а стратег. Хотя одно другому не мешает. Могу предложить вариант: я отвечу на один твой вопрос, а ты окажешь для меня услугу.

— Какую услугу?

— Это секрет. Узнаешь после того, как получишь мой ответ. Выбирать, конечно, тебе. Ты можешь и дальше жить в неведении.

Взвешивая риски, я сделала паузу в разговоре.

— Я согласна. Но если просьба будет пошлой, я её выполнять не буду.

— Договорились. А вот я бы с удовольствием выполнил любые твои пошлые просьбы.

В этот раз мне стало смешно, и я невольно отметила, что мне нравится его чувство юмора.

— Зачем ты женился на мне?

Официант принес заказ. Я пристально смотрела на Кристофа.

— Всему виной твоя голубая кровь и профессор Альберт. Ты ведь поняла, что он изучает возникновение и эволюцию магии. В одном из своих исследований он отслеживал родословную всех аристократических линий Ольбургской аристократии. Как выяснилось, не так просто найти несмешанную кровь. Но ему удалось. Ив — ты, пожалуй, единственная, кто не замарал свой род связью с безродным простолюдином. От ошибочной связи с Хансом я тебя смог уберечь.

Последняя фраза прозвучала, как сигнал атаки.

— А чем ты лучше него?

— Не лучше. Но сильнее и умнее, раз сумел забрать то, что он не сохранил. И это не весь ответ на твой вопрос, а лишь предыстория. Как ты уже заметила, я обладаю очень незаурядным уровнем магии. Да чего скромничать, наверное, нет никого сильнее меня. И мне бы очень хотелось передать свои способности своим будущим наследникам. Для этого мне нужна та, связь с которой только усилит магический потенциал моего рода.

От столь откровенного признания, от которого веяло наглостью и беспринципностью, я просто обомлела. А потом появилось ощущение, что Кристоф меня обманывает.

— У нас не будет совместных детей. Разве что такой сильный маг как ты, сам себе их наколдует. Но я в этом участия принимать не буду.

— Время покажет.

— Мне нужно идти. Я бы хотела еще заглянуть в одну лавку.

Дико захотелось унести ноги как можно дальше от него.

— А как же моя услуга?

— Ах, да. Я уже и забыла, — немного нервно произнесла я.

Кристоф сунул руку во внутренний карман пиджака и вытащил маленькую синенькую коробочку. Я с непониманием уставилась на неё.

— Что это?

— Ответная услуга. Открой.

Я аккуратно открыла. В ней оказалось кольцо, усыпанное россыпью камней. Белый благородный металл в хаотичном порядке украшали брильянты разных размеров. Оно было невероятно красивым и необычным. Я смотрела, не понимая, что мне с ним делать.

— Ты ведь до сих пор носишь кольцо от старого брака... Это неправильно.

— Я не могу его надеть, — закрыв крышку, я подвинула её обратно Кристофу.

Его ладонь легла поверх моей, его взгляд обволакивал нежностью, заставляя мое сердце биться сильнее.

— Не надевай... Но пусть оно будет у тебя.

Глава 10

К обеду я вернулась в Ясный утес, а Кристоф остался в столице. Наверное, он давал мне время прийти в себя и хорошенько подумать над тем, что рассказал.

— Ты какая-то задумчивая, Ив. Что, не удалось разузнать о незнакомце? — просила Мариса.

— Я была в той лавки из последнего видения. Продавец не смог мне ничего сказать. В этот день был большой наплыв людей, он с трудом различал, где мужчины, а где женщины.

— Ну, ничего. Главное, что незнакомец в Креортоке, и скоро он себя обязательно проявит.

— Думаешь? Я уже начинаю сомневаться.

— Обязательно проявит. Вот увидишь. А я насобирала нам ингредиентов для печенья бабули Лоллан.

Я сначала не поняла, о чем говорит Мариса.

— А приворотное печенье... Знаешь, Кристоф сказал, что хочет от меня детей.

— Чего он хочет?! — возмутилось чешуйчатое.

— Вот поэтому твоя идея с приворотом мне очень нравится.

Я достала из кармана голубую коробочку.

— Что это? Мне подарок? — засуетилась в предвкушении Мариса.

Я открыла коробочку и поставила на кровать возле змеи. Кольцо сверкало заманчиво и вызывающе.

— Как красиво. Кристоф подарил? Примерь.

— Нет! После истории с красным платьем, в случае с кольцом мне придется отрубить себе палец. А я дорожу своими конечностями.

Мариса засмеялась и попросила:

— Открой окно, что-то так душно...

Я открыла створку, и вместе с холодным осенним воздухом в комнату залетела орни. Маленькая фея металась под потолком.

— Вот же незадача. Гони её к окну, Ив.

Но на мои жесты руками фея совсем не реагировала, она ещё больше нервничала и кружилась под потолком. В какой-то момент внимание маленькой проказницы остановилось на кровати, где лежала коробочка с драгоценностью. С точностью снайпера она метнулась к нему, схватив кольцо.

— Закрывай окно, иначе она утащит его!

Фея попыталась вырваться на волю, но я захлопнула створку прямо перед её носом. Она еще раз сделала круг под потолком и выскочила в коридор, ведущий в гостиную.

Я побежала за ней, но магическое существо словно знало дорогу. Она заглядывала в каждую комнату, облетая каждый угол в поисках спасительной щели, но, к счастью, всё было закрыто. В погоне мы покинули жилую часть замка и выскочили на улицу. Я почти проиграла. Фея что есть силы неслась в сторону леса.

Гонка через кустарники, бревна и ухабистые ямы меня быстро утомила. Я явно отставала от феи. Она метнулась за дерево, и я окончательно потеряла её из вида.

— Значит, не судьба мне было носить это кольцо, — успокаивала сама себя.

Громкий гортанный вой раздался недалеко от меня, я покрылась мурашками с головы до ног. Казалось, зверь совсем рядом. Я развернулась и хотела побежать, но поняла, что заблудилась. Волк словно страдал, изливая свое горе душераздирающим воем. В какой-то момент меня посетила сумасшедшая мысль: а ведь волки охотники, они не воют перед нападением. Они молчаливо атакуют свою жертву. И какой-то внутренней порыв заставил меня пойти на его голос.

Я вдруг поняла, что не смогу остановиться, пока не увижу это животное. А вдруг это зверь из моего сна? И я смогу доказать, что не придумала это, что и волк и девушка в маске существуют.

Скоро я вышла на обычную лесную поляну, но на ней стояла будто вырванная откуда-то высокая каменная арка с запертыми на огромный навесной замок железными воротами. Я обошла вокруг странной находки, не понимая, как она здесь оказалась, и руками щупая воздух перед собой — боялась наткнуться на какую-нибудь невидимую преграду. Но ничего не было. Только мощная арка посреди поляны. А на ней надпись: «Сокрушит во тьму надломленную ветвь. Возродится свет с цветением благородного тисового дерева». Я протянула к замку руку, но оглушительный вой раздался прямо за этой дверью. И хотя на поляне не было ничего и никого, кроме этой арки, это явно был проход в другое магическое место.

Из-за кустов мне на встречу вышел уже знакомый маг-перевертыш. Я немного наклонилась вперед и взялась рукой за бок — от быстрого бега сильно закололо. Увидев мужчину, я подняла ладони вверх, показывая, что сдаюсь:

— Я никуда не убегала. Мелкая фея украла у меня одну вещь. Я так её и не догнала.

Вместо ответа последовал только звериный рык огромной кошки.

— Я поняла, возвращаюсь обратно...

Чертова фея. Надеюсь, хоть ей эта безделушка принесет счастье.

— Именно об этом я и говорил. Пока ты прохлаждался, враг не дремал.

Кристоф уже внимательно читал разгромную газетную статью. Конкуренты хорошо постарались. Здесь были догадки о магической силе Кристофа. Его путь становления лидера повстанцев и лживая взаимосвязь с мафией. Даже не побрезговали назвать его зельманом. Подвели итог несколько фотографий, на которых Кристоф выносил Ив на руках из Резеонборга.

— Забыли сказать, что я ворую детей и отбирают трости у инвалидов.

— Кристоф, это не смешно. Ты должен дать официальное опровержение. На кону выборы и твоё место главы парламента.

Запыхавшись, в кабинет ворвалась Клара.

— Срочно включите первый канал.

Кристоф нажал на пульт висящего на стене телевизора.

С экрана монитора на него смотрел Ханс. Его удручающий вид сначала даже порадовал Кристофа, пока он не услышал первые слова.

— Мою жену последний раз я видел тридцать первого октября, на балу. Пока я был полностью погружен в переговоры, она исчезла. Я объявил о пропаже спустя три дня, и полиция начала расследование.

— Было ли для вас новостью, что Иветту похитил сам Кристоф Йенсен?

— Я узнал об этом из газет, так же, как и вы. И хотел бы попросить отпустить Ив герр Йенсена. Она никогда никому ни сделала зла, она добрый светлый человек.

— Мы обязательно передадим ваши слова главе оппозиции.

Кристоф выключил телевизор.

— Вот же лжец! — возмутилась Клара.

— Нет. Он умный лжец. Я теперь не представляю, как можно выкрутиться из этой ситуации. Вот нужно же было тебе устраивать весь этот маскарад накануне выборов? — негодовал Отто.

— Так нужно было, Отто.

— Нужно дать опровержение, — произнесла Клара.

— Это и ослу понятно! — вспыхнул Отто.

— Нет. Пусть твоя жена его даст. В глазах общественности ты — маньяк-мучитель. Пусть твоя герцогиня даст интервью и расскажет, что вы счастливые Ромео и Джульетта. Что она всегда поддерживала твои идеи, а с Ларсеном была несчастна. Это будет сильный пиар ход. И он лишит Ларсена рычагов давления.

— Ты говоришь дельные вещи, Клара, — похвалил её Отто. — Главное, чтобы она сделала всё как надо.

— Я думаю, мне удастся с ней договориться. Но необходимо немного времени, — холоднокровно произнес Кристоф.

Шоколадное тесто не хотело отставать от рук. Как назло и муки оставалось критически мало. Под прикрытием двойной порции ванильного экстракта и корицы я готовила «Печенье Любви». Этот рецепт хранится в нашем семейном архиве столетиями и передается строго по женской линии. На удивление, Мариса помнила его наизусть. Бабуля говорила, что только благодаря ему моя пра-пра бабушка — бедная аристократка без приданного, смогла выйти замуж за герцога Лоллан. Тогда очень богатого и видного жениха.

— Маслом взбрызни руки — не будет так приставать, — подсказала Мариса.

— А эффект от этого не уменьшится?

— Думаю, две капли роли не сыграют.

И действительно, совет пришелся кстати. Мне удалось отделить тесто от рук и, раскатав скалкой, вырезать забавные формы. Поставив противень в духовку, я села на стул и взглянула на часы.

— Что-то задерживается твой муженёк.

— Может, это и к лучшему... Может, не надо его кормить этим печеньем. Попробовать договориться. Может, предложить ему деньги или ещё чего? Как-то это неправильно — взять и заставить влюбиться в другого.

— А он на тебе женился правильно? Не позволяйте ему обдурить себя, Ив. Ты ему нужна лишь для продолжения его великолепного рода. А что потом? Выбросит тебя на улицу так же, как и подобрал.

Мне ответить было нечего, но чувство, что мы делаем что-то неправильное, меня не отпускало.

Сигнал духовки сообщил, что печенье для супруга готово. Но вот самого супруга не было ни в семь часов, ни в восемь, ни в девять. Даже не знаю, было то беспокойство или любопытство, но я ждала Кристофа. Сидя на диване гостиной, я читала одну из книг, прихваченную в кабинете Кристофа. Других развлечений в замке не было.

Пять хребцов стояли в центре, держа раскаленную цепь.

— Они уже близко! Открывайте печать.

Крайний мужчина взял свободный конец веревки, и круг замкнулся. Раскаленная цепь вспыхнула ярким пламенем, а вместе с тем озарился ярким светом камень с письменами в центре. Свет был настолько ослепительный, что я прикрыла глаза рукой, пока они не привыкли.

Девушка на волке уже вплотную приблизилась к мужчинам.

— Ясна, давай!

Подкинув в небо часть цепи, ставшей невесомой, они образовали проход. Но только волк ступил в круг, он скинул с себя девушку. Обнажая острые клыки, пытался дотянуться до её горла, но она удерживала его пасть, показывая нечеловеческую мощь. Их сражение длилось долго, соперники были одинаково сильны.

Яркий свет камня начал меркнуть. Он испарился, на его месте оказалась большая дыра. Из неё то и дело вырывались острые языки пламени.

Волк набросился на девушку. Согнув ноги, она со всей силы толкнула монстра, и он полетел прямо в огненную яму.

Пятерка державших цепь ликовала. Девушка поднялась и подошла к краю ямы. Волка не было видно.

Понемногу цепь остывала, края ямы затягивались. Девушка в маске села на корточки возле узкого горлышка почти закрывшегося жерла и произнесла:

— Вот ты и проиграл.

Когтистая лапа то ли волка, то ли демона обхватила ногу девушки и дернула её в яму. Она ухватилась за края, но невиданная сила тянула её в огненную пропасть.

— Ясна! Открывайте печать заново. Он утащит её за собой! — воскликнул один из державших цепь.

— Нет! Он опять сбежит, — протестовала Ясна.

Мужчины смотрели, но ничего не могли поделать — нельзя было бросить цепь.

— Храните печать.

Опустив руки, девушка исчезла. Земля сомкнулась, а на месте ямы вновь появился камень с надписями.

Цепь потухла, погасли и костры. Мне захотелось подойти поближе к мужчинам, расспросить о том, что здесь произошло. Но адская боль отдалась в руки. Я взглянула на ладони, на них были ожоги от звеньев раскаленной цепи.

Когда Кристоф переступил порог гостиной, уже наступила ночь. Его взор остановился на Ив, уснувшей на диване. Она сладко спала, свесив руку, на полу лежала открытая книга. Её волосы спутались, а алые губы слегка приоткрылись. Маг замер, любуясь, потом принёс из спальни одеяло, тихонько подошёл ближе и, склонившись над ней, укрыл. В этот момент Ив что-то произнесла во сне. Кристоф замер, боясь напугать её, а Ив, не просыпаясь, потянулась к лицу Кристофа.

Она нежно поцеловала его в губы, не открывая глаз, и перевернулась на бок.

— Спасибо, Ханс, — укутываясь в одеяло, пробормотала Ив.

Плохое настроение Кристофа исчезло, хотя он и возвращался домой с решимостью наказать Ив — ему было видение, в котором они с Марисой готовили какое-то колдовское печенье. К сожалению, он не смог разобрать рецепт, но по ингредиентам понял, что это

не отравя. Конечно, это не снимало с Ив ответственность, но спускать он этого не собирался. Просто решил отложить до завтра.

Кристоф зашёл в спальню и снял рубашку, следы от пуль появились в зеркальном отражении его тела.

— Маленькую ведьму нужно наказать. Запри её в темнице, чтобы знала, кто здесь главный, — Морок говорил с Кристофом из отражения.

— Я не нуждаюсь в советах. От тебя нужна только сила — и не более. И веди себя спокойней, а то скоро от тебя вообще ничего не останется.

Морок рассмеялся.

— Глупец. Это от тебя ничего не останется. Скорее, я поглочу тебя, чем тебе удастся избавиться от меня.

Смех Морока нарастал мощной вибрацией: от его хохота задрожали статуэтки над камином, подпрыгивала мебель, со стен слетали гравюры.

— Прекрати! Я тебе приказываю!

Землетрясение тут же прекратилось.

— Посмотрим, кому будет принадлежать твоя жизнь.

— Тебе меня не сломать...

Кристоф не успел договорить, его отвлек шум в коридоре. Он поспешно вышел и увидел Ив за секунду до того, как она скрылась в своей комнате.

Кристофа одолела досада — Морок опять его обыграл. Скорее всего, землетрясение разбудило Ив, и она прошла в его комнату — её терзало любопытство, ведь по небрежности Кристоф отвечал Мороку вслух.

Я забежала в свою комнату и плотно закрыла дверь. Меня лихорадило от страха.

— С ним что-то не так. Он разговаривает сам с собой.

— Я слышала, — спокойно ответила Мариса. — И это же здорово! Ведь это прямой повод расторгнуть брак по условиям контракта.

— Ты в своем уме? Он не даст мне и шага сделать в сторону суда.

— Значит, одна надежда на спасительное печенье.

Подойдя к комоду, налегла на него, толкая к двери.

— Ты чего, стресс так снимаешь? Перестановкой занялась? — язвила Мариса.

— Не хочу быть застигнутой врасплох. Мало ли когда его альтер-эго проснется и чего оно захочет.

— Ну да, комод его точно остановит! — снова едко заметила змея. — Ему не помешали горы с залежами змеевика, а тут — комод!

Я посмотрела на Марису убийственным взглядом:

— Сегодня ночью он будет стоять здесь!

Температура в комнате резко опускалась: кровать, ковры и даже одежда на мне — всё стало покрываться инеем. Я обхватила себя руками, не понимая, что происходит. Дыхание уже вылетало облачками пара.

— Что происходит?

— Откуда мне знать? — Мариса залезла обратно на тело, спасаясь от переохлаждения.

Я подбежала к двери, но её подпирали мой же комод. Он уже покрылся инеем и, возможно, даже примерз к полу. И здесь я услышала звук в один из витражей — кто-то стучал в моё окно, которое находилось на несколько сотен метров над землёй.

— Не подходи, — шептала самка питона.

Но я её не слушала. Замёрзшими руками я взялась за позолоченные ручки и распахнула створки...

...и вскрикнула от ужаса: в воздухе парил силуэт Ханса, сотканный из снежинок и крупинок льда.

— Ив, не бойся. Это я, Ханс. По-другому у меня не получилось к тебе подобраться.

— Ханс, но... как?

— Мне помог королевский маг. Ив, дорогая, ты должна помочь. У Йенсена есть секрет. Узнай, откуда он берет магические силы. Если поможешь, мы сможем обезвредить его, лишит рычагов давления... И снова будем вместе.

— Ханс... всё сложно. Не уверена, что получится.

— Ив, помоги... Что бы ни случилось — я все пойму. Сделай это ради нас!

Ледяная ладонь Ханса нежно коснулась моего лица. Его взгляд воскрешал воспоминания, в которых мы были вместе.

В дверь начали ломиться, комод, так кстати придвинутый к ней, еле выдерживал натиск. Ханс это тоже видел:

— Мне пора. Я люблю тебя.

Ханс пропал, в комнате стало тепло, иней растёкся по поверхностям влагой. Я закрыла окно в тот момент, когда комод с треском отлетел от двери.

— Вас не учили этикету? Или здесь у мужчин принято толпой вваливаться посреди ночи к фрау в комнату? — я была возмущена и испугана.

— Да будет известно фрау, что только что в замок проникла посторонняя магическая сила. И сконцентрировалась она в вашей комнате, — Кристоф прошёлся по спальне, внимательно оглядывая все вокруг.

— Странно, я ничего не заметила. Может, это ошибка?

— Вряд ли. Что здесь произошло? — Кристоф растёр подошвой ручеек влаги.

— Понятия не имею. Думала это твои новые воспитательные «меры».

Кристоф прошёл в ванную, а трое охранников так и остались стоять у входа. Один из них — мой старый знакомый: маг-перевёртыш Эрик.

Не найдя никаких следов, кроме странной влажности, Кристоф направился на выход. Я села на край кровати, закинув ногу на ногу. Мокрый халат распахнулся, углубив декольте и приоткрыв ноги выше колена.

— Кристоф...

Он обернулся, и трое охранников остановились вместе с ним.

— ...ты забыл проверить шкаф. Обычно от ревнивых мужей жены посторонние силы именно туда прячут.

Охрана разразилась громким хохотом, а Кристоф, побледнев от сдерживаемой злости, покинул мою комнату, перед этим высушив мою комнату.

Кристоф пил кофе и думал о том, кто мог проникнуть в его дом и зачем это было нужно. Все догадки вели к Хансу Ларсену. Кристоф был уверен, что его конкурент ищет, как к нему подобраться и готов использовать все запрещённые методы. Это очевидно, что он решил использовать Ив. И что кривить душой, возможно, будь он в ситуации Ханса, сам бы так же поступил. Неприятное ощущение одолевало, словно асфальтоукладочный каток необратимых обстоятельств вдавливал в землю.

Тишину нарушила появившаяся в кухне Ив. Видимо, она думала, что Кристоф ещё спит, и хотела проскользнуть незамеченной. Она искренне смутилась, увидев его.

Он стоял, облокотившись о столешницу, и внимательно следил за утренним набегом на кухню.

— Доброе утро, дорогая, — подчёркивая последнее слово, произнес Кристоф.

— Доброе, — съезжившись, ответила Ив, — а что это за голубое сияние виднеется из всех окон?

— Это барьер. Только не такой, как тот, что удерживал только тебя. Этот намного сильнее, он не пропустит ничего и никого: ни человека, ни животного, ни какую-бы то ни было магическую сущность.

— Это что, моё новое наказание? Неужели думаешь, что твой надзиратель опять не справится со мной?

— Я тебя не наказываю, а оберегаю.

Он проникновенно посмотрел в её глаза, наблюдая, как она отворачивается, скрывая смущение. Стараясь не смотреть на него, она достала чашку из соседнего шкафчика и поставила на плиту чайник. Открыла коробку с душистым чаем, и комната наполнилась цветочными и травяными ароматами, затмевая терпкий запах кофе. Кристоф поглощал глазами каждое её движение. Ему безмерно захотелось к ней прикоснуться и этим не оттолкнуть от себя.

— Не шевелись, — прошептал.

Ив замерла на месте. Кристоф легонько коснулся подушечками пальцев её шеи. От касания, на коже появились мурашки. Он сжал пустую ладонь, и когда она повернулась — раскрыл её.

— Оно застряло в волосах, — в пустой руке появилось настоящее перо.

— Спасибо, не стоило беспокоиться.

Ив отошла от мужа на безопасное расстояние.

— Ты вчера пекла печенье? Нашел целую тарелку этих сладостей, — Кристоф достал из шкафа припрятанное от посторонних глаз и ртов колдовское снадобье. Ив изменилась в лице. — Может, захочется к чайку.

Она с опаской посмотрела на тарелку.

— Спасибо. Я слежу за фигурой... Ты уже пробовал?

— Ещё нет... На десерт оставил.

Кристоф заметил, как она облегчённо вздохнула.

— Знаешь, не стоит их пробовать. Они неудачными вышли.

— Думаешь? — играл Кристоф. Он взял одно печенье и, приблизив его к лицу, вдохнул сладкий аромат. Он видел, как в этот момент у Ив даже перехватило дыхание. — Очень аппетитно. Возьму на работу, угощу ребят в офисе.

Ив не выдержала и подскочила к Кристофу. Она забрала блюдо и ссыпала всю горку в

мусорное ведро.

— Они невкусные. Отдай мне печенье, — попросила Ив последнюю сладость, которая осталась у Кристофа в руке.

— А что мне за это будет?

— Ты не получишь пищевого отравления.

— Нет. Этого мало. Поменяю его на поцелуй.

На лице Ив появилась гримаса возмущения. Потом она сжала губы в тонкую линию и произнесла:

— Хорошо. Но только по-быстрому.

— Нет. Не по-быстрому. А по-взрослому.

Это был шах и мат. Ей некуда было отступить. Она сделала шаг навстречу, уверенно смотря в его глаза. Немного привстала на цыпочки, потянулась к губам, а Кристоф закрыл глаза. А Ив только это и ждала.

Она резко выхватила последнее печенье и бросила него в урну. Ив ликовала, пока не повернулась к Кристофу. Тут же торжественная улыбка сошла с её лица.

— Ты же не думала, что всё так просто, — Кристоф держал в руке печенье, которое она только что обманом выкрала.

— Да, чтоб тебя!

— Сначала уговор, — довольно произнес мятежник.

Отступить было некуда. Я не хотела, чтобы Кристоф ел это печенье. Сейчас я отчетливо понимала, что идея была ужасной. Нельзя так с ним поступать. А осознание, что кроме него могут пострадать ещё и посторонние люди, придало мне уверенности.

— Ладно, я не буду жульничать.

Я снова подошла к Кристофу. Внутри мгновенно разлилась легкая волнующая дрожь. Положила руки на его плечи, немного задрала голову, и будто растворилась в темноте его глаз. Его густые ресницы, пухлые губы и ласковый взгляд заставляли сердце с бешеной скоростью перегонять кровь по венам.

Муж аккуратно дотронулся до моего лица, окутывая кожу теплом ладони. Его губы осторожно коснулись моих. Внутри все замерло, ухнув вниз, и разлилось жаром, будто раскрылась горячая спираль. Кристоф медленно пил меня, нежно пробуя мои губы на вкус и вдыхая моё дыхание, он наслаждался мгновениями, не закрывая глаз. У меня закружилась голова, я обняла его шею, боясь упасть от сладостной истомы, заполонившей всю мою душу. Кристоф больше не сдерживался. Его поцелуй стал глубже и страстнее, он будто просачивался в меня, наполнял собой пустоты в сердце, не оставляя между нами и дюйма свободного расстояния. Мы будто стали одним целым и целовались жарко и жадно.

Я не почувствовала, как халат сполз с моих плеч, я упивалась его поцелуями, ласкавшими мою шею и плечи, и я уже хотела его так, как никогда в жизни не хотела никого. Это было невероятное искушение, и уже почти ничто не могло заставить меня остановиться. Я облизнула пересохшие от внутреннего жара губы и почувствовала, как наливалось желанием тело Кристофа, как его нежность и ласка становились смелее и чувственнее, как мурашки металась по телу, разбегаясь от прикосновений его рук. И лишь на мгновение закрыв глаза, я чуть не упала в его руки, не в силах удержаться на ногах. И лишь пошатнувшись, я неуверенно и нехотя взмолилась:

— Остановись...

Кристоф не сразу, но замер. Я выпуталась из его объятий, смущенно запахла халат,

уже совершенно ничего не скрывавший, и, не поднимая глаз, вышла из кухни.

К черту проклятое печенье, пусть делает с ним что хочет...

Глава 11

Кристоф вышел на улицу и бросил на замок грустный взгляд — Ив от него сбежала к себе в комнату, но до этого не оттолкнула, а пошла навстречу. Значит, и не хотела отравить. А отравить ли? Это была победа, но с легкой ноткой досады. Кристоф достал из кармана замотанное в салфетку лакомство.

— Что ты за зверь такой, что она сначала заколдовала тебя, а потом перехотела, что бы я тебя ел?

В голове родилась мысль попробовать печенье, но чувство самосохранения говорило об обратном.

— Герр Йенсен, — окликнул его Эрик. Маг-перевертыш поравнялся с Кристофом. — Можно мне вернуться к вам на службу? Мне здесь... не хватает пространства.

Бесовская мысль проскочила в голове оппозиционера. Он раскрыл сверток с печеньем и предложил его Эрику.

— На вот, угощайся, — Эрик недоверчиво посмотрел на своего работодателя. — Не бойся не отравленное.

Внутри очнулся Морок. «Какой замечательный способ проверить, что не так с этим печеньем», — произнес демон. Кристоф улыбнулся. Эрик взял лакомство и проглотил целиком.

— Ну как? — осторожно спросил Кристоф.

— Спасибо. Вкусное, — беззаботно ответил Эрик.

Кристоф с минуту внимательно смотрел на мага-перевертыша, смущая его своим странно пристальным вниманием. Но, убедившись, что печенье не причинило вред его здоровью, произнес:

— Ладно, обсудим этот вопрос завтра. Сегодня мне тебя не кем заменить.

Эрик тяжело вздохнул.

— И глаз с неё не спускай! Не так, как в прошлый раз.

— Хорошо, герр Йенсен, — виновато ответил Эрик.

Я забежала в комнату и с грохотом захлопнула дверь. Завалилась на кровать, заползая под одеяло с головой, как змея скрутившись в небольшой комок.

— Что это было? — спросила Мариса, ставшая немым свидетелем произошедшего на кухне.

— Ничего не говори.

Я хотела выжечь болезненные воспоминания и забыть этот поцелуй. Меня лихорадило от чувства вины, которое называло изменщицей. Пусть я в разводе с Хансом, Кристофа своим мужем я всё равно не считала. И пусть Кристоф целовал меня прежде, сегодня была виновата только я. И те поцелуи были не такими.

Чертово, чертово печенье!

Какая глупость, глупость, глупость...

Мне захотелось отделаться от этого кошмара и очутиться в нашей с Хансом квартире, где всё было ясно и понятно. Теперь же вокруг царил неразбериха.

— Ив, не кори себя. Мне аж нехорошо из-за этого.

Я не отвечала. В груди словно хищными лапами растерзали беззащитное сердце.

— Ив, знаешь, я вот чего думала, — пыталась отвлечь меня самка питона, — по поводу твоего сна.

— Сна?

— Да. Там, где цепь горит, и девушка в маске зверя. Кажется, они называли её Ясна?

— Да, так и называли.

— Так и Утес же Ясный. Может, профессор Альберт знает, почему его так назвали, и откуда взялась эта Ясна? Он же историк. Сходи, поговори с ним. Он же весь день на территории замка ошивается.

Я мешкала. Самооценка заставляла лежать в позе эмбриона и заниматься самоистязанием, разум говорил, что Мариса дает дельный совет. Немного посоревновавшись, разум победил. Нехотя встала из своего комфортного гнезда, передела злосчастный халат и пошла на стройку.

Профессора я нашла на улице. Вместе со своими студентами он развернул в северной части замка самые настоящие археологические раскопки. Земля была перерыта аккуратными траншеями, где, орудуя маленькими лопатками и кисточками, трудились студенты. Альберт отдавал команды искателям. Даже мне — постороннему наблюдателю — сразу бросилось в глаза, как злобно на него поглядывали ученики.

— Профессор, добрый день! У вас не будет для меня несколько свободных минут?

— Ив, здравствуйте. Ну, разве что совсем немного. Дорожу каждой минутой, ведь если пойдет этот ужасный дождь, раскопки придется приостановить.

Из одной ямы послышался жалобный голос:

— Господи, сделай, пожалуйста, дождь!

Профессор нахмурил седые брови:

— Так. Кто это сказал? Быстро признавайтесь. Не видать этому лентяю зачета!

Студенты притихли.

— Профессор, так как насчёт моего вопроса?

Разгоряченный Альберт снова обратил на меня внимание.

— Да. Что вы хотели узнать?

— Может, это вам покажется странным...

— Нет, нет, что вы. Я никаким странностям не удивляюсь.

Я вспомнила, что профессор считает меня сумасшедшей, и сразу захотелось хорошенько врезать Кристофу.

— Так вот. Мне приснился сон, в котором видела девушку. Её звали Ясна. А потом я подумала, ведь Утес называется тоже Ясным. Мне стало интересно, откуда у него такое название?

— Ясна? Да, да есть одна старая легенда про две противоборствующие силы, как друг и враг, как добро и зло, как свет и тьма — две сущности, которые живут вечно и ни одна из них не может победить другую. Считается, что пока они сражаются, солнце будет всходить, времена года меняться, а всё живое умирать и рождаться заново. Пещерные люди чтили их как божеств, хотя, скорее всего, это были демоны. У меня есть несколько диссертаций на тему демонологии, я вам могу принести.

— Одного из них звали Ясна?

— Именно так. В честь неё и назвали этот Утес. Здесь же мы нашли и стоянку пещерных людей, которые поклонялись ей. Вот сейчас мои ленивые студенты ищут ещё одно доказательство моих слов.

Я задумалась — если Ясна на самом деле существует, возможно, она как-то связана с каменной аркой в лесу.

— А как же назвали тогда второе божество?

— У него много имён: Тьма, Смерть, Морок...

По телу пробежал холодок. Профессор повернулся к студентам и, угрожая проблемами с экзаменами, стимулировал их лучше трудиться.

— Простите, Ив. Мне нужно работать, а то эти бездельниками ничего не делают без моего контроля.

Погода действительно начинала портиться: тучи заволокли небо — видимо, несчастные учащиеся вымолили непогоду. Я возвращалась в замок.

Не меньше вопросов было и у Марисы:

— Странно всё это.

— Не страннее, чем все произошедшее в последние недели.

Поднимаясь в жилое крыло, радовалась, что не наткнулась на противную физиономию своего охранника.

Я переступила порог гостиной. К моему удивлению я оказалась в ней не одна — приятной внешности девушка сидела на диване, просматривая «Ольбург-Таймс». Она опустила газету и оценивающе посмотрела в мою сторону. Мне показалось знакомой её внешность, но я не могла понять, где её видела ранее.

— Иветта Йенсен? — спросила незнакомка с нотками превосходства.

От сочетания моего имени и фамилии Кристофа меня немного коробило.

— Да. А вы кто такая?

— А я — Беата Йенсен, сестра вашего мужа. Вот, решила посмотреть, что за женщину взял брат в жены и зачем скрывает её от семьи.

Темные глаза и выразительные губы были один в один как у Кристофа — именно его она мне и напомнила.

Беата перевернула ко мне газетную статью, где на первой полосе красовалась моя фотография. Заголовок кричал: «*Жертва революционера или похищенная монстром аристократка*».

После работы Кристофа ждал сюрприз — подходя к гостиной, он услышал звонкий женский смех. Беата и Ив спокойно сидели и рассматривали семейный альбом. Мелкая пакостница — его сестра — достала из семейного архива самые смешные снимки.

— А вот и мой старший брат, — воскликнула она.

— Привет.

— Ты почему скрывал от нас Ив? Мама начиталась всяких ужасов из газет и сказала проверить, не держишь ли ты в подземелье бедную девушку.

— Как видишь, — сдержанно произнес Кристоф.

Он смотрел на Ив. Она, облокотившись, положила руку на спинку дивана. Весь её вид говорил: «Ты у меня на крючке».

— Ладно. Мне нужно бежать, — Беата встала и легко поцеловала Кристофа в щеку.

Затем она обратилась к Ив: — Ждем вас в пятницу на юбилей мамы. Отказы не принимаются, — на последней фразе она грозно взглянула на брата. Он лишь ласково улыбнулся в ответ.

Беата скрылась за дверью, оставляя супругов наедине. Ив хитро посматривала на Кристофа.

— Ну, и когда ты собирался мне сообщить, что наш брак стал достоянием общественности? Или думал, я не узнаю об этом?

— Решил, что это сушая ерунда и нет смысла ставить тебя в известность. Пресса всегда раздувает из мухи слона. Я уже привык не обращать внимание на сплетни.

— Плотная у тебя шкура, раз ты спокойно ходишь по городу, на каждом столбе которого написано, что ты преступник. Как ты это полиции объяснил?

— Показал наше свидетельство о браке, подписанное рукой королевы. Сказал, что если они сомневаются в его законности, могут опросить Его Величество в качестве свидетеля.

Кристоф хотел продолжить разговор, но предчувствие и голос Морока предупредили о надвигающемся видении. Он быстро ушел в свою комнату, неожиданно оборвав разговор на середине. Ив провожала его широко распахнутыми от удивления глазами.

Мысли о странном поведении Кристофа множились: эмоциональные вспышки, разговоры с самим собой и вот такие без видимых причин оборванные беседы — все это заставляло её думать, что у Кристофа признаки психического расстройства.

Заперев дверь, он снова перенесся в Креорток.

Маленький ресторанчик был абсолютно пуст. Кристоф присел за столик, своей невидимой рукой выхватив у официанта ручку. Не теряя ни минуты, пока она наблюдала, он начал выводить на салфетке буквы:

«Жду тебя завтра на этом месте в 17:00».

Затем взгляд перевел на меню, лежавшее на столе, где крупными буквами было написано название ресторана: «Алая роза».

Сердце билось с сумасшедшей скоростью. Мне стоило больших усилий восстановить ритм и прийти в себя.

— Мариса, — прошептала, пока Кристофа не было в комнате, — он хочет завтра встретиться. Назначил время и место.

— Это здорово. Наконец-то удастся разобраться с этим склизким типом.

— Осталось только как-то вырваться из замка.

Немного призадумавшись, Мариса, подползла к моему уху.

— Пойди с Кристофом на сделку. Дай ему, что он хочет.

— Боюсь, у него слишком неприемлемые для меня желания.

По телу побежали мурашки от воспоминания об утреннем поцелуе.

— Тогда используйте «Магическое «Но»» — оговорите четкие правила договора.

Совет Марисы был очень кстати. «Магическое «Но»» — это, своего рода, магический контракт, по которому каждый его участник выполняет желание другого. Но с одним допущением — «Но». Какую-то часть желания исполнитель может не выполнять.

До ужина я мучилась в сомнениях. Незнакомец из видений опять усложнял мою и без того нелёгкую жизнь. Хватит с меня Кристофа с его мечтами о чистокровная потомстве и явными симптомами раздвоения личности.

Уже за ужином, набравшись храбрости, я взялась решать свои проблемы.

— Мне нужно завтра вечером в Креорток.

— Зачем?

— У меня там дела.

— Случайно не с тем магом, который прорвался этой ночью в твою комнату?

Сдерживая раздражение ответила:

— Нет. Это совсем другие дела.

— Я не могу так рисковать. Особенно когда твоя фотография мелькает во всех газетах.

Я тяжело вздохнула. Других вариантов у меня не осталось.

— Я готова пойти с тобой сделку.

— Как интересно? — оживился Кристоф. — И что же ты можешь предложить?

— Одно желание. Тебе же нужна покладистая и приличная жена на юбилей матери? Мне бы не хотелось расстраивать твоих родственников.

Глаза Кристофа блеснули яростью. Он знал, что я прижала его хвост.

— Дай угадаю. За это я должен отпустить тебя в город?

— Как хорошо, что мы понимаем друг друга с полуслова.

Кристоф задумался, хотя по нему было видно, что предложение его заинтересовало.

— Какие гарантии, что ты под этим предлогом не сбежишь?

— Скрепим наш договор колдовством. Тогда никто не сможет нарушить своих обязательств.

— Мне нравится твоя идея... Желание в обмен на желание.

— Но учти — всё, что тебе вздумается, я выполнять не буду. К тому же никто не отменял закона «Магического «Но»».

— Хитро. Ну тогда мы сразу оговорим все условия.

— Сделка будет действительна только на завтрашний вечер. Ровно до двенадцати.

Глядя мне в глаза, он приподнялся со стала и протянул мне руку. Ни медля ни секунды, я подала ему свою. Во мне горел азарт.

— Фрау говорят первыми.

Набрав воздух в легкие, я выдала свое желание:

— Я хочу передвигаться куда захочу, без ограничений...

Кристоф лукаво улыбнулся, внося свои правки.

— ...но ты не должна убегать, общаться журналистами и делать что-либо, чтобы нанести вред себе и нашей фамилии в целом. Конечно же твое передвижение не распространяется на вечернее мероприятие моих родственников.

Я удивилась, как ловко вывернул он мое желание, выставив в удобном для себя свете.

Кристоф назвал свою цену:

— Я хочу, чтобы завтра ты вела себя как примерная жена. Не отвергала никаких моих знаков внимания... И чтобы я мог целовать тебя, сколько мне захочется.

Под тяжестью его взгляда я покрывалась краской и нервно прокручивала в голове все отговорки, ища причину, как бы выкрутиться из второй половины желания. К сожалению, полностью от неё отказаться нельзя. Только внести дополнения.

— ...но целовать меня можно, когда мы одни.

Мариса почти всегда со мной. Она сможет за мной приглядеть, чтобы сбить всю охоту Кристофу. При этом у него не будет желания тут же расторгнуть нашу сделку, ведь есть шанс подловить меня наедине.

— Договорились? — иронично склонила голову к плечу и улыбнулась.

— Договорились. Напомню, что за нарушение сделки ты не только лишишься своей доли, но и навсегда будешь обязана выполнять мои желания.

Наше рукопожатие засияло ярким красным светом, подтверждая заключение магического контракта.

— А вот сейчас и проверим, как это работает, — произнес он, когда свечение погасло.

Не расцепляя руки, он потянулся ко мне через стол. Сердце начало сумасшедше колотиться. Я чувствовала, как его вторая рука легла на мою талию, притягивая к себе. Я почти распласталась на поверхности стола в ожидании его поцелуя. Наши лица почти соприкоснулись...

— А ну, подбери свои влажные губёшки! — произнесла Мариса, появляясь на моем плече. — Завтра ещё не наступило! Учти, я за тобой внимательно наблюдаю!

На моем лице появилась победоносная улыбка. Кристоф с легкой досадой произнес:

— Это ещё не конец. Это только начало.

Он освободил меня из объятий. Сказав сухое спасибо, я поспешила к себе в комнату. Нужно быть крайне осторожной. Ведь теперь у меня не будет возможности остановить его, как это было утром.

Мелодичный женский смех разбудил меня среди ночи. По началу, я даже не поняла, что это было.

— Мариса, ты слышишь?

Ответа не последовало, змея крепко спала в складках одеяла, а вот смех удалялся. У меня не было времени будить её, а возможность поймать Кристофа на измене и требовать у него развод я не могла упустить.

Босиком в одной шелковой ночной рубашке я пошла на источник шума. К моему удивлению, нахалка не стала скрываться, но прошла мимо комнаты Кристофа. Я видела силуэт лишь со спины — она быстро убегала. Я преследовала её по всему жилому крылу, но стоило к ней немного приблизиться, как она снова оказывалась далеко впереди меня. Она играла со мной, используя магию, заманивая все дальше вглубь замка.

Уже дойдя до главного холла, я все-таки её потеряла. Я стояла босиком на холодном полу, и меня посетило странное предчувствие — эта девушка появилась и пропала неспроста, и утром я обязательно расскажу о ней Кристофу.

Ноги сильно замерзли. Я повернулась, что вернуться в комнату, но с ужасом вздрогнула — как приведение, буквально в сантиметрах от меня стоял Эрик. Он люто таращил на меня свои человеческие глаза, но я не намерена была поддерживать хоть какие-то любезности с этим радикалом.

Обогнув его, я пошла к выходу, но он схватил меня за руку, притянув к себе:

— Ты вкусно пахнешь, синекровая... — он шумно втянул воздух возле моей шеи. Его тон не выражал привычный гнев и раздражение. В них была другая подоплёка, от которой внутри всё сжалось от неприязни. — ...так бы и съел тебя.

И в доказательство своих слов Эрик начал целовать мои пальцы, лаская их языком. Его животный порыв вздыбил волосы на моем теле. Я попыталась вырвать руку, но безрезультатно. У него была недюжинная сила. Его поцелуи ползли по руке к запястью, к локтю и я сначала просто застыла в ступоре от отвращения, но все же...

...звук пощечины взорвал тишину коротким выстрелом. Эрик замер от неожиданности, а я вырвала руку и попятилась от него, помня его звериное обличье и зная, что поворачиваться к хищным животным спиной и бежать от них нельзя.

— Ты что себе позволяешь? — на его бледном лице осталась красная отметина от моей ладони. Его взгляд стал опасным и острым, как его звериные когти.

— Считаешь себя лучше всех? Думаешь, я не достойный такой, как ты?! — напористо отвечал маг-перевертыш, приближаясь ко мне мягко, но упруго, как перед прыжком.

Я отступала, чувствуя, как к горлу подкатывает спазм от страха и уже собираясь закричать, пока еще не перехватило дыхание.

— Что здесь происходит? — властный голос Кристофа принес облегчение.

Эрик как-то неуловимо изменился, будто внутренне расслабился, и ответил совершенно спокойным, даже безразличным голосом:

— Фрау хотела сбежать. Я её остановил.

— Ты лжешь! — зло процедила я и повернулась к Кристофу: — Он приставал ко мне.

Кристоф напрягся и, нахмурившись, посмотрел на Эрика. Я видела, что он пытался понять, кто говорит правду.

— Возвращайся к себе, — слегка раздраженно и устало бросил мне Кристоф.

Я поджала губы — его тон мне не понравился. Но еще больше не понравилось, что я услышала, когда миновала холл:

— Молодец, что остановил её, — похвалил он Эрика.

— Рад стараться, — ответил маг-перевертыш, — и знаете, Герр Йенсен, я передумал возвращаться в Креорток. Мне уже здесь даже нравится.

Слова Эрика ужаснули меня.

Глава 12

Начало седьмого, а он не пришел. Я сидела в кафе «Алая роза», допивая третью чашку чая, и всматривалась в каждого прохожего мужчину в надежде, что это тот самый незнакомец, которому я когда-то спасла жизнь, и от которого зависела теперь и моя.

Грустно. Я размешивала кубик сахара в стакане, понимая, что всё бессмысленно. Всё ценное обнулилось: счастливый брак, хорошая работа и, как бы пафосно это не звучало, даже страна. Теперь всё не имело своего привычного значения.

И я понимала, что всему виной Кристоф Йенсен. Но где-то внутри завелся противный червяк, который говорил, что незыблемые ценности не ломаются ни под каким гнетом.

Очередная неудача отрезвляла...

Я встала из-за столика, намотав вокруг шеи объёмный вязаный шарф, подпоясала пальто и вышла на улицу. С неба сыпался мелкий сырой дождь. Нужно было поймать такси — на ужин матери Кристофа нельзя опаздывать. Не хотелось нарушить условия договора и расплачиваться за это потом всю жизнь.

Я немного прошлась, чувствуя, что настроение созвучно непогоде — вокруг всё было серым: люди с унылыми лицами, грязные лужи, отражавшие такого же цвета угрюмые облака. Сплошная серость, как у меня внутри.

И только одно яркое пятно. Мужчина шел на встречу с огромным букетом красных роз, скрывая за ним его лицо. В охапке их было, наверное, пятьдесят, а может, и больше. Я по-доброму завидовала той девушке, которой достанутся цветы. Пока мы с ним не поравнялись:

— Ты заболеть не боишься? — спросил Кристоф, убирая розы от лица.

От неожиданности я даже отшатнулась от него но, придя в себя, ответила:

— Не боюсь. Разве что прическу испорчу.

— Это тебя, — он протянул мне розы, от чего я снова опешила.

— Зачем? Я думала, ты их для матери приготовил.

— Ей тоже. А эти тебе... Я надеюсь, ты помнишь, что тебе нельзя отвергать мои знаки внимания?

Мне и не хотелось отдавать розы, они действительно были красивыми.

— Спасибо, — произнесла немного грустно.

Машина нас ждала за поворотом. Я даже не стала спрашивать, как Кристоф нашел меня — зная его магическую силу, это был бы глупый вопрос.

Мариса немного заёрзала, стоило мне устроиться на сиденье. Она вылезла из-под пальто и уставилась на Кристофа, мешая нашему единению.

— Скучал? — спросила чешуйчатое.

— Неимоверно. Тебе тоже приготовил подарок, — он засунул руку в карман и двумя пальчиками, осторожно достал серую мышку.

— Кри-и-ст-о-оф! Убери это! — взмолилась я от ужаса.

Мышка крутилась вокруг хвостика, пытаясь изловчиться и укусить то, что её удерживало.

Мариса смотрела за грызуна со странным охотничьим азартом — она не питалась мышами, ей всегда хватало той энергии, которую ей давала я, но сейчас с ней происходило что-то странное. Понаблюдав за добычей секунду, она резко бросилась к грызуну, покидая моё тело. Но стоило ей приблизиться к Йенсену, как мышонок

превратился в дым, а Кристоф крепко схватил Марису.

— Отпусти меня, извращенец! Мало тебе чужих баб, ты уже на животных переключился! — вопил мой фамильяр.

— Как скажешь, — он разжал пальцы, но Марисы в них уже не было.

— Куда ты её дел?!

— С ней всё в порядке, дожидается тебя дома.

Он убрал цветы, лежавшие на соседнем сиденье и сел рядом со мной. Его хитрый взгляд не предвещал ничего хорошего. Кристоф протянул руку к моему лицу, но я отпрянула от него.

— У нас уговор, помнишь?

Это был шах и мат.

Об обхватил ладонью мой подбородок, ласково проводя пальцем по щеке, нежно коснулся губ легким поцелуем.

— Так нечестно, ты не имел права отсылать Марису!

Не его лицо появилась самодовольная улыбка.

— Разве?

Он еще раз коснулся моих губ. В этот раз уверенней и с упоительным наслаждением.

— Ты мерзавец, Кристоф, — протестовала я.

— Да, я такой.

Он дал мне сказать, что я о нем думаю, и закрыл мой рот страстным поцелуем. Его язык раздвинул мои губы, и под его напором, я начала сдаваться. Цепляться за реальность уже было невозможно. Я растекалась в его сильных руках, как последний снег под весенним солнцем. Таяла от его нежности, подогретая нашим общим желанием. Его руки скользили по моей коленке, поднимаясь к бедру. В ответ на это тело отозвалось сладостным томлением внизу живота. Взъерошив его волосы руками, я пылко целовала его в ответ. Дыхание стало тяжёлым, и каждый новый вдох давался с усилием.

Мы не целовались, мы испепеляли друг друга — казалось, ещё немного — и одежда на нас заглохнет, не выдержав высоких температур. В чувственном порыве мы не сразу заметили, что машина остановилась.

Еще несколько минут нам понадобилось, чтобы успокоиться и привести себя в порядок.

Машина припарковалась в пригороде Креортока у деревянного дома, выкрашенного в желтый цвет, и огороженного аккуратным забором, с выложенной каменными плитками дорожкой. На большом старом дереве с толстыми ветвями висели самодельные качели из автопокрышки. Дом светился окнами, был слышен веселый гомон.

— Стой! А что я буду говорить этим людям, — мне вдруг стало не по себе.

— Ничего не говори. Улыбайся. Я всё скажу сам, — Кристоф взял меня под руку.

— Как скажете, дорогой супруг.

Мы вошли в шумную гостиную, наполненную людьми. Тут же перед нами вихрем пронеслись двое мальчишек.

— Кристоф!

Навстречу нам шла пожилая женщина с волосами серебряного цвета. Её лицо было исполосовано морщинами, но, несмотря на это, в ней чувствовалась жажда жизни. Она поцеловала сына и тут же, не выпуская его лица, начала стирать помаду с его щеки.

— Мама. Перестань.

— Конечно-конечно, — но пока не вытерла последний след, женщина не отстала.

Я даже негромко рассмеялась, видя Йенсена в новой ипостаси. Моя реакция не прошла незамеченной.

— А вы — Ив? — она крепко обняла меня, смущая уже меня. — Я Гертруда — мать Кристофа. Дайте, я на вас посмотрю, — она отошла немного и оглядела меня с головы до ног. — Кристоф?..

— Что?

— А где наручники и ошейник? Газетчики утверждали, что ты держишь эту фрау в темнице, моришь холодом и голодом? — шутила Гертруда.

— Ерунда, нет ни каких темниц. Хотя одни наручники у меня все-таки припрятаны.

Кровь приливает к моим щекам, но его мать лишь ещё громче рассмеялась. Видимо, ярко выраженное чувство юмора у них семейная черта.

Кристоф помог мне снять верхнюю одежду, и мы вошли в большую столовую. Народу оказалось так много, что все сидели чуть ли не на головах друг друга, а вокруг стола кружили стайки из детей и собак, от которых наверху серванта сидел обезумевший кот. Он, как и я, не понимал, как сюда попал и что здесь происходит.

При нашем появлении все разговоры прекратились. Так же молча кто-то из родственников принес ещё два стула. Я понимала, что причиной такой реакции стала именно я — никто не ждал на празднике бывшую жену их врага, но понемногу разговоры возобновились. Но я все равно иногда ловила на себе уничижающие взгляды.

Кого здесь только не было: молодые пары, старики и одиночки. В комнате неизвестно как поместилось человек тридцать. Через пару минут Кристофа затянули в политические темы, привязывая всеобщее внимание к его персоне. Он ловко отвечал на каверзные вопросы и умел держать внимание слушателей. В какой-то момент даже я его заслушалась, сраженная его харизмой.

Среди толпы незнакомцев, я увидела одно почти знакомое лицо — девушка с работы Кристофа. Она присутствовала, когда был подписан мой брачный договор, а сейчас мило общалась с сидящими рядом фрау. Видно было, что, в отличие от меня, она чувствовала себя в своей тарелке.

Затем последовала череда поздравительных тостов в адрес матери Кристофа. Я с умилением наблюдала, как открыто и искренне поздравляют Гертруду с юбилеем. Тепло и радушно поздравила ее и младшая сестра Кристофа.

После сыпались смешные истории и забавные шутки, снижая напряжение. Родной дом Йенсена очаровывал душевным уютом. Постепенно гости образовывали группки по интересам и разбрелись про углам. Нашу пару окружила женская часть Йенсенов, и тройка фрекен и фрау, включая Клару.

— Как вы познакомились с Ив? — спросила Беата.

Я выжидающе посмотрела на Кристофа.

— Это забавная история. Я пришел на работу к Ив, а она приняла меня за мою же копию.

По комнате зазвенел женский смех.

— Ив, а правда, что Кристоф выкрала тебя, как писали газеты?

— Конечно, правда, — шутливым тоном ответил за меня Кристоф, — вы больше читайте газет. Там всегда одну правду пишут.

— Ну всё равно. Расскажи, как у вас всё произошло. Ведь это так странно...

Кристоф смерил Беату грозным взглядом, не дав договорить фразу до конца.

Я с любопытством посмотрела на мужа, ожидая, как же теперь он выкрутится. Кристоф показательно приобнял меня за плечи и поцеловал в щеку.

На лице Клары проскочила непонятная гримаса: смесь ревности и ненависти.

Я взяла стакан с красным вином на случай, если у него вдруг появится желание доказать свои чувства более интимным поцелуем.

— Ив такая скромница, — он повернулся к слушательницам, — мы давно знаем друг друга. Лет пять, наверное. Как раз после того случая... — Кристоф замялся, словно сблгнул лишнего, — Неважно. Поначалу мы наблюдали друг за другом. Я с любопытством следил за обрывками её жизни, которые мне удавалось подсмотреть, и многое подмечал: какой она любит чай, о чем читает книги, где любит проводить свободное время. Её образ наслаивался, обрастая мелкими деталями. И в один дождливый день я понял, что мне мало вырванных кусков из её жизни. Мне нужна она вся... — я следила за его рассказом, пораженная мастерством его лжи. Он так искренне это говорил, что даже я начинала ему верить ... — Когда я решил взять дело в свои руки, произошёл переворот. Наша связь оборвалась, хотя я всегда чувствовал Ив. Начались волнения, первые столкновения. Уже было не того. А потом мы встретились на Ртутных островах. И поняли, что не можем жить друг без друга. Правда, дорогая?

— Чистейшая правда.

— И мы поженились.

— А как же твой муж, Ив? — молчаливо наблюдающая за всем Клара впервые заговорила.

От беспардонности вопроса у меня даже рот открылся. Я сразу поняла, что не быть нам подругами. А после её мечтательных взглядов, прилипавших к Кристофу, стало понятно, что причина её нелюбви ко мне кроется не только в политических разногласиях.

— Ханс Ларсен не любил Ив, — слова Кристофа больно ранили, — он женился на ней по расчету, ради продвижения своей карьеры... Хорошо, что Ив это вовремя поняла и не стала хоронить наше счастье.

Я почувствовала, что меня начинает трясти от гнева. Чтобы не взорваться на очередной порции ванильной лжи, я решила удалиться.

— Извините, здесь слишком душно, — я встала из-за стола.

Мне хотелось забиться в угол, где бы меня никто не видел, но, как назло, вокруг были посторонние глаза. Я накинула пальто и вышла на улицу, решив, что обратно не вернусь. Чем бы мне Кристоф ни угрожал.

После дождя небо сияло бриллиантовой россыпью звезд. Я отошла от крыльца к качели на дереве. Коснувшись рукой, толкнула старую шину, и она задвигалась маятником.

Позади раздался звук открывшейся двери.

— Я тебя чем-то обидел? — пронизывающе произнес Кристоф.

Остановив качели, я чувствовала, как он приближается, но оборачиваться не стала.

— Ты не имел права такое говорить о Хансе, — мой голос дрожал от боли, которую я не смогла скрыть.

— А разве я сказал неправду?

Я обернулась и вцепилась в него взглядом.

— Ты не знаешь о нас ничего. Мы были счастливы до тебя. Я была счастлива! А потом ты все разрушил!

— Может и так. Но Ханс бросил тебя первым. Так что не обманывай себя: ты злишься не

на меня, ты злишься на него. Он тебя сдал без единой попытки сопротивления.

— Ты поставил условия, в которых не было возможности отказаться.

— Тогда почему я нашёл такие условия, а он нет?

От досады я не могла найти убедительных аргументов, потому что сама мучилась над этим же вопросом. Единственное, что я смогла произнести:

— Ты мерзавец, Кристоф Йенсен... Тебе нужно только тело, с Хансом у меня любила душа.

Неуместный кашель вклинился в наш разговор. Один из гостей хорошенько подвыпив, стоял, облокотившись о стену дома, не будучи в состоянии даже донести сигарету до собственного рта.

— Покажи этой синекровой, кто здесь хозяин! — воскликнул неприятный мужчина.

На меня будто ведро помоев выплеснули. Я швырнула на Кристофа едкий взгляд, вложив в него всю бурю эмоций, что обрушились на меня в эту секунду. Развернулась и пошла к машине.

Плохая идея была вообще сюда приходить. Кристоф никогда не изменится и не отпустит меня. Это всего лишь мелкие подачки, которыми он питает мою надежду, лишь бы я делала только то, что ему необходимо.

Тупой звук подающего тела отвлек меня от дороги к авто. Когда я обернулась, Кристоф всё ещё стоял в том положении, в котором я его оставила. А вот мужчина с сигаретой лежал на крыльце и корчился от конвульсий. Его словно терзали изнутри, причиняя сильную боль.

Я побежала к нему, пробегая мимо Кристофа:

— Кристоф, зови на помощь, — но ответа не последовало, как и любого другого движения. Кристоф замер, как истукан, а когда я посмотрела на него, обомлела. Его глаза не имели белков. Зрачок, склера и радужка слились в едином черном цвете. Я поняла, что причина состояния мужчины кроется в глазах Кристофа.

— Кристоф, оставить его!

Мужчина болезненно вскрикивал, но Кристоф не реагировал. Его словно вообще тут не было, лишь замершая оболочка. Будто его захватила темная сущность, прогнавшая саму его личность.

Я трясла его, старалась дозваться, била по лицу, но Кристофа не было здесь. А мужчина уже хрипел и, казалось, в горле его булькала кровь — так страшно звучали звуки за моей спиной. Я била Кристофа в грудь, пыталась отвернуть его лицо, но он будто окаменел. И мне больше ничего не оставалось, как...

...я прильнула к его губам сухим поцелуем, прижавшись к Кристофу всем телом, чтобы почувствовать, когда вернется в свою оболочку. Я смотрела в его черные, как бездна глаза. Но он не реагировал.

Я не могла понять, почему? Внезапно в памяти всплыл поцелуй у зеркала. Вспомнила, как мужчина захватил меня, как завлекал и будоражил. Я поняла, что простого касания губ недостаточно. Нужно что-то большее.

Я обняла, провела ладонью по шее так нежно, как только могла, зарылась пальцами в его волосы и потянулась к нему, закрывая глаза. Нежно коснулась его губы, вобрала в себя его медленное дыхание, провела языком по его губам, раскрывая его рот. Я не целовала так ещё никого и никогда, стараясь вернуть Кристофа ласковым напором, дать ему ощущение любви и нежности. Я целовала его, как последний раз в своей жизни. Никого для меня сейчас не существовало — только он. Я льнула к нему, желая раствориться в его теле, слиться с ним в одно, наслаждалась его теплом, отдавая своим желаниям, отказываясь от принципов, обид и разногласий. И я умоляла его ответить мне тем же — нежностью на нежность.

Но он стоял безразличный, с черными глазами, как провалился в преисподнюю. И я, потеряв надежду, почувствовала, как скатились по щеке горячие слезы, коснулись наших губ...

...и он ответил. Когда я уже потеряла надежду, он обнял меня и ответил. И тогда я почувствовала, что и он растворялся во мне, желал меня, желал дарить мне нежность и горячую ласку. Он целовал так, что пробирало до костей, будоражил чувства, желанным теплом разливалось по телу... Я вдруг почувствовала, как иступлено он желал меня, как тяжело ему сдерживаться, как жарко ему, когда я рядом, как невыносимо ему, когда он не может дотронуться до меня... Я была его мучительной жаждой.

И она горела в нем, заставляя меня пылать и загораться в ответ.

Он легонько отодвинулся от меня, прекращая наши ласки. Тьма в его глазах рассеялась, он смотрел на меня с нежностью. Пока не услышал сдавленный хрип лежащего на крыльце мужчины. В одночасье на его лице пронеслись страх, злость и гнев.

— Что с тобой произошло, Кристоф? Ты словно провалился во мрак. Тебя здесь не было.

В его глазах я видела сомнения. Он словно решал, какую истину мне преподнести.

— Нет. Я был здесь всегда.

Словно удар в спину, больно ранил ответом. Вдвойне больней от того, что я открылась перед ним, помогла освободиться, а он даже не захотел рассказать мне правды.

— Я видела твои черные глаза... Как ты стал неподвижным и убивал того мужчину.

Кристоф недовольно свел брови, так, что между ними появилась морщинка.

— Это была шутка. Я просто хотел, чтобы ты меня поцеловала.

От обиды я не смогла ничего сказать. Я чувствовала, что мои слова утонут в безудержных слезах.

Кто-то из гостей вышел на крыльцо и подошел к лежащему мужчине. Его не сочли больным, товарищи подняли пьянчугу, который, наверное, завтра и не вспомнит, каких усилий мне стоило спасти его жизнь.

Чувствуя, что глаза наполняются влагой, я отвернулась от Кристофа и пошла к машине.

— Ив, — он схватил меня за рукав, пытаясь остановить.

Я повернулась с глазами, полными слез, и со всей болью, которая разрывала мое сердце:

— Я устала быть объектом твоих насмешек.

Мои слова подействовали на него гипнотизирующе: он замер и выпустил мою руку.

Уже сидя в машине я взяла себя в руки и вытерла слезы. Кристоф ненадолго вошел в дом и, вернувшись в машину, ни проронил не слова. Как, впрочем, и я.

Огонь монотонно потрескивал в камине. Уже близился рассвет, но я не могла отделаться от навязчивых мыслей. Прошедший вечер был многоголосен, рассказывая об окружающем мире Кристофа и о нем самом. И пусть много вызывало сомнения, в одном я была уверена наверняка — с Кристофом происходит что-то плохое. Словно его магия разрушает его самого. Наверное, в этом и кроется секрет его силы, который хотел узнать Ханс.

Его имя болью отозвалось в груди. Я до сих пор не приняла решение: кто я теперь и за кого играю? Я постоянно откладывала в дальний ящик мысли о бывшем муже, как старые неудачные фотографии, которыми очень дорожишь, но другим показывать несуразные снимки не хочется.

Женский смех мелодично разлился в коридоре. Памятуя о том, что в прошлый раз

незнакомка вывела меня на свихнувшегося мага-перевертыша, я прихватила кочергу, но идти за смутьянкой все же решилась.

Тихонько обойдя комнату Кристофа, я последовала за незнакомкой. И пусть завтра Мариса скажет, что у всех в этом замке непорядок с головой, я все же разберусь, что здесь происходит!

Призрачная дева выскочила из главного зала и пошла на улицу. Пряча своё присутствие, я последовала за ней, оглядываясь по сторонам и боясь потерять её из вида, но страх наткнуться на Эрика или Кристофа был намного сильнее.

К моему везению за мной никто не следовал. Девушка, облачённое во всё белое, передвигаясь, словно рывками, вела меня по лесу. Она, скорее всего, не призрак, но летела над травой, и это говорило о её магической силе. Пройдя не очень далеко от замка, она остановилась и повернулась ко мне. Я впервые разглядела её: молодая девушка с сияющими белоснежными волосами. Она смотрела в мою сторону, словно видела меня за кустами, где я скрывалась, а потом приложила палец к губам и прошипела: «Ч-ч-ч-ч...». Она действительно меня видела! От страха у меня остановилось сердце, и из рук выскочила кочерга.

Ночь обезличила лес, и я не сразу узнала это место. Посреди поляны стояла каменная арка, та самая, за которой раздавался волчий вой. Девушка сделала шаг в неё и, ослепляя ярким светом, исчезла. Я подбежала ближе к арке, пытаясь понять, как попасть на другую сторону, но ничего не вышло. Внимательно прислушиваясь, я надеялась услышать хоть какие-то звуки или обрывки разговора, но не было ничего, кроме звуков ночного леса.

Возвращаться назад по темноте без сияния девушки было бы трудно, вокруг было тихо, и я села у ворот дожидаться предрассветных сумерек. Правда, кочергу все-таки нашла и держала в руках. Но вот найти возможность отпереть ворота я не смогла, хоть и ощупала каждый сантиметр арки в поисках сама не знала чего.

Спать не хотелось — прохлада уснуть бы и не дала. Скоро я уже видела всю поляну и тропу, по которой можно вернуться в замок. Я встала и уже собралась уходить, но ворота вспыхнули ярким светом, и девушка снова появилась в нескольких шагах от меня. Её взгляд был серьезен:

— Дерево почти погибло... Тьма поглотит Кристофа, если не зацветет благородное тисовое дерево.

При словах о тьме и Кристофе перед глазами пронеслись события с праздника его матери. Сразу забил озноб нехорошего предчувствия.

— Но как ему помочь?

— Ты знаешь, что делать. Я тебе уже всё показала.

Дикий будоражащий душу вой протестом вклинился в наш разговор.

— Что это? — дернувшись, спросила я у девушки.

Она медленно повернулась лицом к арке.

— Это его демон, — словно пушинка на ветру, она подлетела ко мне близко. Шепотом, словно нас кто-то может подслушать, произнесла: — Если Морок захватит его — беги. Ты будешь первая, чьей крови он возжелает.

И в подтверждении её слов, ужасный вой, пронзительный и угрожающе-жалобный затянулся так, что показалось, невидимая когтистая лапа проникла в тело и душу, и безжалостно, медленно, жестоко рвала на части изнутри.

Девушка отступила от меня на шаг, покрываясь ярким свечением, она преобразилась в деву из моего сна: облаченную в шкуры и с маской рогатого животного, укротительницу массивного зверя. Новый сильный поток света пронзил её тело, заставляя мои глаза зажмуриться. Когда я открыла веки, возле меня никого не оказалось. Только я, лес и арка, за которой скрывается демон Кристофа.

Глава 13

Я пряталась за шторой, всматриваясь в уличный пейзаж. Окна кухни как раз выходили на главный двор, по которому медленно прохаживался маг-перевертыш. Помимо наблюдения за мной в его обязанности входило пропускать рабочих через силовое поле.

После случая с ночными заигрывания Эрика, Кристоф хоть и поверил ему, а не мне, но всё же запретил магу заходить в дом, сужая диапазон слежки до двора. С одной стороны, я была этому рада — теперь новый ухажер не достанет меня. А с другой — моя клетка стала ещё тесней.

— Больше она ничего не говорила? — спросила Мариса о произошедшем в лесу.

— Нет. Я тебе всё рассказала.

Мариса замолчала, обдумывая мой рассказ.

— Теперь понятно, откуда у него такая сила...

— Да ничего не понятно, — встревожено перебила её, — что теперь делать? Да и делать ли вообще что-то? Можешь, пустить все на самотёк?

— А как же демон, который захватит Кристофа? Тебе же это баба сказала, что он захочет твоей крови.

— Не захочет, если меня с ним рядом не будет.

— Но для этого нужно удрать отсюда подальше, а ты не можешь даже во двор выйти.

— Могу, но с Эриком сталкиваться не хочется, — я задумалась, и в голове забрезжила идея.

— Знаешь, а я придумала, как от него избавиться, — предложила Мариса, — Давай дождемся, пока он превратится в кошару, а потом я его сожру. Не, ну а чё? Он в плечах не сильно крупный, думаю, проглочу как-нибудь.

Он смеха у меня даже закололо в боку.

— Мариса, ты прелесть... Но, может, не стоит его есть, может, можно сыграть эту карту по-другому?

— О чём ты?

Я иду в свою комнату и осматриваю гардероб, выбирая вещи для нужного образа. Слишком откровенно одеваться нельзя — иначе это может спровоцировать у Эрика бурную реакцию. Но добавить в одежду немного огонька не помешало бы.

Через пару минут, я стояла в укороченной кожаной куртке, надетой поверх повседневного платья с декольте, выгодно подчеркивающим высокую грудь. Волосы собрала на затылке в тугий хвост, выставляя напоказ тонкую шею.

— Сдается мне, не я сегодня перевертышем ужинать буду, а ты им. Ты что задумала?

Отвечаю, нанося румяна на лицо.

— Эрик сказал, что я ему нравлюсь...

— Он сказал, что хочет тебя сожрать. Нравиться — это совсем другое, — поправила меня Мариса.

— Это незначительные детали. Я подумала, что если у него опять возникнет желание пообщаться со мной поближе...

— «Общаться»? Это называется по-другому.

Меня перекривило от её слов.

— Неважно. Так вот, если он подберется ко мне поближе, ты сможешь стащить у него ключи.

— Я?! Ни за что. Чтобы он меня захотел сожрать?

— Мариса, пожалуйста. Ты — моя единственная надежда.

— А может, ну его, этого кошару? Может, как-то через Кристофа получится договориться?

От воспоминания о вчерашнем вечере неожиданно перехватило дыхание, болезненно, будто от удара в область груди. Кристофу я не нужна, и он это отчетливо показал своим недоверием. У него свои странные мотивы, и договориться с ним не получится.

— Нет, Мариса. У него идея о сильном потомстве превыше всего. К тому же, если Ясна права, то у меня немного времени осталось. Вчера демон захватил Кристофа, и он чуть не убил того мужчину. Завтра на его месте могу быть я. Сбежать, используя Эрика — единственный вариант.

— Хорошо, я попробую у него стащить ключ.

Я, торопясь, вышла на улицу, отмечая, что сразу попала в поле зрения своего надсмотрщика. Как верный пёс он шел за мной следом на расстоянии десяти метров.

Дорога петляла, открывая великолепные пейзажи осеннего леса. Чем дальше мы отходили от Ясного Утеса, тем меньше попадалось на пути рабочие. Дорожка стало совсем узкой — видимо, не так часто сюда кто-то забирался. Впереди был только барьер. Тревога лихорадила моё сердце, но я старалась не выказывать волнения.

— Дальше идти некуда, синекровая, — рычащим голосом произнес перевертыш.

Я понимала, что должна как-то обозначить свой интерес, чтобы он захотел подойти ближе. Но максимум, что смогла сказать приятного:

— И без тебя знаю.

В этот момент, стало ясно, что идея пошла крахом — я не смогу переступить через себя, играя на его симпатии.

Развернувшись обратно, я напарилась к замку под его пристальным взглядом. Меня легонько потрясывало от отвращения, хотя внешне его можно было назвать даже симпатичным. Отталкивала личностная неприязнь.

Я с ним поравнялась всего на секунду, и этого было достаточно, чтобы маг обхватил меня сильными руками и прижал к себе.

— Всё-то она знает. Ты зачем меня сюда завела, синекровая? — его противный голос звенел возле моего уха.

Я попыталась вырвать, но ничего не вышло.

— Никого я не заводила, ты... — оскорбление застыло на моих губах, когда я почувствовала, как Мариса осторожно сползает по моей руке в карман Эрика.

— Я схожу с ума от твоего запаха. Раньше, ты меня так не волновала, синекровая.

Мариса ухватила зубами за торчащее из штанов ушко ключа. Ещё немного — и он будет у нас.

Эрик поцеловал мою шею, я противно скривилась, словно произошло самое мерзкое, что могло случиться в жизни.

Клацнув зубами и вернувшись в рукав, Мариса вложила ключ в мою ладонь. Со всей силы я ударила Эрика затылком по переносице. Он вскрикнул и схватился за нос, из которого потекла кровь. Освободившись, я побежала сломя голову к барьеру, чтобы выбраться за ограждение. Если я перейду его, то Эрик, оставшись без ключа, не сможет меня достать.

Свобода была совсем близко, когда сильные кошачьи лапы повалили меня на землю лицом в грязь. Ключ свалился в траву, всего в нескольких метрах от свободы.

Мгновенно преобразившись в человека, он перевернул меня лицом к себе, прижимая к земле весом своего тела. В его глазах горело дьявольское пламя. Мне стало очень страшно.

— В этот раз ты не убежишь от меня.

— Отпусти!

— А если не пущу?

— Кристоф с тебя шкуру живьем снимет!

— Не снимет, он тебе не поверит. Мы уже это проходили, — он смаковал каждое слово.

Но удача ускользнула из его рук.

— Мне, может, и не поверит. А как насчет свидетелей?

Двое рабочих почему-то прогуливались по лесу. Я была несказанно благодарна этим ребятам. Они уже стали обращать на нас внимание.

Сверкая злым взглядом, Эрик отпустил меня. Встав на ноги, я побежала к спасительному замку.

Я забежала внутрь и оперлась о стену, переведя дыхание.

— Если бы у меня были ладоши, я бы похлопала, — парировала Мариса. — Тебе нужно дать награду за самое художественное падение.

— Твои идеи не лучше. Одно заколдованное печенье чего стоило.

— С печеньем всё было отлично. Кто же знал, что ты жалостливая.

— Всё равно — это было неправильно!

— Знаешь. Разбирайся со своими ухажёрами сама. Мне абсолютно все равно, где ты живешь и как. Моральный аспект меня не интересует, главное, чтобы тело было здорово.

Она обиженно сползла с моего плеча и поползла в направлении строительных работ. Хоть я и злилась, мне не хотелось, чтобы с ней что-то случилось на реставрации. Я последовала за ней.

В молчании мы почти дошли до главного зала, но у парадных дверей наткнулись на Альберта.

— Добрый день, фрау Йенсен.

— А добрый ли он? — прыскала ядом Мариса, всё ещё кося на меня взгляд.

Видимо профессор почувствовал наши трения и немного замялся.

— Профессор, — начала самка питона, — а что вы знаете о демонах?

— О! Это один из моих любимых вопросов. Есть теория, что много миллионов лет назад магический импульс, создавший нашу вселенную...

— Нет, профессор. Так далеко мне не надо. Давайте вообразим, что в человека вселился демон. Как его достать?

— Это невозможно.

— Почему? — вклинилась я в их разговор.

— Демоны не существуют. Они исчезли, как и динозавры.

— Но, если допустить, что такое возможно. Есть ли у вас какая-то теория как освободить человека от демона?

— Знаете, в 1932 году в одном шотландском городке, произошел интересный случай. Один рыбак утверждал, что его захватил демон. Его бы сочли за сумасшедшего, если бы сила его магических способностей не возросла до невероятных высот.

— И что произошло дальше?

— Собрался консилиум. Его начали наблюдать. Временами личность демона захватывала его, а иногда возвращался и сам носитель. Это было нереальное открытие. Жаль, что мне не удалось застать его.

— Почему? — спросила я замороженная информацией.

— Ему удалось сбежать, и на первом же перекрестке он попал под колеса грузовика. В заключении написали, что страдал шизофренией. Абсурд! Я уверен, что там было настоящее подселение.

— А этот человек не говорил, почему этот демон попал именно к нему?

— Он говорил, что случайно потревожил какую-то реликвию, и теперь демон проснулся и хотел заполучить его тело. Из этого я сделал вывод, что демоны не могут существовать в нашем мире в истинном облики.

— Значит, вы не знаете, как освободиться от демона?

Альберт потер свою лысину, явно озадаченный моим вопросом.

— Есть только теории. Если хотите, у меня есть большая библиотека трудов на тему демонологии. Могу вам их принести.

— Я бы хотела на них взглянуть, — отвечаю профессору.

— Хорошо. Завтра подберу вам пару диссертаций, — Альберт явно обрадовался моим интересом к его работе.

Окрыленный, он скрылся из виду. Мариса озадаченно посмотрела на меня.

— Что? — спросила у фамильяра.

— Вот это правильный подход. Не бежать от проблемы, а решать её. И, между прочим...

Чувствуя, как тьма заволакивает мой взор, а рецепторы словно переносятся в другую реальность, а пробормотала:

— Тише. Ничего не говори. Грядет видение.

Прорываясь сквозь блокаду журналистов, которые то и дело норовили урвать от Кристофа хоть единственный комментарий, он зашел в палату сената. Это было достаточно странно. Ранее здесь заседали только особы голубой крови. После революции над зданием подняли флаг оппозиции, и здесь уже были только простые маги.

Теперь же зал был переполнен представителями противоборствующих сторон. Косые взгляды то и дело летали от одной группы оппонентов к другой. В помещении чувствовалось плохо скрытое раздражение и неприязнь. Будто кошку с собакой закрыли в одной комнате и заставили принимать законы.

Клара шла где-то позади, на ходу проверяя речь Кристофа. Сегодня он будет выступать на трибуне впервые после возвращения королевы, журналистов допустят в сессионный зал для трансляции по телевидению. Война за избирателей шла не шуточная.

Пробежав взглядом по толпе людей в деловых костюмах, Кристоф заметил своего старого знакомого Ханса. Помня об интервью по телевизору, он не мог ни подойти поздороваться:

— Добрый день, герр Ларсен. Приятно видеть знакомые лица в стенах моей обители.

Кристоф не предложил руку для рукопожатия, ещё раз подчеркнув своё отношение.

— Добрый, герр Йенсен. С нетерпением жду вашего доклада.

— Кто бы сомневался, — Кристоф отошел от Ханса, но внутренняя личина не смогла себя не проявить. — Кстати, моя супруга передавала вам привет, — от этих слов Ханс побелел. Наслаждаясь его реакцией Кристоф продолжил: — Она хотела с вами лично поговорить. Но раз вы выразили своё беспокойство о её пропаже публично, она ответит вам тоже перед лицом общественности. Так, чтобы ни у кого не осталось больше сомнений, кто её муж, а кто монстр, предавший её ради карьеры.

Кристоф посмотрел на часы.

— Мне пора. Меня ждет доклад.

На волне эйфории Кристоф начал подниматься по лестнице, на которой столпилось ещё сотня политиков. Как его передернуло — Ив наблюдает за ним! Он растерялся и не знал, что делать. Сбежать не мог — он был в центре внимания, но и выдавать себя нельзя. Он поднял голову и начал рассматривать потолок, шторы на окнах — да всё, что угодно, лишь бы обесцветить окружающий мир. В него то и дело врезались те, кто торопился в сессионный зал. Пока его не одернули так сильно за руку, что он не смог не обратить на это внимание.

— Кристоф, что с тобой? Ты словно не в себе, застыл как статуя, — Клара стояла и смотрела на оппозиционера, а Ив видела её.

— Клара, чёрт! Как ты не вовремя! — прорычал Кристоф.

Но было уже поздно. Где-то в глубине громко смеялся Морок, который специально не предупредил хозяина о приближении видения.

Я видела, что незнакомец находится среди толпы. Не знаю почему, но в этот раз он позволил мне взглянуть на момент своей жизни без ужимок и скрытости. А присутствие Клары — девушки, которая работает вместе с Кристофом, доказывало, что он вертится в высших политических кругах. Стало ясно почему, он не хотел со мной встречаться и сторонился эти годы — он один из оппозиционеров, который не хочет марать свою репутацию связью с такой, как я. Сегодня я ждала Кристофа как никогда. Наконец, в половине восьмого вечера легонько скрипнула дверь на кухню, и появился мой «законный супруг».

— Как прошел день? — решила первая нарушить молчание.

— Хорошо.

Кристоф даже не посмотрел мне в глаза. Меня кольнула нотка ревности, но я тут же прогнала внезапно возникшее необоснованное чувство. Ужинали в тишине. Мне хотелось у него расспросить про сегодняшний день, о Кларе и о том человеке, который был рядом с ней, но не знала с чего начать.

— А ты сегодня видел Клару, ту девушку с дня рождения твоей матери?

Кристоф подавился и начал откашливаться.

— Наверное. Сегодня было много людей вокруг, всех не помнишь.

— Но она же твой секретарь. Как ты мог её не замечать?

— Она всегда рядом, как серая мышка. Очень удобный человек, незаметный.

Я замолчала. Он заводил разговор в тупик.

— А ты не мог бы организовать нашу встречу. Мне нужно у неё кое-что узнать.

— Спроси у меня, может, я тебе помогу.

Растерявшись, я не знала, что ответить.

— Это личное, женские секреты. Ты не поймешь.

— Нет. После этого ты просто обязана мне сказать, что у тебя за тайна. У супругов не может быть секретов друг от друга.

Глаза Кристофа блестели в яростном азарте.

— Я не могу тебе сказать... иначе не получится сюрприз.

— Ладно, я подумаю. Что мне за это будет?

Хитрец не мог просто так упустить такой возможности. Скрепя сердцем я произнесла пораженческую фразу:

— Что ты хочешь?

Даже слепой заметил бы сияющее и преисполненное удовольствием выражение лица Кристофа.

— Ночь в моей постели.

От его наглости Мариса выползла на плечо с открытым ртом.

— Это невыносимо! Ты что себе позволяешь, извращенец! — впервые выступила змея с прямым протестом.

Кристофа изменился в лице — теперь на нём явно читались неприкрытое раздражение и ярость. Он встал с места, так быстро схватил Марису за голову, что ни я, ни она не успели даже понять, что произошло. Змея вилась в его руках, как дождевой червяк.

— Кристоф, не надо!..

Я осеклась — он посмотрел на меня так, что застыла кровь в венах — в его взгляде я увидела демона.

— Сиди! Мы сами разберемся.

Я следила за происходящим, готовая кинуться в защиту фамильяра — если её жизни будет что-то угрожать — в любой момент. Мариса крутилась и вырывалась, пока Кристоф не достал из шкафа глубокую кастрюлю и не посадил туда самку питона, накрыв крышкой.

— Выпусти меня, негодяй! Я буду жаловаться в профсоюз защиты фамильяров!

Она пыталась открыть крышку, но Кристоф замкнул её магией.

— Ты была плохой девочкой, Мариса. У тебя слишком дрянной язык. Ты должна извиниться, — уже беззлобно, но с издевкой и какой-то грустью тихо ответил Кристоф.

— Ни за что!

— Тогда придется тебя наказать.

Он поднял на небольшую высоту кастрюлю и со стуком поставил её на место.

— Вот я и попробую, какие змеи на вкус. На плиту я тебя уже поставил, осталось разжечь огонь, — говорил Кристоф с мальчишеским озорством.

— Что? Я тебе не верю, — с сомнением ответила Мариса.

Кристоф взял с полки зажигалку и намеренно громко щелкнул ей, так, что змея это слышала.

— Хорошо горит огонек, сейчас разожгу плиту. Точно не передумала?

— Не-е-ет, — с беспокойством ответила Мариса.

— Значит, подарю Ив нового фамильяра. Такого, чтобы знал свое место. Сейчас начнет нагреваться.

— Ив! Ив! Спаси меня! — заметалась змея в кастрюле. — Этот гад околдовал тебя, почему ты ему не помешаешь?! Как же здесь жарко! Мне уже дышать нечем!

Хоть мне было жаль Марису, я начала смеяться. Даже Кристоф с трудом сдерживался, чтобы не разоблачить свой обман.

— К черту! Прости меня, Йенсен! Выпусти меня!

— А поласковой?

— Прости меня, пожалуйста, — раздался виноватый голос из кастрюли.

— Скажи, кто твой папочка? — издевался Кристоф.

Хватаясь за бок от беззвучного смеха, я еле удержалась на стуле.

— Ты мой папочка.

Мы с Кристофом взорвались хохотом до слёз, и Мариса, наконец, поняла, что мы её разыграли.

— Чего вы смеетесь? — она высунула голову, на которой крышка застыла, как шляпка. Мы с Кристофом не могли вымолвить ни слова, лишь хохотали так, что рисковали вывихнуть челюсти. Мариса увидела, что кастрюля стоит на столе и взвилась:

— Ах, ты ж...

Кристоф красноречиво щелкнул зажигалкой перед носом змеи, напоминая о возможных последствиях её необдуманных слов. Мариса обиженно зашипела:

— Ничего-ничего, будет и на моей улице свадьба... — и сползла со стола, гордо удалившись из столовой.

— Зачем ты так с ней? — я уже успокоилась и вытерла слезы.

— Должна знать своё место. Ты её разбаловала.

Я не стала спорить, ведь он прав.

— Так что насчет моего предложения?

— Я не буду с тобой спать и тем более...

— Что «тем более»?.. Скажи это.

— Я не буду заниматься с тобой сексом, — говорю ему с вызовом.

Кристоф медленно подошел и, облокотившись на стол и спинку стула, навис надо мной.

— Я не занимаюсь сексом по принуждению, — я вбирала с себя каждое его слово, — я предлагаю провести ночь рядом со мной. Пока что это моё единственное желание.

Я нервно сглотнула вязкую слюну, чувствуя, как мои щеки горят адским пламенем.

От отошел от меня и направился к выходу из кухни. Ошарашенная, я молчаливо следила за ним. В дверном проходе он остановился и ещё раз посмотрел на меня.

— Это предложение действует только сегодня. Дверь в мою комнату для тебя никогда не заперта.

Я тихонько вошла в свою комнату, где обиженная Мариса распласталась на кровати, гордо отвернувшись к стене.

— Предательница!

— Мариса, ну прости. Но ты действительно перегнула палку — Кристоф был в чем-то прав. И я не предательница, я следила, чтобы он не причинил тебе зла.

— Вы надо мной смеялись. А я тебя защищала, — с горечью произнесла змея. Я села рядом с ней и ласково провела по блестящей чешуе. Мариса дернулась, откидывая мою руку. — Не друг ты мне больше!

— Прости. Я больше никогда не дам ему над тобой смеяться. Даже готова постоять за твою честь, — скрыть, что меня все ещё веселила сцена в столовой, получалось плохо, но я старалась говорить серьезно.

— Правда?

— Честно. Только не обижайся, ты же у меня одна осталась.

Довольная моим признанием, Мариса оттаяла и обвилась вокруг запястья.

— Ладно, прощаю. Что ты будешь без меня делать? Совсем погибнешь между своими мужиками. Я же одна у тебя такая прелесть.

— Это точно.

Я откинулась на кровать, уставившись на хрустальный светильник и прислушиваясь к своим желаниям: одна часть меня хотела принять предложение Кристофа, другая категорически протестовала.

— И что ты решила насчет Кристофа? — даже Марисе это не давало покоя.

— Я в замешательстве.

Время то стремительно несло, то мучительно тянулось, но к началу одиннадцатого я решилась. В его спальне было темно, дотлевающие угольки были единственным источником света. Я мечтала, чтобы к моему приходу Кристоф крепко спал, я бы тихонько прилегла с краю и до утра осталась бы незамеченной. Сначала всё шло по плану. Кроме размеренного дыхания мужа не было ни одного звука. Я тихонько сняла халат, оставшись в ночной рубашке, и осторожно прилегла на край. Кровать предательски заскрипела.

— Пришла всё-таки, — произнес Кристоф.

Я вздрогнула от неожиданности, когда он сгреб меня в охапку и прижал к себе.

— Без рук, пожалуйста.

Попробовала от него отодвинуться, но вышло только скомкать одеяло — он меня не отпустил.

— Про руки в уговоре ничего не было. Про секс помню, — прошептал мне на ухо, и по телу разлилась волна легкого возбуждения, ... — про руки — нет.

Я чувствовала каждый удар его сердца, и моё билось с ним в унисон. Дыхание Кристофа обжигало кожу, делая объятья ещё жарче. Сон как рукой сняло. Да и как тут можно было уснуть, когда тебя так ласково обнимают? Я замерла, боясь пошевелиться.

Почти невесомый поцелуй коснулся моей шеи. Это было так неожиданно, что я шумно глубоко вдохнула, выдавая своё удовольствие. Не оставив это без внимания, Кристоф поцеловал меня ещё раз, но уже увереннее и настойчивее. Повернув к себе лицом, страстно одарил мои губы нежностью. Я не сопротивилась — я наслаждалась. Как бы стыдно это не было признавать.

Его ладонь скользнула по моему плечу, будоража тело. Он осторожно прикоснулся к моей коленке, проводил пальцами по бедру. Он искал границы дозволенного. К несчастью, они у меня ещё были:

— Кажется, у нас совершенно разные представления о фразе «ночь в моей постели».

Я едва видела его лицо — он улыбался.

— Видимо, да.

— Я обычно ночью в постели сплю. А ты что под этим подразумевал, когда позвал меня?

— Помимо разных... шалостей? Бывает и сплю.

От слова «шалости» я нервно хихикнула.

— Спокойно ночи, Кристоф, — я немного отодвинулась от него.

— Сладких снов, — он легонько коснулся губами кончика моего носа.

Ещё немного мы лежали лицом к лицу, пытаюсь рассмотреть размытые темной силуэты друг друга. Я часто заморгала, но скоро сон сморил меня.

Так крепко я не спала ещё никогда в жизни. Когда наступило утро, Кристофа уже не было. Я этому была даже рада. Наши столкновения приобретают неожиданные повороты. Его невозможно предугадать и чертовски сложно остановить.

Надев халат, я вернулась в свою комнату. Здесь совсем ничего не изменилось: кровать, комод, прикроватная тумбочка... В углу — зеркало во весь рост, декорированное ковкой. Но стоило мне взглянуть на него, как меня одолел страх.

На зеркальном полотне грязью было написано «Синекровая», а чуть ниже — следы от огромных кошачьих лап.

— О! Ты уже вернулась? — как ни в чем не бывало в комнату заползла Мариса. — К тебе гость ночью заходил. Я спряталась в подушках и не дышала, чтобы он меня не прибил. Видимо, он сильно огорчился, когда не нашел тебя в постели.

— Эрик?

— Да, этот блохастый! Походу, умом совсем тронулся. Я не стала ничего здесь трогать, чтобы ты смогла это показать Кристофу. Чтобы он вышвырнул этого гада.

Я схватила в ванной первое попавшееся полотенце, намочила его и принялась быстро стирать оскорбительную надпись.

— Ты что творишь! С ума сошла! — возмутилась змея.

— Это не поможет. Даже если я покажу надпись, Кристоф мне не поверит. К тому же Эрик скажет, что поймал меня при очередной попытке к бегству.

Со всей злостью, на которую была способна, я стирала буквы, представляя, как буду душить Эрика этим же полотенцем. Через считанные минуты зеркало снова засияло. Мариса следила за мной, но влезать не стала.

— Какая у вас страшная вражда.

Я вытирал псише насухо, когда услышала за спиной женский голос:

— Так вот чем занимается в своем замке фрау Йенсен! Тяга к чистоте — это всегда похвально.

Вальяжно в мою комнату вошла Клара. Я не ждала гостей, но встреча с ней меня взбодрила.

— Кристоф сказал, что ты зачем-то хотела со мной поговорить. В детали не вдавался. Вот я и пришла. Что тебе от меня надо?

Смущенная её дерзким тоном, но я все же спросила:

— Ты вчера была с Кристофом на каком-то большом собрании.

— Да, Кристоф выступал с докладом сенате. А что?

— Ты задержалась на лестнице с одним человеком, он что-то тебе сказал. Кто это был?

— Лестница?.. Человек?.. Не помню, людей было много. Мало ли, кто мне что сказал. Как он выглядел?

Я запнулась, не представляя, как ответить на вопрос.

— Я не знаю.

Клара странно на меня посмотрела, но в подробности вдаваться не стала, прошла по комнате, рассматривая интерьер.

— Ты любишь Кристофа? — её вопрос застал меня врасплох и заставил вздрогнуть.

— А тебе это зачем?

— Может, мне есть, что тебе рассказать. Но всё зависит от твоего ответа и того, умеешь ли ты хранить тайны.

С дерзостью смотрю в её глаза.

— Не люблю.

— Я так и думала, — она подошла ко мне ближе и шепотом произнесла, — Ханс Ларсен хорошенько прижал Кристофа, и чтобы выпутаться, ему нужно, чтобы ты дала опровергающее интервью... Хочешь развод? У тебя появились сильные рычаги давления. На кону выборы и репутация Кристофа... Подумай над этим.

Но мои мысли были о другом. Клара настолько сильно хотела заполучить Кристофа, что была готова рисковать своими идеалами и его расположением? Стало не по себе.

— Я подумаю.

Немка направилась к двери, но возник вопрос, на который я должна была получить ответ:

— Клара, — она обернулась, — Он ведь тебя не любит. Зачем ты это делаешь?

— Зато я его люблю. Мне этого достаточно.

Цокая каблуками по почти отреставрированным лестницам, Клара вышла на улицу. За спиной остался Ясный Утес и живущая в нём соперница. Её корбило в присутствии Ив, и если бы не личная просьба Кристофа, она бы ни за что не переступила порог их дома.

Монотонная музыка послышалась в глубине сумки. Немка начала рыться в поисках источника звука. На мониторе высветилось знакомое имя, прочитав которое Клара нежно улыбнулась.

— Да, Кристоф. Я уже возвращаюсь в офис.

— Ясно. Что говорила Ив?

Клара немного скривилась, услышав её имя с уст Кристофа.

— Как ты и предупреждал, спрашивала о лестнице и каком-то мужчине. Я сказала ей, как ты велел.

— Хорошо. Ничего лишнего не сболтнула?

Легкий страх уколел Клару, но она ответила:

— Нет. Сделала всё, как ты хотел. Она ещё про какой-то невнятный сюрприз говорила, но я не поняла толком, что она имела в виду.

— Понятно.

Глава 14

Радостные чувства просто выплескивались из меня. Я едва сдерживалась, чтобы не рассказать о разговоре с Кларой, но немку не хотелось подставлять. Кристоф сидел напротив и почти разделался с остатками ужина.

— С тобой сегодня что-то не так.

Мой цветущий вид не остался мужем незамеченным.

— Да так, настроение хорошее. А ты, наоборот, какой-то грустный. Проблемы на работе?

Кристоф напрягся, подтверждая слова Клары.

— Нет. Всё в порядке.

— Разрешился вопрос с моим похищением? Или журналисты всё ещё достают тебя, дорогой?

Кристоф отложил приборы и облокотился на спинку стула. Он хитренько улыбался.

— Кто тебе рассказал?

— О чём? — говорю невинным голосом.

— Обо всём.

— Если ты про газетчиков, то эта тема поднималась ещё на дне рождения твоей матери... Так что, всё утряслось?

— Не совсем. Нужно, чтобы ты дала официальное опровержение.

— Что мне будет за эту ложь?

— Миллион моих страстных поцелуев, — вгонял меня в краску Кристоф.

— Маловато будет. Ещё какие-нибудь предложения?

— Могу предложить что-то погорячей простых поцелуев, — и в доказательство своих слов, он потянулся ко мне через стол. Испуганная его напором я выставила вперед вилку, на что Кристоф улыбнулся, но на своё место всё же вернулся.

— Что ты хочешь? — спросил уже серьезно.

— Развод.

На его лице появилась тень злости.

— Нет. Развод я не дам.

— Значит, от меня не жди опровержения. Сам разбирайся со своими избирателями и со своими рейтингами. По доброй воле я ничего говорить не буду.

Он снова будто выпал из беседы, и я забеспокоилась, что им опять овладеет демон.

— Откуда ты знаешь про рейтинг?

— В смысле? Это же очевидно. Раз на тебя поласкают все газеты, то у тебя падает рейтинг, — начала я выкручиваться из щекотливой ситуации.

— Н-е-т. С моим рейтингом всё нормально. Он ни капельки не упал по официальной версии. Как минимум три крупных издательских донора следят за информационными данными, корректируя их. Это мог знать только человек, который втянут в политические игры... Клара меня опять подставила?

— Нет! Я узнала об этом от рабочих, слышала обрывки фраз!

Стала защищать своего информатора, но было уже поздно.

— Я с ней сам разберусь... Спасибо, что помогла вывести её на чистую воду.

От его тона стало немного жутко.

— Она здесь ни при чём... — начала я, но Кристоф молча встал и вышел с кухни.

В душе осталось неприятное чувство от осознания того, что опять всё испортила, и оставшуюся половину вечера я провела в своей комнате. И даже Мариса, острая на язык, сегодня молчала.

Я перелистывала одну за другой диссертации Альберта Гуттенберга по демонологии. Информации было не так уж много, больше теоретических размышлений на эту тему. По их археологическим находкам ученые выяснили, что древние люди представляли демонов богами. Демонов боялись, чтили и боготворили. Они появлялись перед древними племенами в виде животных и людей. Для того чтобы задобрить демона, им делали подношения в виде даров и приносили жертвы. Тяжело было задобрить суровый нрав бога, который изначально был исконно злым. Да и по естеству своему большинство демонов несли только смерть и разрушение. Гибель одного человека или племени не шли ни в какое сравнение со стычками между самими демонами — среди них тоже велась суровая вражда.

Устав от чтения сухой научной литературы, я переключила внимание на монографию. Она состояла из фотографий, сделанных на раскопках, с небольшими примечаниями автора. Изображения завораживали и пугали. На них были наскальные рисунки, подобные тем, которые я видела в катакомбах, предметы быта и ритуальная атрибутика, а на снимках могильников хорошо просматривались окаменелые тела тех, кто стал даром для кровожадных богов.

Я перевернула страницу и встрепенулась. На ней был камень, как из моего сна — тот самый, с непонятными письменами, что исчезал и создавал разлом, в который свергся волк. Подпись по фото гласила: «Ритуальный жертвенник. 100100 лет д.н. э. Найден на раскопках под Жгаричем. Предположительно выступал в качестве атрибута ритуального обряда. Единственное сохранившееся фото, был потерян во время транспортировки в Тихом океане».

— Мариса, посмотри! Этот камень похож на тот, который я видела во сне.

Змея лениво подняла голову и посмотрела на картинку.

— Да-да, похож. Хорошо, что мы видим с тобой одинаковые сны, — зевая, добавила самка питона.

— Значит, вот о чем говорила Ясна. Она показала мне этот обряд в моем сне. Вот бы ещё понять, как к нему относится Кристоф со своим демоном.

— Может, ему нужно обернуться волком, а ты сядешь сверху, и вы оба бабахните в огненную пропасть?

— Твои идеи, как всегда, гениальны.

Слабое свечение, похожее на светлячка, промелькнуло перед глазами. Оно навязчиво крутилось вокруг меня, наворачивая круги под потолком.

— Мариса, что это?

— Где? — она непонимающе уставилась вверх.

— Но вот же. Он сел на люстру.

— Ив, тут ничего нет.

— Но я его вижу, — букашка пронеслась мимо меня, замерла у двери спальни, будто в ожидании, и скрылась за дверью. — Пойдем за ним.

Змея обернулась вокруг моей руки татуировкой, и я поспешила за огоньком. Он ждал за

дверью и, едва я вышла, повел меня в разрушенную часть замка. Здесь уже было темно, но я шла за маячком, не отставая. Когда мы повернули за очередной угол, огонек пропал за стеной.

— Погуляли и хватит, — произнесла Мариса.

— Нет. Я, кажется, узнаю это место.

Наощупь я нашла два настенных подсвечника и с усилием потянула на себя. Память мне не изменила — это был тот самый коридор, в котором находился спуск в катакомбы. За раздвинувшейся дверью ждал светлячок, он стал ярче и освещал мне путь. Я спускалась в подземелье, удивляясь, почему Кристоф не заколотил вход в тоннель.

— Ты уверена, что это хорошая идея? — сомневалась змея. — Может, стоит вернуться и рассказать всё Кристофу?

— А может, это знак, и кто-то помогает мне сбежать отсюда? Нельзя упускать такой возможности!

В этот раз мы вышли на воздух гораздо быстрее. За спиной величественно и загадочно возвышался Ясный Утес, гордо восседая под голубым куполом. Его покрытие собирало дневной свет и ночью, отдавая его. Окружало замок аурой таинственности и мистики.

Проводник подвёл меня к магическому барьеру и растворился в нём, ослепительно вспыхнув.

— Всё. Сдохла птичка, — отозвалась Мариса.

Я подошла ближе рассмотреть, вдруг вспышка уничтожила или хотя бы повредила барьер и я смогу за него выйти. Но нет, барьер был цел. Я уже собралась вернуться в замок, но вдруг вздрогнула от до боли знакомого голоса:

— Ив, не уходи.

Ханс стоял с другой стороны барьера, и мне удалось его хорошенько рассмотреть: похудел, уставший вид, под глазами чёрные круги.

— Ханс... ты плохо выглядишь.

— Некому обо мне позаботиться, — он грустно улыбнулся. — А ты выглядишь хорошо.

— Спасибо... Ты пришёл за мной? Ты можешь убрать барьер?

Ханс смутился и замялся:

— Я... не могу. Я не такой сильный, ты же знаешь, — начал оправдываться, — но ты можешь помочь мне, Ив. Ты узнала, откуда у Йенсена настолько сильная магия? У него может быть сильный амулет или...

Сердце будто сдавило ледяной рукой, по телу прокатилась волна крупной дрожи. Ханс продолжал делиться догадками о силе оппонента, добавляя эмоциональных выражений в его адрес, а я смотрела на него и понимала, что он стал совсем чужим. Ему не нужна была я — Кристоф Йенсен уже давно стал для него главной целью. Ему не нужна любимая, ему нужен информатор.

— Ты меня любишь? — спросила дрожащим голосом.

Ханс запнулся, и эта незначительная заминка на секунду уже была ответом на мой вопрос.

— Конечно, люблю. Что за вопрос?

— Тогда почему ты подписал документы на развод? Почему разрешил забрать меня?! Почему не делаешь ничего, чтобы освободить меня?! ПОЧЕМУ, Ханс?!

— Ив, я же тебе говорил...

— Предатель! — я в ярости схватила камень и швырнула его в Ханса. Он отлетел от барьера, но этого достаточно, чтобы заставить его отойти дальше. — Проваливай! Не желаю знать тебя!

— Успокойся, я понимаю, как тебе тяжело...

Новый булыжник с грохотом врезался в барьер напротив лица Ханса.

— К черту твое понимание!

Я швыряла в него камни, находясь на грани истерики. Но больше всего бесил сочувствующий взгляд Ханса, в котором не было любви. Хотелось стереть с его лица этот взгляд. Я поискала глазами камень побольше, подняла, взвесила в руке и швырнула...

...неожиданно попав ему в лоб и сбивая бывшего супруга с ног. Я испугалась, что убила его, и бросилась к нему, но едва заметная дымка барьера, вдруг пропавшая на секунду, уже вернулась, и я снова уперлась в невидимую преграду.

— Хороший бросок, — из зарослей вышел Кристоф.

Застонав, Ханс поднялся, держась рукой за кровоточащую рану.

— Прости, Ларсен, рука как-то сама дрогнула, и барьер исчез, — невинно развёл руками Кристоф и обратился ко мне: — Пойдём домой, дорогая. Вечерняя прогулка и так была... слишком познавательная и малоприятная для тебя, — его взгляд, обращённый на меня, горел настоящим сочувствием и любовью — разница была очевидна. И от этого хотелось швырнуть камень и в лицо Кристофа. Он смотрел на меня широко распахнутыми глазами, и в них будто отражалась та боль предательства, что я чувствовала сейчас. Его мягкий голос успокаивал, но твёрдый тон был адресован Хансу: — Тем более твой ночной гость уже уходит, — на секунду стало страшно за жизнь бывшего мужа. Мне казалось, что, не сводя взгляда с меня, Кристоф испепелил взглядом Ханса.

— Ив, я могу всё объяснить! — кричал Ханс.

Я не стала ждать, пока демон вновь овладеет Кристофом. Взяв его за руку, я быстро пошла прочь от барьера и мысленно молила Ханса уйти или хотя бы замолчать, ведь его крики «Ив! Подожди!» остро врезались в спину.

Я надеялась, что Кристоф будет молчать. Я хотела этого. Мне нужно было самой все осмыслить. Но мужское эго взяло над ним верх:

— Всегда считал его размазней и слабаком. Рад, что теперь и ты в этом убедилась.

— Пожалуйста! Замолчи!

Мы уже медленнее шли молча. Я понимала, что раз уж начал, Кристоф выскажется до конца. И, может быть, это к лучшему, может, так им не овладеет демон, и тогда я буду в безопасности. Пусть лучше выговорится. И муж не обманул моих ожиданий. Я лишь усмехнулась про себя, когда он продолжал:

— Не знал, что ты так метко бросаешь. Тебя стоит опасаться.

Я остановилась и повернулась к нему:

— Ну говори уже. Что был прав ты, а я — нет. Скажи это. Я железная, меня можно скрутить, сломать, закрыть в замке, заставить делать, то, что тебе нужно — всё, что ты хочешь. Давай! Пройдись по моему достоинству и самолюбию.

Эмоции переполняли меня. Но и его тоже. Я поняла это, когда он процедил в ответ:

— Не рычи на меня.

— А то — что?

— Иначе я заставлю тебя зам...

В его глазах проскользнул нездоровый блеск. Рывком он притянул меня к себе и

заклучил в объятия. Его губы накрыли мой рот, не давая сказать больше ни слова. Требовательно и настойчиво он терзал мои губы. Казалось, я потеряла себя, превратилась в воздух, и только им муж и мог дышать, но не мог надышаться. Я отвечала ему на поцелуй, но хотела мести. Когда тиски железных объятий немного ослабли, я скользнула руками по его бокам, груди, распалая его желание, коснулась его лица ладонями и...

...впилась ногтями в его шею. Он вздрогнул от боли и отпустил мои губы, но теперь я впилась в его рот, и теперь я задавала тон поцелую. Доставляя ему боль, я целовала его нежно и трепетно, будто хотела показать, какой я могу быть разной, и что не стоит играть на моем терпении — оно уже на грани.

Но боль не позволила Кристофу долго наслаждаться моей настойчивой лаской. Он взял меня за запястья и посмотрел на мои ногти — они были в его крови.

— Ведьма, — прозвучало это спокойно и даже, как мне показалось, с каким-то удовольствием.

— Мерзавец, — так же спокойно ответила я, вложив в это слово всё, что я думала о нём и обо всём, что случилось со мной, когда он появился в моей жизни.

Три дня я пролежала мёртвым грузом в своей комнате, практически не вставая. Мне было настолько больно от предательства Ханса, что весь мир стал для меня бесцветным. На безликом фоне происходящего багровым пятном предательства кровоточило моё сердце. Кристоф иногда заглядывал ко мне в комнату. В такие моменты Мариса говорила, что я приболела и сейчас сплю. Я даже игнорировала обязательные совместные семичасовые ужины. На третий день, не выдержав затворничества и излив последние слезы, я мысленно отправила Ханса ко всем чертям и решила выпутываться из сложившейся ситуации без посторонней помощи. Плана не было, только смутные представления. Но меня подталкивала к действиям напористость Кристофа и осознание того, что скоро демон возобладает над ним и захочет моей смерти.

Чтобы как-то развеяться, я вышла во двор. Усевшись на лавочку, позволила сильному ветру трепать мои волосы. Я хотела поговорить с профессором о фотографии камня. К несчастью, я провалилась во времени и забыла, что сегодня воскресенье, и ни рабочих, ни профессора так и не нашла. Даже мой пылкий муж на сегодня оставил меня в одиночестве. Мне показалось, что вокруг меня вообще никого не было. Но это лишь показалось.

Размеренной походкой ко мне приближался Эрик. Стало немного страшно, вспоминая, как он пробрался ночью в мою комнату и оставил надпись на зеркале. Я обязательно не сдержусь и выскажу всё ему в лицо.

Он грациозно опустился рядом со мной.

— Где ты была всё это время? — он положил руку за спинку лавки, почти обнимая.

Поёжившись, я отодвинулась подальше, но уходить не стала. Я не боялась его и убегать не собиралась.

— Я не твоя жена, дочь или любовница, ничем тебе не обязана и, мне показалось, что в прошлый раз мы всё выяснили. Если ты не оставишь меня в покое, я расскажу Кристофу, и тебе тогда не поздоровится.

Он недовольно поджал губы, но мне не было дела до его чувств. Я сама сейчас переживала не лучший период, чтобы беспокоиться о человеке, который мне неприятен.

— А мне показалось, что ты хотела убежать от своего тирана мужа и получить долгожданную свободу. Хотя, раз дело обстоит именно так, то думаю, и я тебе не нужен. А жаль, я знаю отличный выход из твоей ситуации.

Он встал с места и направился в обратном направлении.

На моем теле нервно заерзала Мариса, предупреждая об опасности. Но наживка Эрика так манила, что я не могла не спросить.

— Эрик, простой!

На его хитром лице было написано, что ничего хорошего мне не светит, но у меня не было вариантов. Я балансировала на краю бездны и готова была на любую помощь.

— Что за выход?

Видно было, что он ждал моего вопроса.

— Я не могу тебе сказать, ведь ты мне не жена и не любовница. А вдруг ты сразу побежишь к своему мужу? Один раз ты уже рассказала ему обо мне, — его глаза сверкали нескрываемым гневом. — Если докажешь, своё... расположение, так уж и быть — помогу тебе избавиться от фамилии Йенсен.

— Что ты хочешь в обмен на мою свободу?

— «Не жена и не любовница», — снова повторил мои слова. — На лавры супруга не посягаю, а вот насчет второго, думаю, можно обсудить.

Меня как окотило кипятком, словно я увидела самое мерзкое создания в мире.

— Никакой любви, синекровая. Только бизнес. Хочешь свободы, — он достал из кармана ключ, — вот она. Им открывается барьер. Приходи сегодня в северную часть замка, — он облизнул свои пересохшие губы, — обсудим все детали.

Глава 15

— Вот это наглец. Ты представляешь! Шантажист блохастый! У этих безродных недомагов ни стыда, ни совести!

— Да, я поняла, на что он намекал.

Мариса лежала напротив меня в уютном кресле. Прошло уже несколько часов после разговора на лавке, но я до сих пор не могла успокоиться. Меня трясло от возмущения и обиды, от его похотливого взгляда я чувствовала себя покрытой липкой грязью. Колоссальных усилий стоило не высказать всё, что я думаю, ему в лицо, и я отделалась скромным: «Лучше удавлюсь».

Я заново взвешивала все риски. Если Эрик прав, и он — единственный, кто может пропустить меня через барьер, то путь на свободу лежит через его постель. От одной мысли меня снова неприятно передернуло.

— Может, сдадим блохастого Кристофу? Пусть сам разберется с этим зачарованным.

— Он мне не поверит. Ты же помнишь, что было в прошлый раз.

В коридоре слышали шаги, и через пару мгновений в комнату вошел Кристоф.

— Привет. Рад, что тебе уже лучше.

— Лучше, — произнесла немного грустно.

Кристоф подошел ближе и сел рядом со мной. Я опасливо отодвинулась от него.

— Мы не договорились насчет твоего интервью.

— Я уже высказалась по этому поводу. Хочешь интервью — готовь документы на развод.

Кристоф внезапно наклонил голову, и мне стало не видно его лица. Тупился в пол так, что я даже забеспокоилась, всё ли с ним в порядке. Я легонько коснулась его плеча.

— Кристоф, что с тобой...

От моего касания он резко поднял голову, взглянув на меня залитыми чернотой глазами. От испуга я отдернулась. Он выглядел так же, как и на празднике его матери. Только тогда он стоял как каменная статуя, а теперь повернулся ко мне, и на его лице появилась безумная улыбка.

— Вот мы и встретились, Ив, — грубым загробным басом обратился ко мне демон.

— Ты кто такой и что тебе от меня надо? — я вскочила с дивана.

— Сидеть!

От неожиданности я замерла на месте.

— Я давно наблюдаю за тобой. Понимаю, что ты не разделяешь всей глубины чувств Кристофа, поэтому хочу предложить тебе сделку.

— Какую ещё сделку?

— Как только Кристоф падёт, я отпущу тебя на свободу.

В горле пересохло.

— Что нужно от меня?

— Ничего, чего бы ты раньше не делала. Не подпускай Кристофа близко, держись на расстоянии. Он должен чувствовать, что ничего для тебя не значит.

Я молча обдумывала слова демона. Отталкивать, игнорировать — ничего сложного. Но какова цена?

— Что будет с Кристофом?

— Не беспокойся — он не пострадает. Ему даже можно будет позавидовать — он окажется в таком месте, где навсегда будет чувствовать одно безудержное счастье, — от злого смеха демона на теле волосы встали на дыбы. — Ты хорошо подумай. У тебя немного вариантов... И помни — я за тобой постоянно наблюдаю.

Стоило сказать ему последнюю фразу, как черная поволока исчезла с глаз мужа. Он резко схватился за голову, словно её терзала сильная боль.

— Что произошло?

Мариса посмотрела на меня глазами, полными надежды. Она намекала мне, чтобы я рассказала ему про разговор с демоном.

— Я не знаю. Ты просто ненадолго отключится... Видимо, переработал. Тебе надо отдохнуть.

— Похоже на то.

Слабо потрескивая, в камине моей спальни горел огонь. Я ворочалась в постели и не могла заснуть. Меня глодало чувство вины. Я знала, что не смогу жить с этим грузом. Весь вечер я думала над словами демона, кидаясь от одной крайности к другой.

Тихонько, стараясь не разбудить Марису, встала и пошла к Кристофу. Дверь в его комнату открылась без скрипа. Я словно лезла в жерло спящего вулкана, не зная, когда же произойдет извержение. Мне было страшно — вдруг вместо Кристофа меня опять встретит демон? Не хотелось даже представлять, что тогда может случиться.

Накрывшись одеялом, Кристоф крепко спал.

— Кристоф, — прошептала, боясь к нему подходить.

Ответом было лишь его размеренное сопение. Тогда я подошла ближе и осторожно коснулась его плеча.

— Кристоф, проснись. Мне нужно сказать тебе что-то важное.

Он снова не реагировал, и я начала трясти его сильнее. Мне стало казаться, что демон захватил его, и он превратился в каменную статую.

— Кристоф...

Он неожиданно схватил меня за руку, опрокинул на себя и перевернулся, прижав меня к постели своим телом.

— И кто тут у нас? Тебе мама не говорила, что нельзя ночью заходить в спальни к взрослым дяденькам?

— Выпусти меня!

Он сделал вид, что задумался над моими словами.

— Нет. Ты должна компенсировать мне то, что лишила меня сна.

— Это не смешно!

— И мне не хочется смеяться. Хочется чего-то другого...

Кристоф скользил губками по моей шее, заставляя забыть всё на свете. Его ласка будоражила моё воображение. Он спустился ниже, осыпая поцелуями ключицу.

— Я знаю, что у тебя внутри демон.

Он застыл, осмысливая мою фразу. Затем приподнялся надо мной, в темноте пытаюсь

рассмотреть мое лицо.

— Откуда?

— Я догадывалась раньше, но сегодня он лично заговорил со мной... через тебя.

Кристоф поднялся с кровати, романтического настроения как и не было.

— Что он сказал тебе? — в его голосе были слышны металлические нотки.

Я медлила с ответом, мне было неловко рассказывать о просьбе демона.

— Хотя мы можем спросить у него лично, что он хотел, — Кристоф подал мне руку. Я с опаской посмотрела на неё и подняла взгляд на его лицо. — Ты же мне доверяешь?

На этот вопрос я не могла ответить. Могу ли я доверять человеку, внутри которого живет демон, желавший моей смерти?

— Назовем это любопытством, — я подала ему руку, разрешая помочь мне подняться.

Не отпуская моей ладони, он пристально смотрел в мои глаза. Я почувствовала, как на мне начала нагреваться одежда, взглянула на свой пеньюар и обомлела — его и след простыл, а вместо него на мне оказалась прогулочная одежда. Кристоф тоже оказался одетым соответственно.

— Пойдем.

Держась за руки, мы прошли жилую часть замка и вышли на улицу. Луна одиноко скучала на чёрном беззвездном небе. Мы шли к лесу, потом по уже знакомой мне тропе. Я боялась задавать вопросы: а вдруг я перешла запретную черту, и теперь меня ждет не наглый любвеобильный Кристоф, а герой сказки «Синяя борода», который хотел убить жену за то, что она узнала его секрет? Кристоф тоже молчал, и мою руку не отпускал. Мы вышли на лесную поляну, и я замерла. Каменная арка в пятне лунного света походила на врата, ведущие в загробный мир.

— Зачем мы здесь?

— Испугалась? — заметил он моё смятение. — Я думал, ты храбрее, — он, наконец, отпустил мою руку. — Всего несколько человек знают о том, что это врата, но никогда не были внутри... — он подошел к арке и уверенно прошёл через неё. Ничего не произошло, я уже раз ходила вокруг с тем же результатом. — Для человека, не знающего их секрет, здесь нет ничего особенного. Но если сделать так... — в лунном свете лезвие карманного ножа вспыхнуло серебристым светом. Кристоф полоснул себя по ладони, — ...то можно узнать много интересного.

Он вытянул руку под свод арки туда, где могли бы быть двери. Яркий свет потёк с его пальцев, превращаясь в огненных змей. Они будто ползли по невидимой вертикальной поверхности в воздухе, не спеша переплетались в симметричный рисунок двух створок двери — теперь их стало видно — они, как обычные, крепились на тяжелых петлях к каменной арке. Напитавшись энергией Кристофа, толстые змеи вдруг отпрянули от запора, и двери распахнулись.

Яркий квадрат света упал на поляну из открывшегося проема. Кристоф стоял в его центре и протягивал мне руку:

— Пойдем.

Хоть и страшно, но слишком был велик соблазн, и я подошла к Кристофу и, так и не подав ему руки, переступила порог, восхищённо оглядывая невероятное место: в залитом солнечном светом саду росли сказочные деревья с кронами лавандовых и голубых оттенков, с цветами, похожими на бутоны сакуры, с которых маленькие орны собирали нектар. За стройными стволами виднелся замшелый, почти развалившийся каменный забор. Я разглядывала это диво и заметила, что Кристоф внимательно наблюдает за мной. Это меня немного смутило.

— Где мы?

— Этот мир нашёл я.

— Здесь очень красиво.

— Да, — ответил Кристоф с ноткой грусти, — пойдём.

Мы шли вдоль каменного забора по тропе мимо останков каких-то строений. Иногда они смотрели темными глазницами пустых окон, иногда, словно последние бастионы, щерились уцелевшими колонами или, словно щиты, выставляли уцелевшие стены, обвитые ползучими растениями. Дорожка петляла, пересекая звонкий ручей горбатыми мостиками без перил. Ещё издалека я увидела ослепительно оранжевое пятно — будто полыхавший пожар среди невесомых голубоватых облаков. Смотреть на него было больно глазам, но мы шли к нему. Миновав ещё одну уцелевшую стену разрушенного здания, нашему взору открылась печальная картина: огромное тисовое дерево с голыми ветвями и многочисленными ярко оранжевыми плодами — именно они привлекали внимание, но дерево увядало. И причина этого сидела у его подножья.

Огромный черный волк лежал на земле, злобно поглядывая на меня и Кристофа. Он хищно скалился и утробно рычал.

Я испугалась и отступила на несколько шагов назад, но Кристоф остановил меня.

— Не бойся, он не причинит тебе вреда — его цепь не пустит.

И действительно, только сейчас я заметила, что вокруг волчьей шеи висят тяжёлые железные звенья, приковывая зверя к стволу. Волк стремился на свободу: он перетер цепью часть ствола и глубоко подрыл корни.

— Волк... как из моего сна...

— Его зовут Морок.

— И цепь один в один как та... — Кристоф странно посмотрел на меня, а я продолжила... — Как ты нашел это место и Морока?

— Это старая история...

Несколько лет назад на меня было совершено покушение. Эта информация не просочилась в прессу, об этом мало кто знает. Ранение было серьезным и на три недели уложило меня в кому.

Но, даже очнувшись, я остался на несколько месяцев прикованный к больничной койке. Выздоровление шло очень медленно. Каждый шагок на пути к нему, давался мне с большим трудом.

Постепенно, я начал замечать, что вместе с восстановлением тела, во мне просыпается сильная магия. Было странно видеть, как от одной моей мысли двигается мебель или появляется что-то буквально из воздуха.

Но у магии была обратная сторона: с ростом силы у меня начались пробелы в памяти. В такие минуты я словно проваливался во тьму, а когда возвращался — с ужасом понимал, что моим телом управлял кто-то другой.

Я бросился к магам-целителям и доцентам медицинских наук, но все давали безутешные прогнозы — внутри меня живет монстр и очень скоро он меня поглотит. Я боролся, но он все чаще меня подчинял, и уже дело не обходилось только спонтанным замиранием с черными глазами — демон уже подчинил мое тело и начал творить всевозможные злодеяния.

В один такой день я был у Беаты. Морок взял верх, а когда я вернул контроль над собственным телом, с ужасом обнаружил, что перевернул весь дом и чуть не убил сестру. Я отпустил ее и ринулся подальше от нее, боясь, что демон снова возьмет верх и завершит задуманное. Я бежал со всех ног, пока были силы, не разбирая дороги, и очень быстро оказался далеко в лесу — магическая сила делает меня выносливым и бежал я до темноты. И остановился лишь потому, что уже не видел куда бегу. Но мне было все равно. Я забирался дальше вглубь, не обращая внимания ни на что, и

возвращаться не собирался — пока я жив, я опасен для всех, кого люблю.

Глубокой ночью я вышел на поляну. И удивляться у меня уже не было ни сил, ни желания. А удивляться было чему — я увидел старуху в черном балахоне с большим, скрывшем лицо капюшоном. Она опиралась на посох и... ждала меня.

— Что же ты, Кристоф, творишь? — спросила она старческим голосом.

— Ты кто такая? Откуда меня знаешь?

— Я много чего знаю. И как тебя зовут, и откуда у тебя появились магические силы, и почему демон твоё тело забирает.

— Тогда скажи, как от него избавиться?

Старуха хрипло засмеялась.

— Нет, этого я не скажу. А вот как приручить твою животину — совет дам. Вот там цепь, — она указала, на тяжёлую железную гору звеньев, которую в темноте было трудно разглядеть, — её нужно поймать Морока. Только она удержит его.

Как в сонном бреду, я взял цепь в руки.

— Что теперь? Что мне с ней делать.

— Морока всегда притягивали эти места. Да и куда он может пойти в своем истинном обличье, кроме леса? Не правда ли? Вот он и бродит, иногда возвращаясь в тело своего носителя, и пытается им завладеть. Тобой завладеть.

От её слов стало жутко. Но старуха продолжала:

— Поймай Морока.

— И я избавлюсь от него навсегда?

— Нет, — произнесла старуха, — это лишь отсрочка. Поймай его, иначе и её у тебя не будет.

Я сомневался в действительности происходящего — слишком нереалистично все это звучало.

— Я тебе не верю.

— Зря. Я единственная, кто может тебе помочь. Но решать, конечно, тебе...

Порыв ветра подхватил листья с земли, а вместе с ними старуха превратилась в пепел и исчезла с воздушным потоком.

Я остался на поляне, с цепью в руках, не понимая, что с ней делать. Но когда услышал душераздирающий вой, отпали все сомнения: это был он — Морок. Я пошел на его голос, не имея ни малейшего представления, что буду делать, когда увижу зверя, но понимал — другого выхода у меня нет.

Огромный черный волк с глазами, налитыми тьмой, ждал меня. Он скалился и рычал, переступая с лапы на лапу. Мы не нуждались в представлении, потому что знали и чувствовали друг друга. Увидев цепь в моих руках, он бросился ко мне. Я ожидал, что он мне перекусит горло, но он вцепился в цепь и рванул её. Удивительно, но я смог её удержать. Морок, понимая, что внезапность ему не помогла, взвыл и снова вцепился в цепь, тянул и рвал её, упирался лапами, буквально вспахивая землю. Он дал мне силу, и он же боролся с ней, но меня не трогал. И страх перед ним пропал — я нужен был ему, мое тело нужно было ему. И это помогало мне бороться. Наматывая цепь на руку, я подтягивал зверя к себе, пока он не оказался у моих ног. Выкрутив цепь, я заставил Морока лечь и обвил цепь вокруг его горла. В его глазах был страх. Я чувствовал его, как он чувствовал меня, мою решимость побороть его.

И тогда он захрипел:

— *Пусти меня, глупец! Я дам тебе всё, что захочешь.*

— *И чем же мне придётся расплатиться? Своей жизнью? Так дорого я не готов платить за сомнительные подарки.*

Я тащил его к ближайшему дереву.

— *Я могу уложить к твоим ногам весь мир!*

— *Весь мир будет у моих ног и без тебя.*

Я обмотал и завязал цепь вокруг ствола большого дерева, полного сил. Стоило мне отойти, как произошло что-то странное: казалось, что земля вздыбилась и поднялась в воздух вокруг нас, превращаясь в невесомый пух, ярко засветившийся. Огоньки собирались, разрастались и преображались, формируя этот сад и забор вокруг него с аркой. Это дерево стало его центром. И к нему приковал мой демон...

Я молчала, поражённая историей Кристофа. А он сказал то, о чем я уже и сама догадывалась:

— Это дерево... — он жестом указал на засыхающий тис, к которому прикован Морок, — ...оно было сильным и цветущим, потому я его и выбрал. Но Морок перетирает его ствол цепью и все глубже подрывает корни. И от этого мне труднее его контролировать.

— Неужели нельзя избавиться от него совсем?..

— Помнишь надпись над аркой? «Сокрушит во тьму надломленную ветвь. Возродится свет с цветением благородного тисового дерева». Я думаю, ответ в ней.

Конечно, я видела и даже запомнила эти слова, но теперь они представлялись в новом свете.

— Всё просто — нужно найти новое дерево и перевязать Морока.

Кристоф нежно приобнял меня за плечи и прошептал:

— Приятно, что ты переживаешь обо мне.

Я хотела ему ответить, но пара черных глаз монстра смотрели на меня, словно приговаривали к ужасной смерти. По коже пробежал холодок.

— Он говорит? — спросила я у Кристофа.

— Говорит. Но предпочитает делиться своими мыслями исключительно со мной. По крайней мере, так было до сегодняшнего дня, — Кристоф повернулся к зверю и обратился к нему: — Так, что ты хотел, демон?

Заскулив, как виноватая собака, Морок прикрыл морду лапами.

— Боишься, хитрец. Молчишь.

Кристоф решительно пошел к волку, тот встал и попятился, отворачивая морду и путаясь в цепи — здоровый страшный монстр превратился в трусливую шавку, боящуюся наказания. Кристоф схватил за цепь и намотал её на сильную руку. Морок упирался, тормозя сильными когтистыми лапами, срывая дерн, но Кристоф был сильнее. Дернув за шипастый строгий ошейник, он наклонился к зверю и начал ему что-то шептать в самое ухо, в ответ животное только жалобно скулило и норовило вырваться из рук. Их странный разговор продлился недолго.

Кристоф отпустил зверя и сбросил с руки цепь. Брезгливо отряхнув руки, он подошел ко мне:

— Пойдем, — аккуратно взял меня под локоть и повел к арке, — он больше не будет тебя пугать.

Уходя, я обернулась и бросила взгляд на голое дерево с ослепительно яркими плодами и вспомнила, как Кристоф выращивал тисовое дерево ночью, во дворе замка. То растение было крепким, наполненным жизнью, но оно ему не подошло. Как он понял это? Мы вышли из арки, и я заступила мужу дорогу, положив руки на его плечи, но задать вопрос не успела — Кристоф мгновенно привлек меня к себе и потянулся поцеловать. Я уперлась руками в его грудь, пресекая нежный порыв.

— Что за наглость?

Кристоф внимательно смотрел в мои глаза с улыбкой, а потом вдруг весело рассмеялся:

— Вы слишком строги ко мне, фрау. После всего, что между нами было, вы разбиваете мне сердце отчуждением, — его голос звучал с иронией, но за ней он прятал грусть.

— Между нами ничего не было... — я осеклась, вспоминая, как отвечала на его ласку в его постели.

Кристоф обнял меня, покачивая в руках, как маленькую девочку, его губы, прижатые к моему виску, как центр горячего урагана, рождали разлившееся по телу тепло. Искренность его чувств ломала мое сопротивление, наполняла душу радостью и уютом, и не хотелось, чтобы он меня отпустил.

В темноте раздался треск ломавшихся веток, будто кто-то, не особо скрываясь, пробирался через кусты. Я вздрогнула. Кристоф тоже обратил на это внимание, но успокоил меня:

— Это Эрик. Проверяет, все ли в порядке.

И действительно, в полумраке я увидела блеск знакомых кошачьих глаз. Стало тревожно, ведь этой ночью он ждал, что я приду к нему.

Солнечные лучи, пробившись сквозь занавеску, ласково коснулись моего лица. И открыла глаза и тут же сощурилась от яркого света.

— Выспалась, гулёна? — произнесла Мариса.

— Сложно сказать. Сколько сейчас время?

— Почти полдень. Ты проспала всё утро. Не удивительно, если ты всю ночь где-то бродила... Пожалуйста, скажи, что ты не была у этого блохастого?

От её слов стало противно, и я поморщилась.

— Нет. Я была с Кристофом. Он провел меня через каменную арку и показал Морока.

— Не может быть! — если бы у змеи были руки, она бы схватилась за щеки — так прозвучало её удивление: растянuto и тихо.

— Я сама не могу понять, зачем он это сделал... Всё очень сложно.

— Значит, он тебе доверяет, раз решил открыть такой интимный секрет. И что было потом?

Понимая, на что намекает Мариса, я даже немного покраснела.

— Ничего не было... Рядом ошивался Эрик, и я постаралась как можно быстрее оттуда убраться.

Самка питона притихла.

— И какой у тебя теперь план?

Мне нечего было ответить. Я не знала, куда мне идти и идти ли куда-то вообще. Всё смешалось в одну кучу, на дне которой лежала я, придавленная грудой обстоятельств.

Кристоф уже не вызывает былого отторжения, а вчерашнее откровение даже немного возвысило его в моих глазах. Конечно, у меня остались ещё вопросы. И чем больше я узнаю, тем больше их появляется.

— Мне кажется, он что-то не договаривает...

— В смысле? — уточнила Мариса.

— Его слова о «сильном потомстве». Здесь какая-то нестыковка. Я же вижу, какой он: резкий, надменный, упрямый — он такой для многих, и даже со мной. Но поступки его совершенно противоположны этому образу... Я не могу это выразить словами, это нужно почувствовать.

Змея внимательно на меня посмотрела.

— Ив, ты что, влюбилась?

— Я?! Не-ет.

— Ну да, ну да. Я тебе поверила! И что теперь? Красиво сложишь ручки и будешь ждать суженого с кастрюлей шей и пирогами?

— Нет! Начнем с профессора Альберта — у меня к нему набралось много вопросов.

Мариса вползла на мою руку, сливаясь с кожей и превращаясь в красочный орнамент. Приведя себя в порядок, я пошла на поиски учёного, прихватив с собой монографию с фотографией камня, как из моего сна.

Место их раскопок расширилось, а над ямами натянули тенты, защищая от яркого солнечного света хрупкие находки. Как и прежде, студенты копошились в земле, а профессор с группкой избранных оценивал историческую ценность какого-то осколка.

— Феноменально... — бормотал он себе под нос.

— Что-нибудь интересное, профессор?

— Фрау Йенсен! День добрый. Как ваше самочувствие?

Я немного скривилась, вопросы о моем самочувствии все ещё кололи легкой обидой.

— Спасибо, чувствую себя замечательно. А как дела у вас? Как проходят раскопки?

Он жестом дал знак приблизиться к нему. Глядя в микроскоп, я рассматривала маленький кусочек, скорее всего, кувшина. Время немного стерло рисунок, но общие черты можно было рассмотреть — змея с открытой пастью.

— Как красиво, — осознание, что я прикасаюсь к вещи, которой, возможно, не одна тысяча лет, вызвала душенный трепет. — Что это значит?

— Скорее всего, это одно из демонических божеств. Я впервые встречаю подобную символику. Ясный Утес преподносит всё новые и новые сюрпризы!

— Альберт, я у вас хотела спросить по поводу вот этой фотографии... — я протянула историку снимок камня, — что вы знаете об этом?

Профессор принялся внимательно разглядывать страницу из книги.

— Это ритуальный жертвенник — без всякого сомнения. Мой коллега нашел его на Ртутных островах ещё до блокады, но когда пытались перевезти его на материк, корабль попал в сильный шторм, цепи, удерживающие ящики с экспонатами, порвались, и их смыло в море. Вы не представляете, Ив, сколько богатства оказалось на дне океана! Я тогда выпил пол флакона сердечного зелья, чтобы пережить эту утрату для археологии и истории! Это было просто...

— Какой ужас! — я перебила учёного, понимая, что причитания будут сочными и долгими. — Много людей пострадало?

— Да лучше б люди пострадали! Эти трусливые крысы сидели в своих каютах, пока экспонаты мотало по палубе и смывало в океан! — ох, зря я про жертвы спросила... — Будь я на их месте, то с веслом в руке спасал бы находки. На сборе кафедры я им всем так и сказал: «Вы историки-крысы. Будь вы настоящими историками, то, как капитаны тонущих кораблей, должны были нырнуть на дно за своими находками»...

— Профессор, — я осторожно коснулась плеча возмущенного историка, — так что насчет ритуального жертвенника?

— Я же говорю — утонул он.

— А другого такого же нет? Может, ещё кто-то находил подобные?

— К сожалению... — развёл руками учёный.

— Значит, на нём приносили человеческие жертвы?

— На самом деле есть предположение, что это священный камень, которому поклонялись и приносили на нем жертвы, я же выдвинул теорию, еще тридцать лет назад, что печать могла служить проходом в мир демонов.

— В мир демонов!.. — как замороженная, повторила я.

— Да! Вот поэтому я был так зол! Вы представляете, какой это мог быть прорыв для науки?! Да, что для науки?! Для всего мира! — профессор поднял руки к небесам и потрясал ими, пребывая в полном возмущении.

— Очень досадно. Однако, спасибо большое за рассказ.

Понимая, что от профессора вряд ли удастся ещё чего-то добиться, мы с Марисой удалились. В дом возвращаться не хотелось — в нём моим мыслям не хватало пространства, а мне не было покоя. Я вспоминала слова Ясны, что она дала мне все подсказки, а этот камень — ключевая. Я прогуливалась по главному двору, когда огромный грузовик со строительными материалами пересек барьер, остановился возле меня, и рабочие начали разгрузку. В этот момент я почти физически почувствовала едкий взгляд, прошедший по моему телу. Я вздрогнула и быстрым шагом направилась в замок, но ледяная рука схватила моё запястье и потянула к грузовой машине. Я захотела закричать, но Эрика закрыл мой рот ладонью. Двумя сильными рывками он прижал меня к борту грузовика, заслоняя от окружающих.

— Тише, тише, — его противный голос шептал над моим ухом, — ты же не хочешь, чтоб твой муженек узнал о нашем секрете?

Наконец, он отпустил ладонь, давая мне возможность ответить.

— Ты с ума сошел! Какой секрет? Нет никакого секрета! Оставь меня в покое, иначе...

— «Иначе» что? — в его глазах был безумный блеск. — Расскажешь Йенсену? Он тебе не поверит — ты в этом уже раз убедились. Ты для него всего лишь синекровая подстилка.

Оборотень держал меня, не давая вырваться, и наблюдал за моей реакцией. Казалось, оскорблять меня приносит ему неимоверное удовольствие.

— Пошел к черту, Эрик! — я вложило в эту фразу все ненависть и отвращение, которые испытывала к нему.

Он лукаво улыбнулся, оглядываясь по сторонам. А потом со всей силой треснул меня о машину так, что сердце рухнуло в пятки.

— Ты попутала, синекровая. Я — не твой муженёк, чтобы исполнять твои капризы. И не твой слуга. Это ты здесь никто... — он был опасен в своем безумии, и я молчала, боясь спровоцировать его. А он продолжал: — ...и если я сказал, чтобы ты вечером пришла ко мне, то ты с разорванной селезёнкой и вываливающимися наружу кишками должна была приползти. Иначе...

— Что «иначе»? — я уже не выдержала. — Что ты мне можешь сделать, кроме

запугивания?

И я не ошиблась — Эрик замялся, весь его напор погас. Он решил меня стращать и унижать, загнать в угол моего же страха перед ним и Кристофом, и таким образом легко заполучать меня. Но его манипуляции не хватало главного — стимула, который заставит меня делать так, как хочет он.

— Иначе...

Он больно схватил рукой меня за подбородок и врезался губами в мой рот. Прорываясь через мое сопротивление, он упивался моим отвращением к нему. Меня колотило от гнева.

Мариса выползла из-под пальто и со всей силы вцепилась Эрику за руку. Маг-перевертыш от неожиданности отпустил меня. Я толкнула его со всей силы, на которую была способна, и бросилась бежать. Навстречу мне вышли несколько строителей. Мариса ерзала по всему моему телу, реагируя на моё нервное состояние — так страшно мне не было ещё никогда в жизни.

Только в своей комнате я смогла перевести дыхание.

— Он больной, Ив. С ним нужно что-то делать. Сегодня-завтра он слетит с катушек и начнет крошить здесь всё подряд!

Сняв пальто, я небрежно бросила его на кровать, рядом с ним упал и мой джемпер. Я стояла в одном бюстгальтере, рассматривая последствия встречи с Эриком: на обеих руках чуть ниже плеч остались два синих отпечатка рук мага-перевертыша и уже наливались синевой синяки.

— Я ничего не могу сделать.

— А синяки? Покажи их Кристофу, он поверит. Такое ты бы не смогла сама себе сделать...

Но сила мага-целителя работала без моего согласия. Синяки исчезали вместе с болью, уничтожая следы нападения Эрика.

Кристоф застал Ив сидящей на диване прихожей, обхватившей колени руками. Она напоминала затравленное животное. Стоило ему обратить на себя её внимание, как она поднялась и бросилась в его объятия. Она приживалась к нему всем телом, словно хваталась за последнюю надежду.

— Я готова дать тебе интервью. Даже десять, если нужно. Только убери от меня Эрика!

Её голос неестественно дрожал, пробуждая в нем монстра, готового убить своего подчиненного.

— Что произошло? — еле сдерживал желание убить мага.

Она подняла на него голубые глаза и думала над ответом.

— Ничего... Просто я его на дух не переносу. Пожалуйста, замени его, кем угодно.

Он смотрел на Ив и не верил, что простая неприязнь может вызвать такую реакцию.

— Хорошо. Завтра его заменит Рудольф.

— Нет. Пусть сейчас... Тебе ведь нужно интервью?

В памяти Кристофа возникли воспоминания, в которых Ив утверждала, что Эрик к ней приставал. Внутри всё сжалось от боли и ярости. Он вдруг понял, что в тот вечер совершил ошибку.

— Его сейчас же вышвырнут за ворота.

Он достал телефон и позвонил Рудольфу — заместителю охраны. Приказал выпроводить Эрика за территорию Утеса. Это было не только ради Ив — Кристоф боялся, что, если увидит его, может не сдержаться и вырвет у него позвоночник.

Крепко прижал к себе Ив, вдыхая её аромат, нежно провел ладонью по волосам.

— Спасибо, — раздался её тихий голос.

Кристоф ласково поцеловал её в макушку.

На удивление она не стала его отталкивать, наоборот, казалась, она так же наслаждалась их объятиями.

Утро следующего дня было пасмурным и ветреным. Косой дождь бросался под колеса машины представительного класса, в которой ехал Кристоф. Из его головы не выходила просьба Ив убрать подальше от неё Эрика. И пусть он не стал допытываться о причинах её просьбы, с Эриком решил поговорить с пристрастием. Но здесь его постигло фиаско — стоило Рудольфу выпроводить Эрика за территорию Ясного Утеса, перевертыша и след простыл. Никто не видел, куда он подевался, и на звонки оборотень не отвечал. Это ещё больше насторожило Кристофа.

Он остановил машину на парковке у своего офиса. Охранник вышел встречать его с зонтом в руке, но Кристоф жестом отказал его заботы. До входа оставалось несколько метров, когда за спиной раздался женский голос:

— Кристоф, — окликнула Клара. Один из охранников хотел перегородить ей дорогу, но Кристоф остановил его. Ему нужно было узнать ответ на один вопрос. — Произошла какая-то ошибка — я пришла на работу, но меня не пустили даже на порог. Я подготовила гору бумаг к твоему завтрашнему докладу... — она достала бумаги из ридикюля и начала показывать их Кристофу, не обращая внимания на непогоду.

— Ты рассказала Ив про интервью? — холоднокровно спросил Кристоф.

Клара застыла.

— Ничего такого, чего бы она не узнала сама.

— Ты ей рассказала?

Она взглянула в его почерневшие глаза.

— Да... Я ей всё рассказала.

У Кристофа непроизвольно дернулись скулы.

— Прощай, Клара.

Он прошёл мимо неё в офис, не произнеся больше ни единого слова. Она стояла, не чувствуя дождя и холодного ветра, и молча смотрела, как он уходит из её жизни. Бумаги выпали из рук в грязную лужу. Они раскисали, как и их хозяйка.

Промокшая до костей, Клара стояла на улице, не зная, как собрать обломки своей жизни в одно целое.

— Не убивайся так, — к ней подошел Эрик.

— Нет... я ничего, — она небрежно стерла влагу с лица.

— У меня есть кое-какие идеи, — он достал из кармана свою визитку и протянул её немке: — Позвони, когда перестанешь быть тряпкой и поймешь, что этого ублюдка нужно поставить на место.

Нездоровый блеск в глазах Эрика насторожил её. Всегда спокойный и исполнительный он предстал перед ней в новом свете.

— Только это секрет, — добавил он зловеще.

Глава 16

Гостиничный комплекс «Алекс Нортон» я обходила десятой стороной. Даже для меня — обладателя приличных средств, он был слишком дорогой. Отель премиум класса с несколькими ресторанами, комплексом элитных бутиков и подземным полем для гольфа был доступен только главам первой величины и мировым звездам и имел всего двадцать номеров.

Первую линию комплекса я посещала несколько раз: дважды была на королевском приёме в ресторане «Сияние жемчуга», и раз составила компанию графине Харсен, выбиравшую бриллианты в ювелирном салоне.

— Почему мы останавливаемся здесь? Разве нельзя было остаться в Ясном Утесе?

— Нет, конечно. Журналисты бы сказали, что я не выпускаю тебя дальше дома. Ты и так фигура, скрытая от прессы, пора с этим разобраться, раз уж ты сама согласилась мне помочь.

— Чувствую, дорого мне обойдется эта помощь.

— Уже боишься? Не думал, что человек, кидавшийся в пасть медведю, может испугаться какого-то интервью.

Я хотела сказать, что меня больше пугает компания самого Кристофа, чем встреча с журналистами, но решила промолчать.

Когда мы прошли через сеть ресторанов и бутиков первой линии комплекса, попали в великолепный сад на черную с кроваво-красными прожилками гранитную аллею, ведущую к озеру с отделанной жемчужным камнем набережной. По ровной водной глади серебристо-голубого цвета плавали грациозные черные лебеди в компании красных уток редкого вида, на берегах среди кустов и клумб гуляли и словно веера распускали хвосты золотистые павлины, а королевские белоснежные цапли с длинными, словно фата хвостами, бродили на мелководье и напоминали юных невест, что-то искавших в прозрачной воде. То и дело с крон взвивались в небо стаи кудрявых голубей, но они быстро возвращались уже на другую крону — улететь им не позволял прозрачный магический купол. Он был упругим и становился видимым, едва кто-то касался его, и поэтому птицы не страдали от столкновения с ним.

— Как красиво, — не сдержала я восхищения.

На лице Кристофа появилась приятная улыбка.

— Я знал, что тебе понравится. Да и фотограф предложила это место для съемки.

— Фотограф? Стой, я на это своего согласия не давала.

— Ты обещала дать интервью, а как его напечатают в журнале, если у нас нет ни одной совместной фотографии? Это будет очень подозрительно, — слова Кристофа были лишены логики.

Мы прошли сквозь сад до конца аллеи к двухэтажному зданию, увитому виноградной лозой, будто кто-то сверху на дом накинул пышную зелёную накидку. Приятная девушка на ресепшн в фирменной форме «Алекс Нортон» продемонстрировала нам безликую белозубую улыбку.

— Добрый день. Гостиничный комплекс «Алекс Нортон», вы бронировали номера?

— Здравствуйте. Был забронирован номер на двое суток на имя Кристофа Йенсена и его супруги. Отдельный номер для сопровождения.

Я возмущенно посмотрела на хитрое выражение лица Кристофа. Двое суток? Один номер? Нет! Я на это не давала согласия. Только присутствие посторонних заставило меня держать себя в руках.

Девушка заполнила нужные бланки и протянула Кристофу ключ от номера. Мы прошли к лифту. Я отметила, что редко встретишь двухэтажное здание с лифтом, не считая больницы.

Едва лифт закрылся, я не выдержала:

— Двое суток?! Ты что задумал? Я на это не соглашалась. Уговор был на одно интервью, а ты меня собираешься здесь держать целый уикенд?

Кристоф молча выслушал мои претензии, выдержал паузу, разглядывая мое лицо, и вдруг клацнул перед моим носом зубами:

— Я не кусаюсь.

Я пришла в замешательство, а лифт остановился, выпуская нас в длинный узкий коридор, с обеих сторон которого шла цепочка дверей. Наш номер оказался в самом конце. Номер был обставлен в традиционном ольбургском стиле: грубая массивная деревянная мебель украшена утонченными коваными элементами. В просторной прихожей на консоли стоял букет белых роз в хрустальной вазе с логотипом «Алекс Нортон». Просторная гостиная с двумя кожаными диванами и плазменным экраном на всю стену оказалась очень светлой из-за окна от пола до потолка, закрывавшегося тяжелыми портьерами и тончайшей вуалью. Я обошла дизайнерский столик на витых железных ножках и проскользнула в спальню. Огромная кровать с балдахином занимала почти всю площадь комнаты. Она была настолько большой, что вместила бы с десятков строителей Ясного Утеса. Но шокировало другое. Кровать здесь была одна!

— Я не вижу второй кровати.

— Боишься, не поместимся? — иронизировал Кристоф.

— Боюсь заблудиться, и тебе придется меня искать, — выкрутилась я.

— Не переживай. Если мне нужно будет, я тебя где угодно найду.

Понимая, что градус беседы повышается, я решила прогуляться без Кристофа и отправилась к стеклянной двери в гостиную. Стоило открыть ее, как я сразу поняла, почему номера такие дорогие и их так мало.

За дверью меня ждал абсолютно другой климат и другой пейзаж. Я словно оказалась на курорте в Атлантическом океане. Лазурного цвета волны омывали белый песчаный пляж, доходящий до стеклянной двери. Вдали виднелись пальмы, а в небе кричали огромные альбатросы. От привычного номера была только дверь, вокруг — необитаемый остров.

— Как такое может быть?

— Наверное, это один из островов Бали, — добавил Кристоф, внимательно рассматривая бирку на карте-ключе. — Здесь в каждом номере телепорт в одно место. Я останавливался здесь раньше, но комната отдыха выходила на холодные горные вершины.

— Вода! — закричала Мариса, сползла с меня и быстро поползла к океану.

Мы с Кристофом засмеялись.

— Мариса всегда была такая неординарная? Ведь это большая редкость в наше время — иметь говорящего фамильяра.

Вопрос Кристофа заставил меня задуматься над ответом.

— Мариса — наш потомственный фамильяр, передается по женской линии. Но после того случая, пять лет назад, — я интуитивно коснулась рукой места на груди, где находился один из шрамов от фантомных пуль, — в ней много изменилось. Ты можешь смеяться, но мне кажется, у неё появилась душа. Глупо, конечно.

— А что за случай?

Представила, как рассказываю про незнакомца, про то, что вижу мир его глазами, и о том, что не смогу стать матерью пока не найду его... Последнее ранило душу... Я не была готова делиться этой болью.

— Старая история... Не хочу вспоминать.

Мариса качалась на лазурных волнах. Уверена: если бы змеи могли сиять от счастья, то Мариса бы сейчас ослепила.

Я взглянула на Кристофа, он был погружен в свои мысли и напряженно хмурился. Я легонько коснулась его руки, чтобы проверить, не Морок ли пытается прорваться наружу.

Кристоф вздрогнул и обратил на меня внимание.

— У тебя всё в порядке?

— Абсолютно. Поужинаем в ресторане после моей встречи?

— Конечно.

Я беззаботно сняла туфли и побежала, наслаждаясь морским бризом, трепавшим волосы, и рыхлым горячим песком под ногами. Мне было так радостно, что я даже крикнула «Эге-ге-ей!» Я кружилась, пока не упала, раскинув руки. Солнце слепило. Но это было так прекрасно, что я позволила себе быть немного легкомысленной и наслаждалась моментом.

Штат пиар-менеджеров, информационные агенты, статистические аналитики, представителей партии и ещё толпа незнакомых людей сидела за огромным столом для переговоров и один за другим выступали с докладами. Шла оживлённая беседа между спикером и заседающими.

Кристоф лениво водил карандашом по листу бумаги. Вся эта суета его не влекла. Он мыслями остался в своем номере, где за стеклянной дверью песок ласкают океанические волны, а его любимая радостно смеется, наслаждаясь моментом.

Эти воспоминания еще были живы в его памяти. Её глаза сияли, а к фарфоровой коже так и хотелось прикоснуться. Ив его манила, как sireны заблудших моряков, заставляя их бросаться на скалы. Гибнуть ради иллюзорной любви.

Но чувства Кристофа не были иллюзией. Они давно поселились в его сердце, заставляя ловить каждый её взгляд, следить за каждым движением, дышать с ней одним воздухом.

Поэтому было мучительно больно видеть её рядом, но не обладать ею. Знать её долгие годы, когда она только начинала с ним знакомиться. Любить её больше всего на свете, когда она металась между ним и бывшим мужем.

Ему тоже было больно. Он прощал ей такое, что не прощал никому, проявляя терпение и понимание, которые иной раз удивляли его самого. Он ждал, любил и понимал. Однажды её ледяное сердце сбросит холодные оковы и разгорится жаром чувств. Таких же, которые уже давно сжигали Кристофа.

Предчувствие видения в этот раз Кристофа не напугало. Он уже решил, что эту игру пора прекращать. Для него история с незнакомцем была закончена. Кристофу не нужно было больше скрывать свои чувства, прикрываясь отговоркой, что взял в жены ради потомства. Он видел блеск в её глазах, когда она смотрела на него, а значит, сможет принять его и, возможно, простит этот обман.

К тому же незнакомец не дал Ив отчаяться и заставлял двигаться и бороться. Даже сейчас она готова бросить все и отправиться на поиски человека, которого когда-то спасла. Иногда его это удивляло, ведь он не знал причин такого её поведения.

А сегодняшняя недомолвка стала толчком, после которого он решил раскрыться. Сделать то, что хотел еще в зале с роялем и живыми картинами.

Только её видение наложилось на видение Кристофа, и они будто увидели мир одними глазами, он внимательно осмотрел комнату: для неё здесь не было знакомых лиц или каких-то отличительных деталей — просто конференция и толпа людей в костюмах.

Кристоф взял карандаш и начал выводить буквы на листке бумаги:

«*Меня зовут Крис...*»

И по велению злого рока, в тот самый момент видения прервалось.

Морок, ставший свидетелем происходящего, громко рассмеялся. Кристофа охватил гнев, и тьма начала разливаться по венам. Демон пробивался в его сознание, уверенно преодолевая сопротивление хозяина, стараясь заполучить долгожданный полный контроль над человеческим телом. Кристоф боролся, но уже не так легко ему давались победы в этих поединках. Чем дольше он был с Морокком, тем сильнее становился демон, ударяя по его слабым местам.

Морок выходил из-под контроля.

И сейчас, в присутствии нескольких десятков людей, произойдет что-то страшное. Воспользовавшись слабостью Кристофа, демон забирал власть над ним. Глаза Йенсена наливались чернотой. Он до боли сжал кулаки, впиваясь ногтями в кожу. Все его тело пробивал озноб. Он сжался, напрягая мышцы, словно готовился к резкому прыжку. На приказы Морок не реагировал. Странное поведение уже стало привлекать внимание окружающих.

Кристоф проигрывал Мороку...

Пока не вспомнил голубые глаза любимой жены, её фарфоровую кожу... И словно поток свежего воздуха влился в кровь мятежника, и он отбросил своего демона глубоко в недра своей души, туда, где он будет безмолвным рабом, ждущим случая в очередной раз вырваться на свободу.

— Что значит: «Меня зовут Кри...?». Он опять издевается? Вот что ты должна подумать: Кристиан, Кристофер или какой-нибудь Крики-тики-тави?

Я нервно грызла ногти, хотя не делала это со времен обучения в пансионе. Незнакомец хотел раскрыть себя, а я забыла дышать, пока он выводил свое имя. И, как назло, он не успел.

— Нет такого имени.

— Какого?

— Крики-мики-тики. Это точно можно вычеркнуть из списка.

— А какое тогда включить?

Немного призадумавшись, я ответила, вздрогнув от того, которое произнесла:

— Кристоф.

Мариса выпучила на меня глаза.

— Нет, этого не может быть. Ты же его проверяла. Он же был рядом, когда у тебя были видения.

— Знаешь, если он тот самый незнакомец, есть сто процентный способ в этом убедиться.

Кристоф вернулся в свой номер под звуки громкой музыки, льющейся со стороны открытой двери на пляж. Его встретил малиново-розовый закат над умиротворенным океаном. Мужчина нашёл жену лежащей в шезлонге под навесом в небольшой пристройке, приютившейся между пальмами. Ив, одетая в красный закрытый купальник, грациозно растянулась, ловя последние лучи жаркого солнца. Вокруг её щиколотки обвилась Мариса, украсив ногу женщины до самого бедра изящной татуировкой. Кристоф застыл на минуту, любуясь женой, ему захотелось сорвать с неё купальник и прикоснуться нагому телу.

— Я заказала шампанское, — беззаботно произнесла она.

— Я думал, мы ходим куда-то вместе.

— Здесь такой великолепный вид, я не хочу менять этот кусочек рая на какой-то серый ресторан.

Она поднялась и подошла к Кристофу, протянула бокал и игристым напитком и, глядя в его глаза, сделала глоток. Мужчина чувствовал, что Ив затеяла какую-то игру, поэтому не решил пить из бокала.

— Оно отравлено? — спросил с иронией.

— Да... — она взяла его бокал и выпила, — ...и теперь мы умрем вместе, — она села на лежак, забросив ногу на ногу. — Как прошло совещание?

Кристоф сел у её ног, не решаясь сделать глоток. Он всё ещё пытался понять, что она задумала.

— Отлично. А что?

— Ничего. Выпьем.

Она осушила бокал до дна.

— Решила снять стресс?

— Набираюсь храбрости, — Ив снова наполнила бокал, но Кристоф осторожно отодвинул его. — Не одобряешь?

— Не люблю пьяных женщин.

В глазах Ив появился странный блеск. Она спустилась с шезлонга и села мужу на колени, обхватили его шею, наблюдая за его реакцией.

— Знаешь, я много думала, — тонкими пальцами Ив развязывала галстук на шее Кристофа, — и решила принять твоё предложение.

— Какое именно? — произнес хриплым голосом.

Галстук упал на пол рядом. Ив принялась расстёгивать верхние пуговицы на рубашке.

— Про чистокровное потомство, — невозмутимо произнесла она.

Вместо ответа Кристоф подхватил Ив, уложил на лежак. Страстно целуя жену, он ласкал её давно желанное тело. Весь мир померк, не было ничего кроме них и их страсти.

Кристоф был так увлечен, что сразу не заметил, как на веранде загорелось автоматическое освещение, рассеивая сумерки.

Меня лихорадило от его прикосновений. Ещё немного — и я забуду, ради чего устроила этот фарс. Он целовал, не давая сделать вдох, вызывая ответное желание. Я коснулась его кожи под рубашкой.

— Пойдем в спальню, — прохрипел он, спуская бретельку и покрывая поцелуями моё плечо.

— Нет... мне нравится здесь.

— Пойдем, — легкий укус, словно электрический разряд, заставил меня застонать и прогнуться ему навстречу.

Опьяненная, я с трудом взяла себя в руки, понимая, что если не сделаю этого сейчас, то уже не смогу остановиться. Нежно проведя рукой по его плечу, я с силой рванула рубашку, так, что пуговицы разлетелись во все стороны.

Не ожидая этого, Кристоф отпрянул, показывая мышцы пресса, изуродованные шрамам.

Такими же, как у меня.

— Как ты мог?

Он столько времени меня обманывал, и сейчас мне было так же больно, как и тогда, когда я осознала, что меня предал Ханс. А ведь я так хотела ошибиться.

— Ив...

Я выскользнула из-под него и побежала в номер. Кристоф быстро настиг меня, обхватил сзади, не давая возможности вырваться.

— Отпусти меня! Видеть тебя не хочу.

— Ив, выслушай меня.

— Ты обманщик! Ты мне столько времени врал!

Я брыкалась, пытаюсь вырваться, но против его силы у меня не было шансов.

— Я тебя не обманывал, — он повысил голос. Видя, что я не собираюсь сдаваться, он выпустил меня. Подняв руки вверх, уже спокойным голосом произнес: — Успокойся. Я тебя трогать не буду. Я могу всё объяснить.

— Мне и так всё понятно.

Мы стояли друг от друга на расстоянии двух метров.

— Тогда я хочу признаться. В одном я врал: не нужно мне никакое чистокровное потомство, мне всегда нужна была только ты! Все эти пять лет я смотрел за тобой и искал возможность быть рядом. Но судьба нас разводила. Я не мог заснуть, пока не убеждался, что с тобой всё в порядке. Меня трясло, когда я видел это неудачника возле тебя. А сколько раз я хотел оторвать ему руки, чтобы он не прикасался к тебе...

— Ты чудовище.

— Ты меня не слышишь, — с досадой произнес Кристоф.

Глава 17

Мы разошлись по разным комнатам, сильно поругавшись. Я ушла в спальню, а он расположился на диване в гостиной, прихватив подушку и одеяло. Меня трясло от злости и обиды, и уснула я с трудом.

Утром Кристофа уже не было. Видимо, он решил мне дать время все обдумать. Возле кровати на маленьком столике стоял завтрак.

— Вот тебе и доброе с утра, — грустно произнесла Мариса.

— Доброе...

От бессилия и желания выкинуть всё из головы, я включила плазменный телевизор, занимавший всю стену. На экране возник Ханс, он давал интервью о моем исчезновении. Если раньше я жалела, что бросалась в его камнями, то сейчас мне захотелось забить его ими до смерти. Пульт с грохотом разбился о стену, разлетаясь на мелкие осколки. В голове пульсировала единственная мысль: «Меня все предали». Даже Мариса, острая на язык, притихла. До обеда не было произнесено не единой фразы. Я провела это время, сидя на пляже у воды, давая волнам дотрагиваться до моих стоп. Океан умиротворял и помогал разобраться с тем хаосом, что творился в голове.

Кристоф тихонько подошел сзади и сел рядом со мной. Я даже не посмотрела на него.

— Ты со мной теперь совсем не будешь разговаривать?

— А есть смысл тебе что-то говорить?

— Есть, — он поднял небольшой камушек и бросил его в воду.

— Я дам это чертово интервью, если ты пришел ради этого.

— Не надо, я уже всё отменил.

Я взглянула на него, стараясь понять, серьезно он говорит или блефует.

— Ты мне жизнь спас в лесу, думаю, это будет честно.

Кристоф оставил последнюю реплику без комментария.

— Когда придёт журналистка? — настаивала я.

— Никогда.

Ещё один камушек полетел в воду. Всё утро я думала, как выскажу ему всё в лицо, но когда он оказался рядом, мысли улетели, и я сказала совсем другое:

— Если не завершить наше исцеление, я никогда не смогу иметь детей. Поэтому я искала человека из моих видений.

Тень боли пронеслась по его лицу.

— Я этого не знал... Прости...

Тишину между нами разбавлял шум волн. Казалось, что больше ничего их не потревожит, но Кристоф продолжил:

— ... Прости, что заставил тебя жить под замком, что разрушил твой брак. Наверное, я был не прав... — очередной камень упал волну. — ...Но я не жалею об этом.

— Спасибо, что разрушил мой брак.

— Надеюсь, ты не злопамятная и не станешь разрушать мой.

Я слабо улыбалась.

— У меня есть последняя просьба. Давай попробуем всё начать с начала. Без барьеров

вокруг дома и зрителей. Я уже раскрыл тебе всё свои тайны и давно полюбил твои, — его ладонь накрыла мою, — дай нам шанс и, если не получится, я обещаю, что опущу тебя.

Его откровение лишило дара речи, но, собравшись, я произнесла лишь:

— Я подумаю...

— Буду ждать.

Кристоф сжал и поцеловал мою руку.

— Думаю, настал момент завершить исцеление.

Я крепко обхватила его руку и начала обряд. Кожу обдало сильным жаром, а мои вены засветились, перенося энергию. Я собрала всю силу, которая у меня была, и направила её к Кристофу. Она медленно перетекала в его тело, я чувствовала, как, дойдя до сердца, магия прильнула к старым шрамам, излечивая их.

Сияние на нашей коже померкло, говоря о завершении обряда. В приподнятом настроении я задираю свою футболку и замираю в непонимании — ничего не получилось!

— Ничего не могу понять...

Кристоф расстегнул рубашку, проверяя, что стало с его шрамами.

— У меня тоже без изменений.

— Но как? Я сделала всё правильно! Я почувствовала, как тело исцелилось. Видимо, что-то мешает.

— Ни «что-то», а «кто-то», — задумчиво произнес Кристоф. — Морок.

Меня будто окатило ледяной водой.

— Он... может?

— Он многое может. На то он и демон.

— Значит, нужно выгнать его. Почему ты до сих пор его не прогнал?

— Нельзя взять и выгнать демона. Я уже не первый год бьюсь с ним. Вот почему я спонсирую все эти раскопки и музеи. Я ищу ответ на этот ответ, и, знаешь, что...

— Что?

— Такие демоны, как Морок, не уходят одни. Они всегда забирают с собой носителей.

Красиво обставленная комната для приёма небольшой группы гостей была заполнена незнакомыми людьми. Около часа визажист потратил, убирая следы бессонной ночи. Ещё столько же трудился парикмахер, придавая волосам объёмные волны. Платье карамельного цвета на тонких бретельках выгодно оттеняло цвет моей кожи. Я молча сидела перед оператором, пока тот настраивал камеру.

Молодая журналистка в дальнем углу комнаты разговаривала с Кристофом. Я улыбнулась, когда наши взгляды встретились. Кристоф не хотел этого интервью — я настояла. Он долго отпирался, пока я не упрекнула его, что он опять решает всё за меня. С трудом, но он впервые мне уступил.

Последние сутки перевернули всё с ног на голову. Кристоф уже не был в моих глазах заносчивым самовлюбленным типом, мечтающим лишь о чистокровном продолжении рода. Я увидела его другого: сильно и любящего, нежно оберегающего и терпеливого. Я смогла осознать всю глубину чувств, которые тревожили его долгие годы. И пусть во мне еще саднила обида, при воспоминании о том, сколько раз он играл мною в роли незнакомца, но это несопоставимо с предательством Ханса.

Журналистка села напротив меня в кресло, а на аппаратуре загорелась яркая кнопочка эфира. Я немного нервничала и боялась каверзных вопросов, но, вопреки волнениям, наша беседа проходила доброжелательно.

Конечно же всю правду я рассказать не могла. Я понимала, чем рискует Кристоф, и что его провал повлечет за собой рост рейтингов Ханса, но принимать сторону бывшего мужа я не собиралась. Я лишь хотела опровергнуть ту ложь, которую наплел Ханс, чтобы уровнять их шансы в предвыборной гонке.

Мне пришлось придерживаться истории, которую рассказал Кристоф на юбилее матери. Немного сглаживая шероховатости и стараясь уходить от скользких вопросов о внезапном разрыве с Хансом и скорой свадьбе с Кристофом, о своих политических убеждениях и об отношениях с бывшим мужем.

Старалась держаться как можно увереннее, но все равно переживала. Несколько раз я взглянула на Кристофа за спиной оператора, он поднял большой палец вверх, и мне действительно становилось легче. Он был рядом, и я чувствовала его поддержку.

Интервью продлилось около двух часов. Журналистка поблагодарила меня за работу, и съёмочная группа начала собирать аппаратуру. После началась семейная фотосессия для журнала. Фотограф, как настырный шмель, кружился вокруг нас, но мы его почти не замечали. Кристоф так нежно обнимал меня за плечи и ласково смотрел в глаза, что весь мир уходил на задний план. Я лишь смущенно улыбалась и отводила взгляд. Он наклонился к моему уху и прошептал так, что слышала только я:

— Ты так смущаешься, словно влюбилась в меня.

В ответ я лишь покраснела, а на его лице появилась победоносная улыбка. И хоть съёмка заняла много времени, показалось, что прошёл лишь миг, в котором я утонула в его глазах.

— Ты молодец. Это нужно отпраздновать, — он легонько коснулся губами моей щеки.

Предложение Кристофа всё ещё звенело в моей голове, и я до конца не решила, отвергать его или принимать. Мы спустились на первый этаж отеля «Алекс Нортон», где находился уютный итальянский ресторан, предназначенный только для vip-гостей.

Вечер плавно перетекал в ночь. В зале звучал саксофон, мелодия трогала сердца. После стресса есть не хотелось. Мы заняли два места у барной стойки. Бармен поставил перед нами бокал красного вина для меня и виски для Кристофа.

— Что теперь будет? — начала я разговор.

— Интервью покажут по всем телеканалам. Оно вызовет сильный резонанс. Общественность любит такие истории.

— У Ханса будут проблемы?

— Не думаю, он выкрутится. Он хорошо умеет это делать... Ты за него переживаешь?

— Ты ревнуешь?

Кристоф отпил из своего бокала, медля с ответом.

— Думаю, да, — обескуражил меня своей откровенностью. — Что у вас с ним за дела?

— Ничего, кроме метания камней.

Кристоф тихонько рассмеялся.

— Вот и славно.

Он бросил небрежный взгляд на бармена, после которого тот скрылся из зала, оставляя нас вдвоем. Муж положил руку мне на талию и проникновенно прошептал:

— Завидую ему черной завистью. Ему удалось покорить такие высоты, которые до сих пор мне не сдались.

Понимая, что Кристоф говорит не о политических достижениях, я смущенно хихикнула.

— Терпение — твоя добродетель, — обхожу щекотливую тему.

— Ты слишком хорошего обо мне мнения. Я чертовски нетерпелив. Так и хочется... — он пальцами сбросил тонкую бретельку платья с моего плеча ... — снять с тебя эти тряпки и хорошенько...

Я ладонью закрыла ему рот, взволнованная его словами.

— Если ты не замолчишь, тебе придется спать под дверью номера.

Он осторожно убрал мою ладонь.

— Думаешь, меня это остановит?

— Уверена в этом.

— Готов побиться об заклад, что, если я захочу, ты сама мне откроешь дверь.

— Самоуверенность тебя погубит.

Я поправила платье и встала из-за барной стойки. Показательно прозвенев ключами, грациозно пошла к выходу — ему никогда не попасть в номер!

— Я допью и поднимусь, — бросил он вдогонку.

— Я положу у двери подушку для тебя.

Размеренным шагом я вышла из ресторана в холл и пошла к лифту. Обернувшись, увидела Кристофа — он шел за мной, хитро улыбаясь и не торопясь. Я вошла в кабину и нажала кнопку нужного этажа. Всего пара секунд — и я уже шла по коридору к своему номеру. Кристоф появился на лестнице, когда я проходила мимо неё. Его взгляд заставил сердце сбиться с ритма.

— Ты не успеешь.

— Я и не тороплюсь.

Он шел мимо дверей чужих номеров, и в каждой громко щёлкал замок.

Я быстро скользнула в номер и заперла дверь. Прислонившись к ней спиной, я прислушивалась к мягкому шороху его шагов. Наконец, ручка дернулась вниз.

Кристоф положил ладонь на дверь, ощущая Ив даже через преграду. Она была совсем близко и всё же далеко. Её запах завлекал и сводил с ума. Ему не мешала эта дверь, он мог бы с легкостью открыть её, но, улыбнувшись, сделал по-другому.

Мужчина медленно очертил рукой силуэт жены, и с её плеча соскользнула одна бретелька. Он огладил её грудь и бедро, и Ив отпрянула от двери, ощущая его прикосновения и не понимая — как? Оперевшись о консоль с зеркалом, она смотрела на дверь, ощущая нежное прикосновение мужа. Кристоф снова очертил силуэт жены, уже другой рукой — и вторая бретелька упала с плеча Ив, и снова будто невидимая рука огладила её бедро. Кристоф потянул молнию на спине, расстёгивая её и обнажая прямую спину жены, и она схватилась за платье, прижимая его к груди, чувствуя себя странно, как тогда, у зеркала.

Кристоф улыбнулся и закрыл глаза. Шагнув невидимым призраком из телесной оболочки, он прошёл сквозь дверь и подошёл к Ив. Она не могла его видеть, и он обозначил своё присутствие лёгким дуновением на её шею. Её кожа покрылась мурашками, женщина коснулась того места, где почувствовалась горячее дыхание и прошептала:

— Ты здесь...

Кристоф ласково оглаживал её тело, будоража нежную кожу и заставляя жену вздрагивать. Он провёл ладонью по щеке и легко коснулся ее губ... и не удержался — прильнул к её рту губами, отпуская их лишь для того, чтобы прошептать «Впусти меня». Но Ив не сдавалась, мотала головой и шептала «нет». Кристоф обнимал жену, лаская её обнажённую спину и скользя по ягодицам невидимой рукой, он целовал её шею и плечи, не давая жене опомниться и чувствуя, как она загоралась желанием в его невидимых руках.

О снова попросил «Впусти» и, получив в ответ упрямое «Нет», отпустил её, вернувшись в свою оболочку...

Я чувствовала его каждой клеточкой своего тела. Его дыхание и прикосновения будоражили кожу, сердце билось так, что кружилась голова. Кристоф отпустил меня, и я поняла, что почти не дышала, отдаваясь магическому наваждению и его ласке. Он ушёл, и стало холодно. Я одиноко. Я вдруг поняла, чего ему стоило держаться всё это время. Ведь он мог вот так сделать и раньше, и я бы не смогла помешать ему. Но он не делала этого.

Сердце ударило так, что стало больно. И этот толчок почти бросил меня к двери. Я отперла замок и распахнула дверь, готовая броситься за мужем...

Но он стоял прямо за ней.

Я бросилась в его объятия, целовала его губы, щеки, глаза, одаряла россыпью поцелуев все, к чему удавалось прикоснуться. Мы упивались друг другом, словно не виделись тысячу лет, а завтра нам суждено расстаться.

Кристофа прижимали меня к себе так крепко и с таким наслаждением, что было почти больно, но мне не хотелось, чтобы он отпускал меня.

Платье оказалось на полу, и я осталась в одном белье уже в номере, и не поняла, как он захлопнул дверь и внёс меня сюда. Он посадил меня на консоль. Ваза с розами с грохотом упала и разбилась. Муж целовал меня, держа мою голову в ладонях, а я прижималась к нему так крепко, как только могла. Вдруг бюстгальтер расстегнулся, а я рванула с Кристофа рубашку, снова срывая пуговицы. Кристоф замер на секунду и посмотрел в мои глаза. Его взгляд окатил лавиной нежности и любви:

— Ты для меня — весь мир. Нет ничего дороже...

Мне не нужно было этих слов, я увидела это в его глазах, я всё поняла ещё когда оставила его за дверью. Я почувствовала тоже самое. И когда наши губы снова встретились, я уже не заметила, как мы остались без одежды.

В момент наивысшего удовольствия я почувствовала, как падаю в бездну, где ярко вспыхивали звёзды нашей любви. И в этот момент я поняла, что была не одна. Кристоф падал со мною.

Звук льющейся из крана воды и гремящей посуды разрывали тишину небольшой квартиры. Клара мыла посуду: одна тарелка, одна ложка, одна кружка. Одна... Лицо без улыбки, глаза без блеска. Чувство, словно оторвали кусочек души и выбросили на помойку.

Она выключила воду и вытерла руки. В душе ещё сильно болела свежая рана. И имя ей — Кристоф. Клара убеждала себя, что время лечит. Но это не так. Время не помогало, наоборот, вытесняло из памяти все плохое, идеализируя образ Кристофа. Чем дольше она его не видела, тем совершеннее он ей казался. Она даже себя возненавидела за то, что не смогла удержаться с ним рядом. Стараясь заглушить свои мысли, женщина взяла лежащий перед ней пульт и включила первый попавшийся канал.

Счастливая Иветта Йенсен блистала с экрана телевизора. Она делилась подробностями семейной жизни с Кристофом, рассказывая об их любви. Клара пошатнулась, уронив пульт, бросилась к своей сумочке и вывернула на стол её содержимое.

Маленькая белая визитка. Последний шанс отчаявшейся отвергнутой женщины.

Клара дрожащими пальцами набрала номер.

— Алло. Это Клара.

— Здравствуй. Видимо, ты тоже смотришь это интервью? И, я так понимаю, ты что-то решила?

— Я... согласна.

Глава 18

Строительные работы пришлось прекратить. На площадку, где более двадцати строителей занимались своим делом, ворвались с десяток студентов во главе с пожилым предводителем. Вооружившись рупором и плакатами, они совершали акт освобождения исторического наследия от агрессивного влияния современности.

— Мы требуем немедленного прекращения всех работ! — кричал Альберт в громкоговоритель, хотя его и так было хорошо слышно. — Если наши требования не будут удовлетворены, мы объявим лежачую забастовку.

— Профессор, — ему навстречу вышел бригадир, — Какая забастовка? У нас сроки горят. Мы не рушим замок, а восстанавливаем. Укрепляем каркас, реставрируем художественную роспись, изготавливаем почти аутентичные оконные витражи...

— Вот именно! Вы только подражаете. Меняете ценное на фальшивку! Немедленно прекратите это делать! Варвары!

Студенты лениво переминались за спиной профессора, явно скучая. Большая часть из них пришла сюда ради зачета, их мало интересовала участь замка. Строители, недовольно шикая, начали разбредаться по площадке.

— Профессор, — бригадир еле сдерживал эмоции, — вы мешаете нам. У нас сроки! Мы должны сдать проект, иначе моя фирма получит материальные санкции.

— Мне плевать на ваши санкции! Ради денег вы бы и пирамиду на кирпичи разобрали. Вот, что вы делаете, — он подошел в центр зала, указывая рукой на пол, — вы изуродовали паркет девятнадцатого века!

— Те пару дощечек, что здесь валялись, нельзя назвать паркетом. Мы сняли его. Нам везут из Италии лучшие паркетные доски, дизайн которых разрабатывали по архивным записям этого замка.

— Это никак не сравнится с работой лучших мастеров Ольбурга девятнадцатого века! — он прошелся по залу и остановился в самом центре. Подняв небольшой камень, он начал демонстративно им трясти. — Вот что это такое?

— Это пенобетонный утеплитель. Очень удобный материал, который сохраняет тепло в здании.

— Какое тепло? Какой пенобетон? В замках должно быть холодно! Вы рушите всю эклектику!

Альберт в ярости топнул ногой о пол. Крупные трещины появились под его ногой, расширяясь и ломая пол, и, теряя равновесие, профессор провалился в образовавшийся под ним провал. В испуге все бросились к краям ямы.

— Все хорошо, — крикнул Альберт, — не нужно помощи. Зовите журналистов. Я нашел её! Печать всё время была у меня под носом!

Я лежала на плече Кристофа и сожалела, что утро наступило так быстро. Он крепко спал. Немного отодвинувшись, я попыталась встать, но неожиданно муж притянул меня себе, наградив уста жарким поцелуем.

— От тебя не скрыться.

— Я всегда тебя найду. Но удирать от меня у тебя прямо талант.

Он подмял меня под себя, осторожно коснулся пальцем между бровей, обвел контур носа, губы, спустился к подбородку. Внимательно рассматривая мои черты.

— Ты — совершенство, — искренне произнес Кристоф.

Его поцелуй пьянил и распаллял желание. Супруг явно не собирался останавливаться на

нѐм, и я обняла его, отвечая на ласку.

Неожиданный звонок телефона отвлѐк Кристофа, он потянулся к гаджету, но я взяла его лицо в ладони и поцеловала, стараясь вернуть его внимание. Он ответил, но тут же освободился и, немного отодвинувшись, произнес:

— Прости, это важный звонок. На этот телефон звонят только в особых случаях.

Я обиженно поджала губы, мысленно поставив для себя галочку, что в следующий раз поступлю с ним так же. Он поднялся с постели и, взяв телефон, вышел в другую комнату. И хоть я не особо интересовалась его профессиональной деятельностью, обрывки разговора заставили меня подняться с кровати:

— Что?.. Нашлась печать... Очень хорошо... Я скоро буду.

Он положил трубку и вернулся ко мне.

— Что за печать? Я слышала, как ты произнес это слово.

Кристоф с горящими от счастья глазами произнес:

— Печать, которая и есть проход в мир демонов.

В груди загорелся огонек надежды, что Морока удастся прогнать в его мир, и не дать утащить за собой Кристофа.

Два путника продирались сквозь чащу леса в поисках своего счастья. И хотя цель у них была одинаковая, пути её достижения каждый видел по-разному.

Клара с боязнью поглядывала на Эрика. В её голове роились сомнения, что она совершила большую глупость, связавшись с ним. Но обратно дороги не было. Она понимала, что просто так Эрик теперь её не отпустит. Она была нужна ему, как воздух.

— Я не помню дороги, — пыталась она увести его в другом направлении, — может, нужно пойти налево?

После увиденного интервью у немки разыгралась сильная обида. Она захотела отомстить человеку, не оценившему глубину её чувств. Она набрала номер мага, и тот задал единственный вопрос: знает ли она про источник силы Кристофа. На эмоциях Клара сказала правду — она знала его тайну. Теперь ей придётся расхлебывать последствия своих разгулявшихся эмоций.

— Нет. Мы идем правильно. У меня отличная память, я бывал здесь не один раз.

И, как назло, Эрик вывел Клару на поляну, где стояла каменная арка. Женщина до последнего надеялась, что защитный купол, окружающий Ясный Утес, не пустит их на территорию, но, к сожалению, с отъездом Кристофа и Ив барьер был снят.

— Вот она эта арка. Я видел, как Кристоф выходил из неё. Видимо, там находится источник его силы.

Клара рассказала Эрику и про то, как попасть внутрь. Но, опасаясь, что оборотень может натворить что-то ужасное, она предупредила, что покажет, как войти, только при личном присутствии. Да и не могла она оставить мага без присмотра, они ведь теперь подельники, договорившиеся разделить Ив и Кристофа и поделить их между собой. В тайне она все ещё верила, что ей удастся заполучить его любовь.

— Что теперь? — спросил Эрик.

Клара сомневалась: она понимала, что поступает неправильно, но призрачная надежда подталкивала её на темную сторону.

— Нужно коснуться пустого пространства свежей кровью. Я не знаю, как это работает, Кристоф всего раз меня сюда приводил.

Громкий раскатистый вой донесся откуда-то совсем близко.

— Что это? — спросил он у Клары.

— Не знаю. Я была только у входа. Зверей, которые могут там обитать, Кристоф мне не показывал.

Новая волна звериного плача заставляла замереть сердце, но в этот раз за ним послышался рычащий, не похожий на человеческий, голос:

— Проходите. Я вас давно жду.

Испугавшись, путники переглянулись. Но Эрик схватил острый камень, раскрыл ладонь его острым концом и поднес руку к своду арки.

Проход открылся.

Яркий свет ударил в глаза, а голос требовательно и нетерпеливо подгонял:

— Смелее. Нам есть, что обсудить.

Переглянувшись, Эрик и Клара вошли...

К вечеру мы вернулись в Ясный Утес. Меня порадовало отсутствие защитного барьера. Все-таки понемногу доверие между нами росло. Большой неожиданностью стала находка печати — камня из моего сна. Осталось только понять, как провести ритуал изгнания Морока.

Я смотрела на своего мужа уже другими глазами. Мы оба люди со сложными характерами, между нами воздвигнуто огромное количество преград, благодаря которым мы не должны были быть вместе. Но, несмотря на это, мы вместе.

Кристоф прохаживался вокруг печати. После того, как её достали из-под пола, историческую находку перенесли в малый зал, где стояло пианино. Альберт ходил за ним шаг в шаг. Они о чем-то разговаривали, а я смотрела на ту самую картину с аристократической семьей. Мне искренне захотелось быть на месте этой фрау, и чтобы рядом со мной оказался Кристоф. И дети чтобы наполняли шумом наш дом.

Стало грустно. Если не избавиться от Морока в ближайшее время, наше счастье развалится, как карточный дом от сильного ветра. А я не могла этого допустить.

— Я оставляю вас, — бросила я озадаченным мужчинам и вышла на улицу.

Я не спеша уходила всё дальше от Ясного Утеса.

— Ты что, опять сбегаешь? — удивилась Мариса, — Я думала, у тебя с Кристофом всё поменялось.

— Все поменялось, Мариса. Поэтому я иду в лес. Я хочу найти Ясну, чтобы она рассказала, как запустить этот камень и сделать так, чтобы Морок не забрал с собой Кристофа.

— Ты думаешь, её так легко найти?

— Не знаю. Но просто так сидеть, сложа руки, я не собираюсь. Тем более от невинной прогулки ничего не изменится.

— Ладно. И куда пойдём её искать?

— Прогуляемся к вратам. Там я её видела в последний раз.

— Как скажешь, — а потом тихонько добавила, — из-за дурной головы и хвосту нет покоя.

— Мариса!

— А что я? Я молчу.

Уже сгустились сумерки, но я была уверена, что даже ночью смогу найти дорогу обратно.

— Ясна! — позвала, но ответа не последовало. Даже Морок молчал.

— Вряд ли она сидит в лесу и ждет, что ты её будешь звать.

— Я должна была попробовать. Где-то же она есть.

— Надо возвращаться, а то Кристоф будет тебя искать.

Сдаваться не хотелось, но в словах Марисы был резон. Вдалеке послышалось шум шагов — кто-то приближался ко мне. В надежде увидеть Ясну я смотрела туда, откуда слышался хруст веток.

— Опять гуляешь одна, синекровая?

Я на секунду застыла от ужаса, увидев Эрика.

— Уже собиралась уходить.

— У меня есть твоя вещь.

На его ладони лежало кольцо. То самое, которое мне подарил Кристоф и которое я обещала хранить.

— Откуда оно у тебя?

— Ты же сказала, что орни у тебя украли кольцо. А у меня чуткое обоняние, особенно на вещи, которые так сладко пахнут.

От его последней фразы начало слегка подташнивать.

— Отдай кольцо!

— Отдам, конечно. Но за усилия, которые я приложил, чтобы его найти, мне нужно небольшое вознаграждение. Обменяю его на поцелуй.

Его глаза блестели в предвкушении. И хоть мне хотелось вернуть аксессуар, я не готова была идти на эти жертвы.

— Оставь его себе на память.

Я собралась вернуться в замок, но он резко схватил меня за руку.

— Какая гордячка!

Я пыталась вырваться, дать ему пощёчину, но безрезультатно. Он крепко схватил меня и, с силой прижимая к себе, губами врезался в мой рот. Отвратительный поцелуй длился несколько секунд, и, наконец, Эрик меня отпустил.

— Не приближайся ко мне, мерзкое животное, — я утёрла губы. — Кристоф сотрет тебя в порошок.

Хитро улыбаясь, он произнес слова, от которых стало не по себе:

— Уже не сотрет. Теперь он вообще никому ничего не сделает.

Услышав в словах двойной подтекст, я бросилась в замок. Мне стало страшно за Кристофа. Беспокоило и то, что Эрик дал мне уйти. Вернулась в Ясный Утес, когда ночь уже сменила сумерки. В тишине спешила по старым лестницам замка в жилое крыло.

Я застала Кристофа в гостиной, он задумчиво смотрел в окно, не поворачиваясь ко мне.

— Кристоф, мне надо тебе сказать что-то важное. Ты должен знать...

— Я уже знаю, — его голос звучал безразлично.

— Ты знаешь про Эрика? Про то, что он попытался напасть на меня в лесу?

И, словно не слыша меня, он спросил:

— И давно у вас с ним?

Я замолчала, обдумывая его слова.

— Что именно?

— Роман? Как давно ты с ним крутишь?

— Нет. Ты не понял. Он сам ко мне приставал. Я же тебе говорила об этом.

Он сделал тяжелую паузу в разговоре.

— Я видел твоими глазами, как вы целовались в лесу... Уходи, Ив.

— Нет, нет. Ты все не так понял. Мы не любовники. Я же говорила тебе, что он меня донимал. Это он поцеловал меня, я не могла...

Стены заходили ходуном, падали подсвечники, зеркала и картины. Стоял сильный грохот. Я ели держалась на ногах, чтобы не упасть на пол. Сильное землетрясение сотрясло дом.

— Убирайся! — прокричал Кристоф.

Показалось, что замок разваливается: с потолка сыпаться лепнина и куски штукатурки. Я упала на колени, рядом со мной, едва не задев, упало массивное трюмо.

— Уходи. Иначе я за себя не ручаюсь, — прошипел Кристоф с такой злостью, что мне стало дурно.

От обиды выступили слезы. А он даже не захотел повернуться ко мне, не захотел выслушать. Кристоф уже все решил за нас. Но во мне ещё осталась гордость. Я поднялась на ноги, стирая капли с лица. С грустью посмотрела ему в спину и, не произнеся ни слова, вышла из комнаты.

Стоило мне покинуть гостиную, землетрясение прекратилось. Я проходила мимо отреставрированной части замка, с печалью наблюдая, как Кристоф её разрушил. Столько труда превратилось в прах. Там же был и наш брак — лежал в руинах разбитых чувств.

Слезы заливали лицо. На теле завертелась Мариса:

— Ничего, мы же этого хотели. Теперь мы свободны, и нам никто не указ, — успокаивала я саму себя.

— А как же Кристоф? Как же ваше «всё начать сначала»?

— Нет никого начала. Всему конец. Ты что, не видела его? Он прогнал меня, решил, что я изменница.

— Я не видела ни выражения его лица, ни его глаз...

Меня как электрическим током ударило: я не видела его глаз! Я бросилась обратно.

— Ты что творишь? — спросила Мариса. — Мы же собирались уходить.

— Это был не Кристоф. Со мной разговаривал Морок.

— Тем более нужно удирать. Ясна же тебе сказала — ты первая, кого он захочет убить.

Запыхавшись, я подошла к двери гостиной, где оставила Кристофа.

— Кристоф не даст меня в обиду. Он обещал.

Набравшись храбрости, я вошла в комнату к монстру.

Вокруг царил хаос: вещи вывалены из шкафов и разбросаны по полу, мебель перевернута, словно кто-то намеренно делал это — землетрясение тут было ни при чем. Я боялась издать хоть один звук. Разум кричал бежать отсюда, а сердце говорило, чтобы я шла вперед. И я шла, прислушиваясь.

Показалось, что я услышала какой-то шорох в кабинете Кристофа. Дверь открылась с жутким скрипом, царапнув и без того натянутые нервы. Едва я сделала несколько шагов внутрь, как дверь с грохотом захлопнулась за спиной. Я обернулась — передо мной стоял Кристоф. Его глаза покрывала черная поволока. Им владел Морок.

— Я поняла, что ты — не Кристоф.

— Зря ты сюда вернулась. А ведь я давал тебе возможность уйти по-хорошему. Ведь ты мне так помогла. Если бы не твои интриги с перевертышем, то я, наверное, еще долго пытался бы справиться с Кристофом. А так ты сделала большую часть работы.

— У меня не было ничего с Эриком.

— Это уже неважно. Главное — ты правильно отыграла свою роль. Я вовремя сумел показать нужную картинку. Оставалось дело за малым — подтолкнуть его в пропасть, на краю которой он оказался из-за тебя.

— Неправда! Я его не брошу! Освободи его немедленно!

Всё во мраке. Не было ни низа, ни верха, ни близко и ни далеко. Блуждающий внутри своего сознания, загнанный Мороком в ловушку. Последнее, что помнил Кристоф, было ведение: Ив целуется с Эриком. А за ним всплеск эмоций: ревность, злость, ярость, отчаянье — настолько сильные, что, потеряв самообладание Морок, захватил его.

Он звал Морока, но его демон не отзывался. Как бы ни кричал Кристоф, но ничего, даже его собственный голос, не мог прорваться сквозь тьму. Казалось, выхода нет. Морок навсегда стал хозяином его тела.

Пока не появилась крошечная точка. Она приближалась к нему. Скоро он смог в ней разглядеть маленькую бабочку, крылья которой озаряли светом тьму. Она приблизилась к Кристофу, и стоило ей коснуться его, мир начал меняться.

Вместо неё Кристоф оказался в саду, похожем на тот, в котором на цепи сидел Морок.

— Морок, выпусти меня! Немедленно!

Но ответа не последовало. Он обвел взглядом периметр и случайно заметил, как вдалеке за деревьями кто-то прятался. Решив, что это его демон, он поспешил к неясному силуэту.

— Выходи, быстро!

Где-то за спиной раздался мелодичный смех. Он подбежал к тому месту, но там никого не оказалось. И снова смех за соседним кустом. В этот раз он смог рассмотреть женский образ. Погнавшись, он снова наткнулся на пустоту. Кто-то намеренно водил его за нос.

— Кто здесь? Выходи! Иначе я...

— Иначе — что? — раздался голос Ив из-за спины.

Он обернулся, и, не теряя ни минуты, одарил её поцелуем, сжимал в объятьях ту, которую всегда желал. Ив пылко отвечала на его ласку. Ему было трудно от неё оторваться, но сделать это пришлось.

— Как ты здесь оказалась?

— Я шла за тобой. Ты заблудился в лесу. Забыл, что ли? — она игриво трепала его волосы. Её улыбка сияла, а голубые глаза заставляли забыть обо всем на свете.

— Разве... Нет! Я был в замке, Альберт нашел печать... Морок... — воспоминания

исчезали из его памяти. — Мы должны уходить. Это ловушка Морока.

Он тянул Ив, всматриваясь по сторонам, искал, где же та заветная дверь, которая выведет их в реальный мир, но вокруг был только непроглядный лес.

Ив шла, торопясь.

— Может, передохнем? Я устала. Тем более ты не знаешь куда идти.

— Здесь должен быть выход, я его всегда находил.

Она подошла к Кристофу сзади и, обхватив широкие плечи, сладко поцеловала в шею. По телу Кристофа разлилась волна возбуждения.

— Может, передохнем. Я так устала, — снова, уже томно произнесла Ив.

Повернувшись, он внимательно посмотрел на неё. Впервые его посетила странная мысль.

— Как ты здесь оказалась?

— Ты меня сюда привел, — шептала она на ухо новую лужу, расстёгивая ремень на его брюках. Нежно целовала ухо, прикусывая мочку, затуманивая разум своими ласками.

С каждой секундой этого томления мысли Кристофа теряли целостность, они растворялись в небытие. Им овладевало одно желание — заполучить Ив.

Они оказались земле. Он смотрел на неё жадным взглядом, когда она снимала последнюю одежду.

— Иди ко мне, — прошептала она в нетерпении.

Белая бабочка, ярко сияя, пронеслась перед лицом Кристофа. Он бездумно уставился на неё, вспоминая, где её мог видеть раньше. Видя его замешательство, Ив положила его руку на свои обнажённые бедра и прошептала:

— Хочу тебя.

Его руки скользнули по её горячей коже, возвращая в мир плотских утех. Белый навязчивый мотылек снова летал перед его лицом. Он словно что-то хотел сказать. Вот только Кристоф не мог понять — что? И главное, где он видел его раньше...

И вдруг вспомнил тьму, в которой оказался, когда Морок его поглотил, и мотылька, что стал первым просветом, который смог бы его вывести из мрака.

— Нам нужно уходить. Сейчас не время.

— Это может подождать. Разве что-то имеет большее значение, чем наша любовь?

Кристоф отстранил Ив и еще раз посмотрел на неё.

— Ты не Ив.

— Что за глупости? А кто же я тогда?

— Видение... Ты ненастоящая.

И, словно подтверждая его слова, бабочка начала кружиться над его головой. Поднявшись, Кристоф последовал за мотыльком.

— Стой, куда ты?! — кричал образ Ив, но Кристоф бежал вперед.

Он боялся остановиться даже на секунду, боялся, что не захочет покидать это место. За деревьями показалось яркое, будто солнечное, пятно. Стремясь к нему, Кристоф вышел на поляну, в центре которой рос величественный тис. Он переливался всеми оттенками желтого от лимонного до темно бронзового. Вокруг него роились стаи белых бабочек. Оно было необычно тем, что на его ветках вместо плодов были прекрасные цветы.

— Благородное тисовое дерево, — произнес Кристоф слова, написанные над каменной аркой. — Не там я тебя искал.

Он обошел вокруг ствола, но так и не понял, что ему нужно сделать, чтобы вырваться. На горизонте поднялась огромная черная волна. Шум стремительно приближался, отдаваясь болью в висках. Волна сметала всё на своём пути и быстро приближалась к Кристофу, неся неминуемую гибель. Бабочки заметались. Кристоф приложил руку к стволу и...

...услышал, как внутри бьётся сердце Ив. Ощутил её живое тепло сквозь плотную кору. Это была она, а не иллюзия...

Цунами приближалось, ветер уже трепал волосы Кристофа. Он обхватил ствол руками, решив умереть рядом с ней, и прошептал:

— Ив, милая... я тебя люблю.

Плотно зажмурил глаза, когда стихия оказалась в шаге от него. И сквозь закрытые веки почувствовал, как Ив целует его в губы.

Кристоф нежно обнимал меня, словно боялся, что я пропаду. Он отвечал на мой поцелуй, а затем открыл глаза, в которых уже не было черноты. Его взгляд был переполнен благодарностью и любовью.

— Ты опять меня вытащила, — произнес он. — Как тебе удалось?

Встревоженный взгляд мужа пробежался по моему телу. Все истерзанное ранами, оно медленно заживало прямо на его глазах. Уверена, что у меня переломаны несколько ребер, а следы от удушья будут долго напоминать, чего мне стоило спасти Кристофа.

— Ты сделал это сам... Ты остановил Морока и сказал, что любишь меня.

— Конечно, люблю.

По моему лицу потекли слезы счастья. Я была счастлива, что Кристоф выбрался, и что осталась жива. Затем мой взгляд опустился на его грудь. В попытках сопротивления я разорвала рубашку, исцарапав его тело. Но кроме ссадин, на нем больше не было никаких ран. Шрамы от пулевых ранений исчезли.

— Они... пропали.

Кристоф начал рассматривать себя и не нашел ни единого напоминания о покушении. Заглянув под джемпер, я не нашла следов и на себе.

— Они исчезли, — я едва сдерживала радость, — значит Морок...

— Его нет. Мы прогнали его.

Мы снова обнялись, до слёз радуясь победе, и не веря, что весь этот кошмар закончился.

— Вы же не думали, что избавились от меня?

Мы повернулись одновременно.

В двери стоял Эрик со злобным оскалом и бешеным взглядом затянутых чернотой глаз.

Глава 19

В подземелье Ясного Утеса было холодно и сыро. Кристоф мерил шагом холодную камеру, в которой оказался вместе с Ив и Альбертом Гуттенбергом. Пожилой профессор, как истинный патриот своего дела, не бросить печать, а остался возле находки даже во время землетрясения. Там его и нашел Морок. Ив сидела на каменной скамейке, поглядывая на Кристофа. Страшно было всем. Несколько раз Кристоф пытался сломать железные решётки, но вместе с демоном пропала и его магическая сила. Шум приближающихся шагов не предвещал ничего хорошего. Напротив заключенных оказались две фигуры:

— Как я рад вас снова видеть, — произнес Эрик голосом Морока.

Позади него держалась немного испуганная Клара. Она хоть и пыталась выглядеть уверенной, но мимолётные гримасы страха проскальзывали на её лице.

— Это феноменально! — профессор подошел к Эрику и начал пристально рассматривать его лицо, ярким акцентом которого были черные демонические глаза. — Настоящий демон. В крови и плоти. Как это возможно?

Морок усмехнулся, бросив на Клару взгляд.

— Нужно сказать спасибо Кларе и Эрику. Выгнав меня из тела Кристофа, я, скорее всего, оказался бы в демоническом мире. Но мне вовремя пришли на помощь. Клара, показавшая вход в мое убежище, и Эрик, согласившийся принять меня за небольшую услугу.

Кристоф бросил на немку гневный взгляд, она, краснея, отвернулась в сторону.

— Поменьше эмоций, Кристоф, — заметил Морок.

В этот момент невидимая сила прибила Кристофа к решетке. Эрик схватил мятежника за горло.

— Давно хотел с тобой разобраться.

Кристоф вцепился руками в железные прутья, пытаясь отделаться от Морока, но все было безрезультатно. Демон сдавливал его глотку, лишая спасительного воздуха.

— Стой! Остановись! У нас же был уговор. Ты же обещал его не трогать, — трепала плечо Эрика Клара.

Сильные пальцы демона расцепились, а на лице появилось недовольное выражение.

— Ладно. Пусть пока живет. Я пришел за другим. У меня осталось невыполненное обещание перед моим новым носителем.

Сильный поток энергии, как ветер от лопастей самолета, пригвоздил обитателей камеры к стенам, не давая пошевелиться. Дверь распахнулась, и Морок вальяжно подошел к Ив. Он приблизился к ней вплотную, приводя в ужас бедную девушку.

— Действительно, самый манящий аромат на свете. Эрик был прав.

— Иди к черту! — прошипела она.

— Где же ваши манеры, герцогиня?

Он грубо схватил её за руку и потащил из камеры. Она сопротивлялась, но сильный удар энергии, как электрический ток, сломал её волю. Ив вскрикнула и больше не упиралась.

— Отпусти её, подонок! — воскликнул Кристоф.

Эрик остановился и с удовольствием произнес:

— Как скажешь. Но, думаю, скоро она сама не захочет от меня уходить.

Он подтолкнул Ив к выводу, а обессиленный Кристоф в приступе ярости выкрикивал ругательства в адрес перевертыша, но ничего не мог поделать. Эрик лишь смеялся. Дверь закрылась, оставляя мужчин одних. Только Клара стояла по другую сторону решетки. Когда магия Морока отпустила, Кристоф подошел к немке. С укором он смотрел на неё.

— Зачем ты это сделала? Хотя я знаю, зачем ты всё это сделала. Думаешь, тебе удастся построить своё счастье на наших костях?

— Когда я подошла к арке, я не была уверена, что разделяю идеи Эрика, — начала Клара, не обращая внимания на слова Кристофа, — скорее всего, это был порыв, который вызвал ты моим увольнением. Я хотела отомстить. И, наверное, все бы закончилось простой прогулкой по лесу, если бы не Морок. Он сказал, что нужно подставить Ив... сказал, что заберет твоё тело... пообещал, что ты будешь со мной... Я честно хотела уйти и бросить эту затею, но, видя, какие масштабы она набирает, решила остаться. Хотя бы для того, чтобы тебя обезопасить. Мне жаль, что так получилось.

Она достала ключ от камеры и открыла дверь. Осторожно отошла в сторону, выпуская мужчин из заточения.

Кристоф медленно подошел к немке вплотную. Она виновато склонила голову, боясь поднять на него глаза:

— Что он собирается делать? — зло произнес Кристоф.

Она подняла взгляд ему в лицо:

— Заколдует, так, как обещал заколдовать тебя. Чтобы ты любил только меня.

На его лице нервно играли желваки.

— Пойдемте, Альберт. Мне понадобится ваша помощь.

— Конечно, конечно. Я ни за что такое не пропущу.

Но стоило им сделать шаг в сторону выхода, поток ветра подхватил пыль с земли, и в воздухе из неё образовалось лицо Эрика:

— Как не хорошо, Клара. А я ведь тебе доверил. Ну, как говорят у вас — людей, доверяй, но проверяй. Вот ты себя и показала. А жаль, секретарь из тебя был хороший, — демон закончил свою речь злобным смехом, и пыль осела.

Сильный скрежет раздался со всех сторон.

— Бежим! — крикнул Кристоф.

Но выход из подземелья был наглухо закрыт массивной дверью.

— Смотрите! — испуганно выкрикнула немка.

Стены начали сдвигаться. Кристоф со всей силы бился в дверь, но та была запечатана магией. Их сердца раздирали страх, когда расстояние между стенами стало меньше метра. Упираясь руками и ногами, они не могли остановить смертельный пресс. Стены начинали медленно сдавливать их.

Резкая вспышка света вернула стены на свои места.

— Что это было? — спросила Клара. — Эрик передумал?

— Сомневаюсь, — сказал Кристоф, глядя в дальний конец подземелья, где в тусклом свете стояла уже знакомая ему старуха с капюшоном, закрывавшем лицо. Словно приведение, двумя рывками она приблизилась к ним.

— Феноменально, — сказал профессор, — ещё один демон!

— Вижу, тебе все-таки удалось заставить цвести свое благородное дерево, Кристоф. Похвально, я в тебе не сомневалась. Но жаль, что Морока тебе не удалось изгнать, — она

повернулась к Кларе, и та спряталась за профессора. — Теперь осталось только вернуть Морока домой.

— Я никому ничего не должен. Я заберу у него Ив, и он никогда нас не найдет.

Он снова ринулся в железной двери, но она так же была закрыта.

— Какая неблагодарность! И это после всего, что я для тебя сделала? После всего, что для тебя сделала Ив! А ведь это ты виноват, что Морок сбежал.

Кристоф повернулся, внимательно посмотрев на неё.

— Ты лжешь! Я никогда не предлагал Мороку стать его носителем.

Страх за Ив переборол инстинкт самосохранения. Кристофа вела одна мысль — во что бы то ни стало освободить любимую. Остальное не имело значения.

— Пять лет назад на перекрестке, когда ты умирал от пуль, Ив пришла на помощь и самоотверженно тянула тебя с того света. Её стремление была настолько сильным, что, помня про ту помощь, которую оказали её предки много веков назад, я не смогла не помочь ей. Но, к сожалению, время было упущено. Всего пару секунд — и мы бы спасли тебя, но не успели. Ты умер, Кристоф, и твоя душа улетела на небеса. Твоя смерть тянула за собой Ив. Я не могла этого допустить. Она — последняя аристократка, которая может открыть печать. Больше до вашего времени не дожил ни один из тех потомков, которые изгоняли Морока. Выбор у меня был не велик. И я разделила душу Ив между вами двумя...

Трое слушала рассказ старухи, задержав дыхание.

— ...Поэтому вы видели на расстоянии, ощущали касание друг друга, когда были далеки, тянулись друг к другу.

— Феноменально! — произнес восторженно Альберт.

Не замечая его реплики, привидение продолжало:

— ...Но тех пары секунд, которые ты был мертв, было достаточно, чтобы в твое тело смог вселиться Морок.

— Зачем тебе это нужно? Разве вы — демоны — не должны стоять друг за друга?

— Я — страж, который следит за порядком. Я — тьма ночи и свет солнца. Я — все и ничего. Я — не добро и не зло. Но я знаю одно: кто на стороне Морока — мой враг, кто против него — мой друг. Тебе не о чем беспокоиться, Ив знает, как изгнать демона, я давно ей всё показала. Я могу немного помочь вам, но обряд должны провести люди. А печать может открыть только Ив.

Черный балахон упал на пол. Демон пропал. Альберт подошел к брошенной ткани — под ней лежала цепь. Та самая, которая удерживала Морока.

Со скрипом открылась дверь подземелья.

— Извините, но остальное без меня. Я в этом безумии не принимаю участия, — покачала головой Клара.

Эрик почти волоком тащил меня по замку, подстегивая идти быстрее магическими разрядами энергии, хлеставшими словно плетью.

— Куда ты меня ведёшь?

— О? Тебе стало интересно? Я с удовольствием расскажу. Эрик в обмен на своё тело попросил меня об одной услуге: он хотел, чтобы ты принадлежала только ему. Хотя я бы с удовольствием придушил тебя в укромном уголке, но, к сожалению, это может привести к тому, что носитель очень расстроится и станет противиться моему господству. Слишком уж он привязан твоим печеньем.

— Печеньем?

— Да, тем самым, которым ты хотела околдовать Кристофа. Но вышло немного по-другому.

— Я никогда не буду с ним. Лучше сразу убей или на всю жизнь закрой в клетке.

— Зачем же такие варварские методы? Я же не Кристоф, чтобы сажать под замок, — открыв дверь в малый бальный зал, Морок швырнул меня внутрь. В центре комнаты стояла печать. Демон встал рядом с ней и с удовольствием произнес: — Наконец-то она у меня! Как же обрадуются мои друзья демоны, когда я открою врата и впущу их в этот мир! Мы вернем старые порядки, и в этот раз Ясна мне не помешает...

Я поднялась и, пока он говорил, боковым зрением пыталась рассмотреть возможные пути отступления.

— ...Как же приятно после стольких лет заточения снова оказаться в теле! Если на чистоту, я даже немного привязался к Кристофу. У него был этот... стержень, который заставлял прогибаться всех вокруг.

— И тебя?

— Иногда... Люблю достойных соперников. Видимо, Ясна тоже это чувствовала и придумала этот бред с тисовым деревом. Мне было так смешно смотреть, когда он искал эти деревья. Бездарь! Человечество обречено на вымирание, если не чтить своей истории.

— А что с ним не так? — я небольшими шажками старалась незаметно приблизиться к окну — оно показалось достойным вариантом для побега.

— «Ив» в переводе со старогерманского означает тисовое дерево. Он пять лет искал растение, которое сможет его освободить, а оказалось, ему нужен был человек, который все время был у него под носом.

— Как интересно, — я уже подобралась к окну, и, хоть высота приличная, готова была пойти на этот риск.

— У неё всегда было странное чувство юмора, праведная человеколюбка.

Я бросилась к подоконнику, но едва его коснулась, как невидимая сила притянула меня к Мороку, словно магнитом.

— Гляди-ка шустрая какая! Но ничего, мы это исправим, — он обхватил меня руками и пристально посмотрел. От его черных глаз стало не по себе, а от синего дыма, что он выдохнул мне в лицо, начали путаться мысли. Я с трудом понимала, где я, кто я и что, вообще, происходит. Где грань реальности, а где фантазия. Был ли Кристоф, или я его придумала? Откуда взялся Ясный Утес? Почему он носит такое название? На фоне всего этого непонимания в голове появился яркий мужской образ, отодвигающий все вопросы на задний план. Сердце забило сильнее при виде его, а в голове прозвучала фраза «Мой любимый Эрик».

— Отпусти её! — знакомый голос вывел меня из магического наваждения.

— С тобой позже закончим, — зло ответил Морок, глядя на меня. — Видимо, твой муж не может по-тихому умереть. Ему нужны фанфары, — он отшвырнул меня, и я больно ударилась о печать.

Кристоф стоял в проходе вместе с Альбертом, державшим цепь.

— Бездарный маг и немощный старик. Вы действительно думаете, что сможете меня победить?

— Проси пощады, и тогда мы просто отправим тебя в твой мир первым классом, — угрожал Кристоф.

— Скорее, я вас на тот свет, — растворяясь в пепельном тумане, Морока стал меняться.

Он превратился в большую черную пантеру, похожу на ту, которой оборачивался Эрик, но сейчас зверь был огромней и опасней. Жуткий кошачий рык эхом пронесся по залу. — В этом облике даже интерресней, — сказал демон и ринулся на вошедших.

Альберт и Кристоф разбежались в разные стороны. Секунду зверь думал за кем ему угнаться, и выбор пал на Кристофа.

— Вот что они творят? — выползла на плечо Мариса. — Без подготовки, без плана — дилетанты. Морок их в порошок сотрет.

И пока Кристоф обходил рояль с одной стороны, а Морок с другой, ко мне подбежал профессор.

— Фрау Йенсен, — сказал старик, запыхавшись, — мне сказали, что вы знаете, как открыть врата.

— Я? Только догадываюсь, точной инструкции не имею.

Послышался грохот, щепки разлетелись по всему помещению — Морок разбил Рояль, чтобы избавиться от преграды, мешающей достать Кристофа.

— Быстрее. Времени мало. Он не сможет его долго отвлекать.

— Нужно разжечь костры, — вспоминала я свой сон, — и разложить в них звенья.

Вместе мы начали разматывать цепь, но шум возни и глухой стук отвлекли нас — Морок повалил Кристофа и прижал лапами к земле. У меня защемило сердце. Я кинулась ему на помощь. Но профессор схватил меня за руку, останавливая.

— Я помогу ему, — бросился на помощь профессор, — вы нужнее здесь.

— Продолжай, Ив! — подстегивала Мариса, следившая за борьбой.

Альберт кинул в демона деревянную дощечку от разгромленного рояля.

— Иди сюда, киса. Я тебе покажу, как памятники культуры портить!

Животное только нервно рыкнуло и хотело закончить с Кристофом, но Альберт бросил в него ещё несколько дощечек. Морок ударил моего мужа когтистой лапой, от чего тот потерял сознание, и медленно пошел на профессора.

К этому времени я сделала то, что знала и могла, с печатью и цепью, даже удалось подготовить пять костров, но вот зажечь их было нечем и держать цепь некому.

— Не люблю старррое мясо, — сказал Морок, приближаясь к Альберту, — тебя я пррросто убью.

Понимая, что сейчас произойдет ужасное, я крикнула:

— Морок, сейчас я зажгу костры, и ты вернёшься к своим собратья, — засовываю руку в карман — имитирую поиск зажигалки.

Зверь тут же прыгнул ко мне, на лету превращаясь в человека, видимо, побаиваясь причинить мне вред. С силой дернул меня за руку, чтобы я выбросила источник огня, но увидев пустую ладонь, зло процедил:

— Плохая шутка, Ив.

Воспользовавшись заминкой, профессор бросился к двери, но Морок мгновенно настиг его и схватил за шею, оторвав от земли. Альберт цеплялся за руку душителя, но тот, как нерушимая скала, даже не пошелохнулся, стискивая пальцы. Под предсмертный хрипы я бросилась к Мороку, но за мгновения до этого из-за угла выскочила Клара и со всей силой ударила демона ножкой от рояля по голове. Демон упал.

— Я убила его?

— Сомневаюсь, — хриплым голосом ответил археолог. — Хотя это был бы самый лучший

исход.

Я подбежала к Кристофу и легонько начала его трясти, приводя в чувства. Он был весь изранен и побит — сражение с Мороком ему далось тяжело.

— Как вам удалось с ним справиться? — спросил Кристоф, увидев поверженного демона и с моей помощью поднимаясь на ноги.

— Это Клара, — отвечаю на его вопрос.

Мариса соскользнула с меня на землю:

— Хватит нежничать. Сейчас демон очнется, и вам не поздоровится.

Я подозвала всех к печати. К счастью, у профессора оказалась зажигалка, и огонь быстро охватил покрытые лаком дощечки от рояля — костры запылали.

— Что теперь? — спросила Клара.

— Нужно взять цепь, тогда и откроется проход.

Став в круг, мы взяли за звенья, положив часть цепи в костры. Но ничего не произошло. Мы простояли несколько минут, огонь начал угасать.

— Почему не сработало? — беспокоился Кристоф.

— Я не знаю, всё было, как во сне. Чего-то не хватает.

Словно из преисподней за спиной раздался голос Морока:

— Не хватает пятого. Вас всего четыре, — злобный смех демона ввергал в ужас. — Я вас, как мухоловкой, одним махом сейчас и прикончу...

Он резко поднял руку вверх и, вырвав цепь у нас цепь, прибил нас к потолку. Словно сжатые огромной ладонью мышцы и кости заболели.

— ...а с другой стороны, по одному намного интереснее.

Кристоф упал на пол и с трудом медленно поднимался на четвереньки.

— Мерзкое животное, — Эрик со всей силы толкнул Кристофа ногой, тот обессиленно повалился на спину, — ты так ничтожен, что на тебя жалко тратить своё время.

Серая дымка расплылась над рукой Эрика, и в ней появился острый кинжал. Морок замахнулся над Кристофом, готовый нанести последний удар...

— Нет! — закричала я, сдирая горло.

И мой крик был услышан — Ясна, материализовавшись, выбила кинжал из рук демона. Упав на пол, клинок превратился в дым и испарился. Между демонами завязалась схватка не на жизнь, а на смерть, Морок потерял контроль, и мы упали на пол. С трудом поднявшись, я бросилась к мужу — он был совсем обессилен.

— Нужно открыть печать, — простонал он.

Ясна с Мороком в пылу борьбы крушили всё, что встречалось им на пути.

— Где взять пятого?!

— Я могу попробовать! — закричала Мариса.

Мы, как могли быстро, снова зажгли огонь и растянули цепь. Кристоф еле держался на ногах, профессору явно это тоже давалось с огромным трудом — падение с высоты не прошло даром ни для кого. Мариса оплелась вокруг своего куска цепи. Костры вдруг высоко и жарко вспыхнули, подтверждая, что мы все делаем правильно. Понемногу огромный камень с письменами исчезал, а на его месте разрасталась дыра. Её рваные края лизали языки жаркого пламени.

— Ясна! — крикнула я демону, обращая её внимание на открывшийся проход.

Она лишь на долю секунды отвлеклась на меня, и Морок, обернувшись пантерой, вцепился в её плечо и рывком швырнул её в огонь.

— Не думал, что все будет так пррросто.

— Мы проиграли... — прошептала Мариса.

Демон подошел к нам и, схватив зубами горящую цепь, бросил её в проход — его края стремительно стягивались.

— После такой услуги даже не хочется вас убивать.

Я с ужасом смотрела, как неумолимо закрывалась наша последняя надежда. Клара опустила голову. Мариса питоном оплела мою ногу, не превращаясь в татуировку, готовая разделить со мной горькую участь, Кристоф взял меня за руки и с горечью и любовью смотрел в глаза.

— Как мило, — издевался Морок, — но...

...вдруг схватился за горло — цепь стремительно вылетела из узкого прохода и, затянувшись на шее демона, как лассо, резким рывком утащила Морока за долю секунды до того, как огонь погас и проход закрылся.

— Ура! — воскликнула Мариса. — Мы сделал... Ой... О-о-ой!.. Что со мной?!

Самка питона вдруг ослепительно засияла и стала расти — за ослепившим светом невозможно было наблюдать, и мы зажмурились, закрывая глаза руками. Когда сквозь веки почувствовали, что сияние погасло, увидели на месте питона девушку.

— Я... это я?.. — ошеломленно рассматривала руки и ноги бывшая самка питона. — У меня руки... и ноги...

Девушка посмотрела на нас и сжалась — она сидела совершенно потерянная и абсолютно голая. Альберт быстро снял длинный пиджак и накинул на нее, помог подняться на трясущиеся ноги и поддерживал её, пока Мариса приходила в себя.

— Твою ж моль... — тихо и как-то жалобно прошептала она.

— Феноменально! — восхитился чему-то профессор, улыбаясь во весь рот и запахивая на девушке плотнее свой пиджак.

И вдруг воздух вокруг будто поплыл мерцающим туманом, окутывая всех и наливая здоровьем и магической мощью. Она катилась по венам тёплым потоком, будоражила кожу. Сияние впиталось в нас, и наступила тишина — мы осознавали свою силу, удивляясь ей. Вдруг тишину нарушил радостный вопль Марисы:

— Смотрите, как я могу! — Мариса, уже в простеньком платье, кружилась, заливаясь смехом.

Кристоф обнял меня и жарко поцеловал в губы.

— Я тебя люблю.

— Ты уже говорил... И я люблю тебя сильнее.

Он улыбнулся. И снова меня поцеловал.

Эпилог

Никогда не любила большие города: шум, неуютные дома и безразличные люди. Всё мчится с такой скоростью, что человек перестает быть живым и становится безликой единицей. Но иногда это даже к лучшему. Иногда мне хочется стать отчужденной, и перестать ощущать, как кровотоцит сердце. Хочется стать безликой единицей.

Утро было пасмурным. Маленький тихий ресторан пустовал. Всего пара посетителей и ещё не проснувшийся официант. Я осторожно размешивала сахар, стараясь не ударить ложкой о края чашки. Я помнила, как Кристофа это раздражало. А ещё помнила, какой кофе он пьет, как, задумавшись, хмурит брови, и запах его терпкого одеколона. В голове появился почти живой образ. Захотелось прикоснуться, но образ исчез, напоминая, что он мне не принадлежит. Он счастлив с другой, а мои внутренности выворачивает наизнанку, когда я вижу его таким окрыленным. А ведь должна радоваться за него, но не могу. Боль выжигает мою душу.

Матовый бумажный пакет стоит на соседнем стуле. Я смотрела на прощальный подарок Кристофа и боялась в него заглянуть. Мне казалось, что, если я найду в нем хоть какую-то надежду, то сломя голову понесусь обратно. И мне будет всё равно, что он подумает. Во мне уже давно нет ни гордости, ни достоинства, когда дело касается него.

Но делать этого нельзя. Я оборвала связи и сожгла мосты. Охваченная ревностью и обидой, я оступилась и связалась с Эриком. Я теперь долго буду себя за это корить. И пусть Кристоф меня простил и вернул прежнее доверие, я не смогу находиться с ним рядом. Я уйду, бросив работу, продав квартиру, я улечу в другую страну. Была бы возможность, я бы с этой планеты сбежала, лишь бы не думать, что мы дышим одним воздухом.

За спиной заиграл колокольчик — в ресторан вошел новый посетитель. Приятной внешности мужчина занял место за соседним столиком и попросил у официанта утреннюю «Ольбург Таймс». Последний тут же выполнил просьбу.

Взгляд зацепился за руку, которая держала газету — не женат. Наверное, это особенность всех женщин ближе к тридцати — сразу смотреть на наличие кольца.

Набрав в легкие воздуха, я открыла подарочный пакет. В нём оказалась небольшая коробка и письмо. Руки тут же потянулись открыть послание. Какое же разочарование было увидеть там почерк Ив:

«Здравствуй, Клара.

Не беспокойся, что тебе пишу именно я. Кристоф знает о моем намерении и поддержал мою идею.

Я несказанно благодарна, что во время произошедшего в Ясном Утесе, ты нам очень помогла. Спасибо тебе большое. И я не могла обойти стороной тот факт, что ты уезжаешь. Мне понятна истинная причина этого поступка. И как бы я ни хотела тебя отблагодарить, к сожалению, твоей печали я помочь не смогу.

Зато у меня есть для тебя подарок. Вместе с письмом в пакете лежит домашнее печенье. Оно не простое — это старый семейный рецепт. Тот, кто съест его, влюбляется в первого, кого увидит перед собой.

Удачи тебе в новой жизни!

Иветта и Кристоф Йенсен»

Растроганная заботой, я не сдержала одинокую слезу.

— Почему такая красивая девушка сидит одна такая печальная?

Незнакомец с газетой подсел за мой столик. Видимо, он наблюдал за мной, когда я читала.

— Просто немного грустно, — я вытерла глаза ладонью. — А вы женаты?

— Нет, — он смутился.

— А любимая девушка у вас есть?

На его лице засияла приятна улыбка.

— Нет, — уверенно ответил. — Меня Генрих зовут. А Вас?

— Я — Клара. Генрих, мне подарили домашнее печенье. Давайте попробуем его вместе?

— С удовольствием...

Несколько лет спустя...

Сладкий болгарский перец разнес свой аромат по всему дому. На манящий запах в кухню вошел Кристоф. Он тихонько подошел к Ив сзади и бесцеремонно схватил кусочек из салатницы.

— Эй! — возмутилась хозяйка. — Дождись обеда.

Мужчина ласково обхватил её за талию и прижался губами к шее.

— Не могу. При виде тебя у меня появляется зверский аппетит, не связанный с едой.

Ив просияла, с трудом сдерживая строгость на лице. Маленький человек с двумя синими бантами на голове зашел на кухню. Платье в тон заколкам и шарик с изображением мультяшного поросенка призывали прижать ребенка к сердцу. Яркие голубые глаза внимательно осмотрели комнату в поисках жертвы.

— Папа, тебе боня, — девочка протянула руки к Кристофу.

— Видимо, фрекен нуждается в отце, — отметила Ив.

— Эта фрекен не дает мне прохода. Вот бы ещё понять, что она хочет.

— Я отчетливо слышала «Папа», что была далее для меня тоже загадка. Так что бери малышку и ищите ту самую «Тибби боню». А аппетит утолишь обедом.

— Это мы еще посмотрим.

Кристоф щёлкнул пальцами — и весь мир замер. Только Ив с хитрой улыбкой недолго следила за волшебством, потому что Кристоф страстно поцеловал её в губы, заставляя забыть на обо всем на свете. Миг близости продлился недолго. Ив прервала единение.

— Сначала «тибби боня», потом обед, затем всё остальное.

Она щелкнула пальцами, возвращая мир в нормальное течение времени.

— Когда магия была только у меня, мне нравилось больше, — бурчал недолго Кристоф, — я даже жалею, что Ясна одарила нас такой силой.

Он подхватил девочку, всё ещё стоящую и протянутыми ручками, и, подбросив её в воздух, вышел с ней из кухни. Телевизор негромко бормотал, создавая фон. Его затмил топот, как показалась бы незнающему человеку, стаи диких скакунов. Словно стихийное бедствие, громко спрыгнув с трех последних ступенек, в комнату ворвались виновники постоянного беспорядка в доме. Ликующие возгласы и глухой стук тупых предметов заставил Ив оставить кухню и взглянуть, что происходит в гостиной.

Два мальчика лет пяти, размахивая деревянными мечами, словно рыцари, сражались посреди просторной комнаты.

— Молодые люди, вы что здесь устроили?

— Ну мам! — взмолились близнецы. — Можно мы ещё поиграем?

— С оружием только на улице и под присмотром взрослого. Сдали быстро клинки.

Опустив голову, мальчики сложили игрушки к ногам Ив.

— И чем нам теперь заняться?

— Поиграйте в спокойную игру. Скоро уже будет обед. И придёт тетя Мариса.

— Пойдем, посмотрим в нашей комнате мультики, — легонько толкнув брата, мальчики поднялись на второй этаж.

Вернуться к приготовлению Ив не дал звонок в дверь. Отворив, она увидела милостивую девушку с длинными белыми волосами.

— Твою ж моль, Ив. Чем это так вкусно пахнет? — вместо приветствия произнес бывший фамильяр.

— Жаркое в гранатовом соусе с орехами. Кристоф его очень любит.

Гостью прошла в кухню вперед хозяйки и открыла кастрюлю, из которой исходил божественный аромат.

— Какая прелесть! Когда я была питоном, оно меня так не привлекало. А сейчас я бы хвост дала на отсечение ради тарелки этого блаженства.

Она взяла ложку и зачерпнула жаркое, начала сдувать с него пар.

— Что, Мариса, до сих пор питаешь страсть к железным кастрюлям, — пошутил Кристоф.

Он вошел на кухню с сидящей на плечах дочкой.

— Тебе тоже привет, Кристоф. Вот смотрю на Анну и глаз не могу оторвать — вылитая копия маленькой Ив.

— Наша принцесса, — довольно произнес Кристоф.

Услышав своё имя, девочка залилась заразительным смехом и радостно захлопала отца по голове, отчего все взрослые рассмеялись.

— Вы слышите это? — насторожилась Мариса.

— О чем ты? — спросила Ив.

— Песенка...

«Блинки, Блинки.

Лучший в мире кенгуренок!

Блинки, Блинки

Радуетя мама и ребенок!

Блинки, Блинки...»

— Кристоф! Ты почему не запретил этот чертов мультфильм? — перепугано воскликнула Ив.

— Быстрой, они на второй этаже. В своей комнате.

Взрослые на лету забежали в комнату мальчишек, где звук детского телешоу перебивала детская ссора. Отворив дверь, они улыбнулись.

Двое близнецов кричали друг на друга, выясняя отношения. Их головы украшали уши кенгуру, а из штанов торчали кенгуровые хвосты.

Ив укоризненно посмотрела на Кристофа. Он пожал плечами, разводя руки в сторону:

— Ну, забыл я подписать этот законопроект. Но завтра первым делом им займусь.
Обещаю!